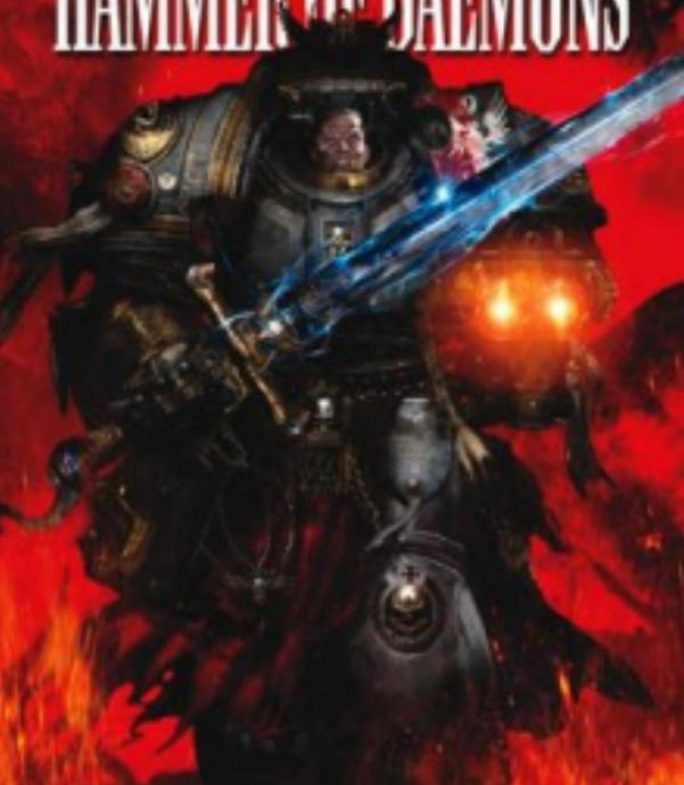

WARHAMMER
40,000

HAMMER OF DAEMONS

The third blood-soaked Grey Knights novel!

BEN COUNTER

Когда силы Империи терпят поражение от Хаоса на Сартис Майорис, юстикар Аларик из ордена Серых Рыцарей оказывается захвачен в плен и попадает на демонический мир в Оке Ужаса. Лишенный доспехов и оружия, он сражается в гладиаторских боях на потеху своим демоническим хозяевам, чье поклонение богу Кхорну выражается в бесконечном кровопролитии. Единственный шанс Аларика выжить и сбежать с адского ристалища — легендарный Молот Демонів, оружие, обладающее силой противостоять Хаосу и освободить его пленников. Но чтобы найти Молот, Серый Рыцарь должен стать монстром, работником Кхорна, убивающим в его честь.

- [БЕН КАУНТЕР](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
-

БЕН КАУНТЕР МОЛОТ ДЕМОНОВ

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижит на Золотом Троне Терры. Он -- Повелитель Человечества и властелин триадов планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он -- полутруп, неловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, и ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. Поэтому Владыка Империи никогда не умирает по-настоящему. Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонами варп, единственный путь между далекими

звездами, и путь этот освещен
Астрономиконотом, зримым проявлением
духовной воли Императора. Огромные
армии сражаются во имя Его на
бесчисленных мирах. Величайшие среди
его солдат — Agentus Астартес,
костические десантники, генетически
улучшенные супервоины. У них много
товарищей по оружию: Имперская Гвардия
и бесчисленные Силы Планетарной
Обороны, вечно бдительная Инквизиция и
техножрецы Agentus Механикус. Но,
несмотря на все старания, их сил едва
хватает, чтобы сдерживать извечную
угрозу со стороны ксеносов, еретиков,
мутантов. И много более опасных врагов.
Быть человеком в такое время — значит
быть одним из миллиардов. Это значит
жить при самом жестоком и кровавом
режиме, который только можно
представить.

Забудьте о достижениях науки и
технологии, ибо многое забыто и никогда
не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных
прогрессом, о взаимопонимании, ибо во

траке будущаго есть только война. Нет
мира среди звезд, лишь вечная бойня и
кровопролитие, да стех жаждущих богов.

Пол и стены медицинского бункера были выкрашены в темно-зеленый цвет, и кровь казалась просто темной водой, собиравшейся в лужицы под кроватями.

— Он в дальнем конце, — сказала санитарка. На ее сером от усталости лице, казалось, жили огни глаза.

— Тогда поторопился, — отозвался полковник Дал'Таркен.

Санитарка повела полковника между рядами коек. На каждой лежал раненый — обмякший в полубабыти под действием успокоительных или же кривившийся от боли, пока санитар перебинтовывал его раны. Некоторые находили в себе силы кивнуть или даже отсалютовать проходящему мимо них полковнику, и он отвечал на приветствия, на миг встречаясь с ними взглядами. Однако

внимание большинства из тех, кто оставался в сознании, было приковано к мужчине, шагавшему вслеп за полковником. Огромный, в доспехах из серого металла — ничего подобного гатранцы не выдвали, пока не попали в этот мир. Несомненно, он был один из тех, кого вообще мало кому из них довелось видеть вблизи. Казалось, он сразу заполнил собой весь тесный бункер.

— Поступили трое, — продолжала санитарка, с любопытством поглядывая на фигуру в доспехах за спиной полковника. — Один еще жив. Двух других нам пришлось сжечь. — Ее речь была краткой и точной, словно запасы сострадания иссякли в ней.

Полковнику Дал'Таркену не пришлось спрашивать о самочувствии выжившего. В конце бункера стоял ряд коек под противомоскитными пологами. Беспольные в арктическом климате Сартис Майорис, они вполне годились, чтобы скрыть от глаз выздоравливающих жестоко израненных — тех, кто не понимал, что уже мертв. Выживший патрульный должен был умереть, и скоро.

--- Если это имеет значение, он не в том состоянии, чтобы разговаривать, --- продолжала медик.

--- Он в сознании?

--- То да, то нет.

--- Подождет.

Санитарка откинула полог с кровати у задней стены бункера. От койки пахло горелым мясом.

--- Задница на Золотом Троне, --- выругался лежащий на койке солдат. --- Похоже, я и правда влип.

--- Рядовой Слохан?

--- Да, сэр.

--- Я офицер.

--- Виноват, сэр. Не могу отгадать честь.

У рядового Слохана отсутствовала большая часть нижней челюсти. Ее заменили временным протезом, достаточно подвижным, чтобы говорить. Лицо с одной стороны было сплошным кровавленным мясом. Поверх вытекшего глаза была наложена марлевая повязка. Камуфляжная куртка была распорота, на груди зияла огромная рана. На нее

наложили прозрачный пласт гелевой кожи, чтобы остановить кровотечение, но ранение было слишком серьезным, чтобы Слохана можно было спасти. Столько крови натекло на пол и пропитало постель, что он умер бы от кровопотери, даже если бы остальные органы были в порядке.

Взгляд Слохана сосредоточился на фигуре, возвышающейся за спиной полковника. Какое-то мгновение он, казалось, не мог сфокусироваться, словно фигура эта была слишком велика для ограниченного пространства бункера.

Слохан улыбнулся остатками рта.

— Ты. Ха, я и не думал, что доведется взаправду столкнуться нос к носу с одним из вас... Космогесантники! Когда... когда я был маленький, то думал, что вы — это просто сказки.

Юстикар Аларик выступил вперед. В полном боевом снаряжении, высокий, чуть не в два человеческих роста. Его стальной доспех украшала сложная инкрустация золотом — религиозные изречения, на одном плече массивная накладка герба.

сияющая звезда на черно-красном поле. Другое плечо украшала эмблема — книга, пронзенная серебряным мечом. Аларик был без шлема, и над монументальными и изукрашенными доспехами лицо его смотрелось слишком человеческим, даже со всеми его шрамами и иными следами многих лет ратных трудов. Он держал алебарду, настолько глиняную, что задевала свод бункера, к предплечью другой руки был прикреплен двуствольный штурмовой болтер.

— Не сказки, — сказал Аларик просто. — Мы здесь по той же причине, что и вы. Этот мир заслуживает спасения.

— Что ты видел, солдат? — спросил полковник.

Слохан выгнулся дугой и закашлялся. В ранах на его груди проглядывала серая масса легких.

— Мы вышли вшестером. Капитан сказал, что мы идем... идем южным маршрутом, чтобы попасть в предгорья доктеллоты. Должно быть, накануне сошла лавина, путь был заблокирован, поэтому

мы двинулись в обход, вдоль Бледного
Хребта. --- Слохан взглянул на
полковника. --- Надо было нам повернуть
обратно.

Медик взяла в руки стопку листов с
распечатками, выползающими из
установки жизнеобеспечения. Она
выразительно глянула на полковника.
Неровные линии жизненно важных
показателей на листах означали, что
Слохан долго не протянет.

--- Продолжай, солдат, --- велел
полковник.

--- Вдруг из-под земли полезло... что-
то, --- сказал Слохан. Он уставился в
потолок. Слишком многое предстало перед
его внутренним взором, чтобы он мог
увидеть что-нибудь реальное. --- Руки и
лица. Они начали вопить. И был огонь.
Капитан погиб. Нам пришлось бросить его.
Он просто расплавился. Толлен снял и
начал стрелять. А я просто побежал, сэр.
Побежал прочь.

--- И потом?

--- Я бежал по гребню. Кажется, я
тоже горел. Эти непонятные штуки

вырастали из-под снега. Я добрался до вершины и открыл огонь. Чертов лазган раскалился докрасна. А потом я удрал вгдоль хребта, подальше от всего этого. Углянулся всего один раз.

Аларик опустился на колени рядом с полковником, став одного с ним роста.

--- Что ты увидал?

Уцелевший глаз Слохана повернулся в орбите, подернувшись слезами.

--- Их были миллионы, --- выговорил он, --- миллионы, и все по ту сторону Вледного Хребта.

--- Люди? --- спросил Аларик.

--- Люди, --- выдал Слохан, --- и существа. Огромные существа. Чудовища, они ждали там, словно скот на бойне. Потом ветер разогнал облака, и показались звезды, и вся долина была залита кровью. Горные ручьи оттаяли, и в них тоже была кровь. Я слышал, как они поют. Этот язык, он был совсем нечеловеческий. Та речь была пряником из варна.

--- Артиллерия? --- спросил полковник.

--- Доспехи?

--- Я не знаю, --- отозвался Слохан, --- но в воздухе тоже были монстры, с крыльями. И башня... озаренная красным... и он на стене, словно король.

--- Кто? --- быстро спросил Аларик, склоняясь к лицу Слохана. --- Кого ты видел?

Слохан попытался ответить, но вместо слов лишь судорожно всхлипнул. Из уцелевшего глаза выкатилась кровавая слеза. Санитарка отбросила распечатку и принялась регулировать настройки монитора.

--- Потерял сознание, --- сказала она. --- Он теряет кровь быстрее, чем мы можем вливать ее обратно. Больше вы от него ничего не добьетесь.

--- Бледный Хребет, --- произнес полковник Дал'Таркен. --- Прямо под нашими проклятыми носами.

--- Мы знали, что так будет, --- сказал Аларик.

--- Да уж. --- Полковник повернулся к помощнику медика и указал на содрогавшееся тело Слохана. --- Сожгите его тоже.

--- Разумеется, --- ответила она.

Аларик встретился со своим отделением в укреплениях над медицинским бункером. Вечер был даже более холодный, чем обычно, и каменные стены покрылись ледяной коркой. Струйки пара поднимались от аванпостов и огневых точек, от дыхания гатранских гвардейцев, съжившихся под своими шинелями. Серые Рыцари несли стражу на правом фланге, где медицинский бункер примыкал к ледяной стене горного склона. Остальная часть оборонительного рубежа проходила через ущелье, занятое гатранскими солдатами, все еще с некоторой опаской поглядывавшими на Серых Рыцарей. Никто из них не знал, кто такие эти Серые Рыцари, зато все слышали про косточеских десантников, спасителей человечества, величайших воинов галактики. Костодесантник был символом Империи, напоминанием о том, во имя чего они сражаются.

--- Какие новости, юстикар? --- спросил брат Холварн, когда Аларик с трудом

пробрался сквозь крошево осыпавшегося
льда.

--- Дело идет к развязке, --- отозвался
Аларик.

--- Хорошо, --- проворчал брат Дворн.

Дворн, как и Холварн, сражался
вместе с Алариком с тех времен, когда
того только возвели в чин юстикара. Если
Холварн был прирожденным лидером, то
Дворн --- боец до мозга костей. Его оружием
был молот --- редкая вещь, полностью
соответствовавшая брутальному
характеру Дворна. Аларик был рад, что на
Сартис Майорис они с ним рядом. Если в
рассказе рядового Слехана была хоть доля
правды, то вскоре оба ему пригодятся.

--- Мы знаем, с чем придется
столкнуться? --- спросил брат Визикаль.

--- Пока нет, --- ответил Аларик.

--- Узнать бы уже поскорее, --- заметил
Дворн.

--- Не будь таким нетерпеливым, ---
возразил Аларик. --- Это плохо. Враг,
должно быть, копит силы с самой нашей
высадкой. Теперь они собираются по ту
сторону Бледного Хребта. Пока мы

разговариваем, полковник мобилизует всех, кто может стать в строй. Скоро начнется. Враг не сможет долго удерживать такую силу под контролем.

--- А линия обороны устоит? --- спросил брат Тейн.

Тейн и Визикаль дополнили отделение Аларика после потерь, понесенных на Каэронии.

--- Это не мне судить, --- здраво заметил Аларик. --- Решать исход битвы будут гатранцы. Мы должны показать им, как надо противостоять врагу, и помочь, направляя их молитвы. После этого вся тяжесть боя падет на них.

--- Нет, если мы успеем первыми, --- ухмыльнулся Визикаль. Если Тейн лишь недавно удостоился господства Серого Рыцаря, то Визикаль был ветераном. Латные рукавицы его силового господства были постоянно черными из-за огня инсинератора, несмотря на проводимые над снаряжением обряды, призванные сделать их безукоризненно чистыми. --- Покажем им, как это делается.

Дворн согласно кивнул. «Некоторые

именно так и сражаются, — подумал Аларик, — просто отбрасывают прочь любые мысли о неудаче и верят, что подготовка и решимость им помогут». В конце концов, они ведь Серые Рыцари, одни из лучших воинов Империи! Но Аларик — командир, и он не мог позволить себе мыслить так просто.

— Тейн, возглавь молитву, — сказал Аларик. — Наши тела готовы, пусть же и души наши станут готовы.

Слух Аларика заполнили голоса имперских гвардейцев, низкие и печальные, слившиеся воедино в песне смерти Гатрана.

Волею судеб Сартис Майорис оказалась на пути жесточайшего из вторжений Хаоса с древних времен Ереси Хоруса. Тринадцатый Черный крестовый поход извергнулся из варп-шторма, известного как Око Ужаса, его возглавляли величайшие чемпионы Богов Хаоса. Они осадили Кадью и полностью уничтожили имперские войска, пытавшиеся остановить этот поток. Флоту Империи лишь

ценой величайших жертв удалось
остановить Черный крестовый поход на
пути к самому сегменту Соляра.
Инквизиция приняла жесткое решение,
которое ужаснуло бы даже самого
закаленного гвардейского генерала:
ковровыми бомбардировками начисто
уничтожать полки Имперской Гвардии,
ставшие свидетелями зверств Врага,
жертвовать целыми миратами, дабы
замедлить продвижение орда Хаоса, без
конца обманывать верноподданных
Императора, чтобы этим купить хоть
крохи надежды. Весь север галактики был
мобилизован, чтобы защитить сердце
Империи от Черного крестового похода.

Вместе с Хаосом явились демоны.
Ордо Маллеус, самый скрытный и
воинственный из ордов Инквизиции,
направил к Оку Ужаса беспрецедентно
огромные силы. Серых Рыцарей целыми
ротами швыряли в бурлящий котел Ока.
Око Ужаса затягивало в себя охотников за
демонами со всего Империи и
выплевывало их обратно — изуродованных,
лишившихся рассудка или мертвых. И все

же они сражались, поскольку именно это и означает быть человеком: драться, когда всякий находящийся в здравом уме понимает, что победить в сражении невозможно.

Сартис Майорис снабжал Имперский флот топливом. Ее перегонные заводы превращали радиоактивные ископаемые мантии планеты в кровь войны — в топливо для боевых кораблей сегментума. Быть может, именно потому армада кораблей Хаоса, древних сооружений, похожих на покрытые ржой кинжалы, так прорвалась к Сартис Майорис. А возможно, просто миллионы колонистов, скученных в занятых перегонкой и очисткой топлива городах, казались слишком заманчивой жертвой Темным Богам. В любом случае, завладей Хаос Сартис Майорис, двигатели имперских боевых кораблей утолкли бы и вновь корабли Хаоса прорвались бы сквозь установленную силу Империи блокаду.

Гатранский Бронекавалерийский оказался в тот момент близко и высадился на Сартис Майорис почти сразу.

после того, как силы Хаоса обрушились на южную полярную шапку планеты. Спешные стратегические совещания подтвердили, что войска Хаоса двинутся на север через единственный проход в высоких горах Реликвус — скованное льдом ущелье. Если они прорвутся через горы, под угрозой окажется любой из перерабатывающих городов. Куда они ударят в первую очередь, предсказать невозможно. Следовательно, ущелье необходимо удерживать, и сделать это должен был Гатранский Бронекавалерийский полк.

Имперские военачальники запросили буквально любую помощь, чтобы избавить Сартис Майорис от врага. В Оргос Маллеус услышали эти просьбы и провели астрономические изыскания, подтвердившие присутствие демонов в высидившихся на планету полчищах. По хорошему, следовало бы послать мощную группировку войск из костодесантников и штурмовиков с охотниками на демонов во главе, чтобы сокрушить силы Хаоса прямо на полюсе. Но эта Вселенная далека от совершенства, и все эти легионы и

инквизиторы были распылены между
множеством миров, которым угрожал
Черный крестовый поход.

Вклад Инквизиции в оборону Сартис
Майорис состоял из юстикара Аларика и
четырех Серых Рыцарей.

--- Движение! --- прокричал огин из
дозорных. --- В двух километрах! Западный
склон!

Гатранцы, находящиеся на стене,
бросились к бойницам, взглядываясь в
забрезживший рассвет. Его свет стекал по
краям долин тонкой, словно маслянистой,
дымкой, окрашивая льды горных пиков
яростным золотом. Дно долины,
протянувшейся на юг, было еще сокрыто в
сумраке угасающей ночи.

--- Я их вижу, --- обронил огин из
гвардейских командиров.

Он достал из-под шинели
магнокүляры и встотрелся через них в
долину. В темноте мелькали тени,
карабкающиеся по горному склону. Человек
не смог бы так лазать, тем более
полностью обнаженным --- не считать же

одеждой жуткий плащ из его же содранной
кожи.

— И много их? — Другой гвардеец, из
группы огневой поддержки, подался вперед,
навалившись на ствол своего
автоматического оружия.

— Может, это просто очередное
жертвоприношение, — сказал другой.

Большинство гвардейцев полагали,
что до этого момента атаки Хаоса
предпринимались специально для того,
чтобы принести в жертву культистов и
мутантов, поставив их под огонь
имперских орудий, залить долину кровью и
ублажить Богов Хаоса. Немногие
настроенные более прозаично считали,
что враг просто вынуждает гатранцев
израсходовать все боеприпасы, но после
того, как поползли слухи о бесчисленных,
многомиллионных ордах Хаоса в районе
полюса за Бледным Хребтом, все
уверились, что атака будет.

— Оружие к бою! Все по местам! —
прокричал офицер.

Взвыли сирены, и гвардейцы
торопливо полезли на стену. Те немногие,

кто еще спал, вскочили и на ходу обматывали лица шарфами, выбегая в леденящий рассвет. От их дыхания между укреплениями клубились густые облака.

Атаки шли каждую ночь. Враг бросал против них небольшие группы людей. Называть их людьми было проще. Офицеры звали их «культистами», полезное собирательное название для мутантов, еретиков и безумцев, составлявших основу войска Хаоса. Их тела, протерзанные насквозь, темными красными пятнами выделялись на свежеснеженном снегу. Среди них были безумцы в мантиях, они выкрикивали что-то на нечеловеческих языках. Другие, словно лазающие существа, предположительно были людьми до того, как с них содрали кожу и клочья ее прибили гвоздями обратно к их влажным красным телам. Некоторым из них удавалось взобраться на стену, и тогда гастронцы, что лежали в медицинском бункере или в мрачной застывшей гряде тел в северо-западной части крепости, в большинстве своем стали жертвами этих

скачущих и воящих созданий.

Время от времени с небес била красная молния, превращая людей в куски обугленного мяса. Порой солдаты сходили с ума и убивали своих собратьев, и неизвестно было, то ли это какая-то магия врага, то ли обычный военный психоз. Многочисленные разведгруппы, посланные на поиски противника, обычно не возвращались, а если кто-то и приползал назад, то обгоревший, изувеченный или лишившийся рассудка. Враг хотел измотать войско гатранцев, ослабить его, чтобы люди измучились и оружие устало стрелять.

Эти стерти были слишком незначительными. Боги желали зрелища.

--- Ты! --- крикнул полковник Дал'Таркен ближайшему из офицеров, пулей вылетев из командного бункера. --- Пошли людей на ту огневую точку! Утащи инженеров наверх, к орудиям. Эти проклятые штуковины клинит через два залпа на третий.

Гвардейцы карабкались к своим боевым постам, в том числе к танкам.

втерзшим в лег на флангах. Гатранский полк был бронетанковым, но топливо в двигателях их «Леманов Руссов» застыло, и те из танков, что еще действовали, зарыли в снег, чтобы использовать в качестве неподвижных огневых точек.

— Полковник! — окликнул Аларик, проталкиваясь мимо солдат, столпившихся на стене. — Где мы нужны вам?

— Держите правый фланг, — ответил тот. Но правде говоря, он не имел права командовать Серыми Рыцарями, подчиняющимися Инквизиции, но правила теперь были менее важны, нежели план сражения. — Если они заложат взрывчатку между медицинским бункером и стеной со стороны долины, то смогут пробить брешь в стене. Вы не должны допустить этого. — На мгновение лицо полковника стягчилось. — Удачи, юстикар, — добавил он.

Полковник Дал'Таркен, единственный из гатранцев, имел некоторое представление о том, кем на самом деле были Серые Рыцари и почему их прислали

на Сартис Майорис.

--- С нами Император, --- ответил Аларик и, развернувшись, направился к своим людям.

Серые Рыцари были уже на позиции. Медицинский бункер на крайнем правом фланге линии обороны пригнулся к стене, утыканной зубцами, словно челюсть дракона каменными зубами, и все же это было самое уязвимое место оборонительного рубежа. Противник сконится здесь, подгоняемый перекрестным огнем гатранских орудий, и раньше или позже культист зашвырнет взрывнакеты или связку гранат как раз в нужное место, чтобы взорвать лег и пробить брешь, достаточно широкую для человека. И тогда линия обороны будет прорвана, и все ее защитники погибнут.

Если не учитывать того, что здесь были Серые Рыцари. Что же касается гатранцев, ничто не сможет сокрушить их, пока живы костодесантники.

--- Это не очередное жертвоприношение, --- заметил брат Визикаль. --- Они чего-то выжидают...

--- Это ненадолго, --- отозвался
Аларик. --- Враг не настолько терпелив.
Он нанесет нам удар здесь и сейчас.

--- Юстикар, --- сказал Тейн, --- это Бог
Крови, да?

Аларик оглянулся на младшего из
Серых Рыцарей. Тейн был прав. Символы,
песнопения, безумное стремление к
смерти, кровь --- все говорило о том, что
на Сарнис Майорис опустилась глать
Бога Крови. Тем не менее немало Серых
Рыцарей пало в бою из-за того, что им
показалось, будто они разгадали
противника, и Аларик не спешил с
окончательными суждениями.

--- У Хаоса много обличий, --- ответил
Аларик. --- Мы не узнаем, какое из них он
принял здесь, пока не посмотрим ему в
глаза.

--- Техника, --- сказал Холварн,
указывая в темноту южной оконечности
долины.

Ледяной рассвет выхватывал из
трака горные хребты из скал и снега, и
Аларик, проследив за взглядом Холварна,
разглядел корпус бронемашин, изъеденные

ржавчиной и заросшие ракушками, словно древние обитатели морского дна, неуклюже ползущие сквозь бурлящую тьму.

--- Вот и оно, --- вздохнул Аларик. ---
Тейн?

--- Я молот, --- начал брат Тейн, поскольку в отделеении Аларика самый толстой из новобранцев возглавлял остальных в их молитвах. --- Я наконец надел Его копья, я латная рукавица на Его руке...

Монотонный гул молитвы слился с тихим свистом ветра над линией имперских войск. Гатранцы тоже молчали, они пели древние боевые песни своего родного мира, мира бескрайних равнин и фиолетового неба.

В ответ небеса над головой побагровели, затем почернели и наконец стали красными. Заклубились наливающиеся кровью тучи, и долину залил ржаво-красный свет --- цвет засохшей крови. Горные хребты окрасились алым. Над головой внезапно полыхнула красная толня, и на долю секунды Аларик увидел происходящее на южном краю долины: колышущаяся масса тел в мантиях,

гроыхающие хитроумные конструкции, будто древние металлические пауки, башня, словно из замороженной крови, и фигура в доспехах, склонившаяся с ее стены. Даже этот кратчайший протельк каким-то образом передавал всю безграничную нагленность зла.

Даже ветер изменился. Он яростно бросался на укрепления, донося слова языка, режущего уши.

— Они молятся, — произнес Холварн.

— Это не молитва, — сурово ответил

Дворн. — Они канючат, выпрашивают. Хотят, чтобы их бог смотрел на них, когда они будут утирать.

Молитвы гатранцев зазвучали громче, споря с еретическим гулом. Голос Тейна возвышался по мере того, как ветер обрушивал все новые богохульства на позиции имперских войск. Ветер теперь стал горячим, он нес зловоние застарелой крови и пота, и тьма медленно нагвигалась.

Их были сотни тысяч. Изуродованных и безумных, облаченных в одежды или абсолютно нагих, лишенных даже

собственной кожи, с огнестрельным оружием, ножами или вооруженных лишь окровавленными костями своих пальцев, острыми как ножи. Аларик увидел боевую машину, поддерживавшую орду. Ее изъеденный коррозией корпус держался на четырех механических ногах, и она ковляла враскачку по тающему снегу, точно жирный стальной паук. Реющие над ордой знамена несли стилизованные изображения черепов и пергаментов из человеческой кожи с начертанными на них кровавыми молитвами. Перед ордой кнутами гнали огромных мутантов в два человеческих роста. Тела их были утыканы железными шипами, на которые были насажены головы и руки павших гатранских воинов, и эти ходячие подставки для трофеев ревели, словно стадо коров, погоняемые культистами.

Кровь из множества ран окрасила снег. Казалось, что сама долина — это кровоточащая рана, а войско Хаоса — струящаяся из нее кровь, которая все прибывает, чтобы утопить гатранцев в своей безумии. Солнце Сартис Майорис

пыталось пробиться сквозь собравшиеся тучи, ведя собственное сражение в небесах, оскверненных хлопаньем крыльев кружащих в вышине существ.

--- Да будем мы Его щитом, как Он стал нашей броней, --- продолжал Тейн. --- Да будем мы нести Его слово, как Он питает огонь нашей преданности. Да будем мы сражаться в Его битвах, как Он сражается в битве у конца времен, и да воссоединится с Ним там, ибо долг не оканчивается со смертью.

По всей линии обороны затранцы заняли свои огневые позиции. Главное орудие развернулось, целясь в середину орды, с его массивного ствола от движения посыпались сосульки.

--- Сигнальные ракеты! --- пронзительно выкрикнул офицер, и несколько ярких вспышек расцвели на снегу между линией обороны и наступающей армией. К небу устремились клубящиеся столбы густого зеленого и красного дыма. Они обозначили линию максимальной дальности прицельной стрельбы из лазгана, линию, перейти которую враг мог

не иначе как прорвавшись сквозь стену
лазерного огня.

Орудие выстрелило, откатившись
назад на своей платформе, поднятой над
линией обороны. Стены содрогнулись. С
горных склонов посыпались осколки льда.
Даже после недель, проведенных на стене,
солдаты-габранцы содрогнулись от
ужасающего грохота. Серый язык из снега
и раздробленного в порошок камня
взметнулся перед авангардом орды,
ударная волна разметала культистов,
попадавших на землю от толчка. И тем
не менее орда приближалась все быстрее,
передние ряды ее перешли на бег.

Аларик занял позицию за зубцами
стены. Рядом с ним был брат Холварн.
Если Аларик погибнет, именно Холварн
примет командование отделением, и
Аларик и подумать не мог, чтобы во
время боя возле него был кто-то иной.

— Скоро они будут тут, — сказал
Аларик. — Они не побегут. Мы должны
встретить их лицом к лицу. Визикаль,
потребуется много огня.

— Считу за честь, — отозвался

Визикаль.

Запальник его огнемета вспыхнул, готовый поджечь освященный протетий в резервуарах оружия. Как раз в эту ночь на топливом свершили молитвенный обряд, чтобы Императора явить Его волю посредством священного пламени. Огонь сжигал плоть врагов, но вера выжигала их души, и вера была главным оружием Серого Рыцаря.

Орга приближалась. От нее исходило угдушливое зловоние. Теперь башня из замороженной крови была видна всем. Вот она словно деформировалась, часть стены открылась, будто отвисшая челюсть, образовав подобие лестницы. Человек в черных доспехах, покрытых красным лаком, спустился на землю. При нем был двуручный меч с клинком глиной в его собственный рост. Он держался величаво и нагменно, красивое лицо его было столь бледным и таким почти геометрически правильным, что казалось вырезанным из льда. Воин был высок, как костодесантник, и окружен аурой такой жестокости и властности, что требовалось изрядное

усилие воли, чтобы не пасть перед ним на колени. Орга расступилась, громадные воины в ржаво-красных латах окружили его. Башня по-прежнему оставалась вне досягаемости для лазгана, но повелитель полчищ Хаоса был прекрасно виден, словно маяк посреди орды.

--- Видишь его? --- спросил Холварн.

--- Да.

--- Гвардия с ним не справится, --- заметил брат Дворн. --- Это наша работа.

--- Пока что, Дворн, мы помогаем удержать линию обороны.

Орга достигла первого из сигнальных дымов. На таком расстоянии Аларик уже мог различить их лица, покрытые шрамами или кровавыми масками или просто настолько искаженные ненавистью, что в них не осталось ничего человеческого.

--- Огонь! --- выкрикнул полковник, и воздух перед укреплениями пронзили вспышки лазерных выстрелов.

Передние шеренги культистов были сметены, лазер, словно серпом, косил тела. Там, где лег и снег испарились, в воздухе

взметнулись клубы пара. Грохот был оглушительный, словно сама реальность рвалась на куски от ярости. Главное оружие выстрелило снова, но его рев почти затерялся за треском артогня, столбы дыма и фонтаны крови восклицательными знаками вставали посреди побоища.

Аларик прицелился и выстрелил. Серые Рыцари рядом с ним сделали то же самое. Точность у костогесантника была отменная, и он выбирал среди всеобщей суматохи очертания отдельных голов и тел и всаживал в них разрывные болты. В местах их разрывов взметались фонтаны из крови и костей. Аларик стрелял очередями, выбирая себе культиста и разрывая его на части. Серые Рыцари вгрызались в шеренги сил Хаоса, оставляя кровавые отметины, и вот уже культистам пришлось карабкаться по телам своих мертвых.

Однако передние ряды были лишь безвольным пушечным мясом. Истинная мощь армии двигалась следом, вынуждая гатранцев тратить боеприпасы и время на уничтожение той швали, которую

знали через линию огня.

Волна нападающих приближалась. Ритмичный грохот сделался неистовым, пальцы сводило на спусковых крючках --- газранцы поливали безлым огнем копошащуюся массу людей, приближающихся к ним. Боевая машина поднялась из огня, орудия ее открылись, хотя огонь лазганов осыпал ее дождем искр.

--- Визикаль! Они в пределах досягаемости! --- крикнул Аларик, полагаясь на то, что вокс-связь донесет до отделения его слова сквозь шум.

Брат Визикаль пристроился между зубцами стены, нацелив инсинератор на крутой склон перед укреплениями.

Орга приближалась все быстрее, потрепанная и прореженная лазерным и болтерным огнем, но по-прежнему неподдающаяся исчислению. Руки и ноги врагов кровоточили, изрезанные льдом. Побелевшие обмороженные конечности высовывались из-под изогнутых в лохмотья красных одежд, а их обладатели карабкались вверх, стремясь добраться до

крепостной стены. Те, что были без кожи, скакали впереди культистов, проворные, как насекомые.

Аларик глянул в глаза одному из них. Они были пусты, зрачки закатились. В них не осталось ничего человеческого.

Воя миллионати голосов, вгось всей линии имперской обороны армия Бога Крови обрушилась на стену.

--- За Императора! --- вскричал юный брат Тейн, разрубая воющего убийцу в красном нагвое алебардой. Парные клинки другого культиста лязгнули о каменный паранет, когда Тейн ударом ноги сбросил его со стены. Пули, выпущенные из автомана, разноцветными блестками скрикошетили от доспеха Серого Рыцаря, который одним взмахом алебарды очистил крепостную стену.

Очередная вспышка священного огня завершила дело. Фигура, некогда человеческая, а ныне горбатая и многооружная, с воплем обрушилась вниз, объятая пламенем.

--- Мертвецы, --- сказал брат Холварн, --- они лезут по своим мертвецам.

Холварн был прав. Оружие Серых

Рыцарей и инсинератор Визикаля уничтожили столь многих и столь быстро, что тела культистов образовали у подножия стены огромную грудь, достаточно высокую, чтобы идущие за ними следом могли по ней влезть на стену. Теперь они наверху дрались друг с другом за право погибнуть от рук Серых Рыцарей.

По всей стене огромные мутанты карабкались на боевые укрепления и сражались с гатранцами. Аларик увидел, как одного гвардейца сбросил со стены уродливый гигант, а другому вышибло мозги мерзкое существо, покрытое плоскими кожей, с гигантскими крабьими клешнями. Мутант, чья грудь горела от многочисленных попаданий лазганов, обрушился со стены на столпившихся внизу культистов. Главное оружие выстрелило вновь, почти в упор, сбивая гатранцев с ног и обрушивая на них град земли и кусков тел, но культисты все так же карабкались на стены, чтобы обрушиться на гатранцев с оружием и ножами в руках.

Алебарда Холварна отсекала руку

свирепому воину с размалеванной синими
кожей, и Рыцарь пригнулся, чтобы
укрыться за зубцами стены от огня
ближайшей к ним боевой машины.

--- Многовато? --- спросил он.

--- Многовато, --- согласился Аларик.

--- Значит, победить сможем только
мы.

Аларик оглянулся на своего
старейшего товарища.

--- Линию удержать не удастся, их
слишком много. Будь готов принять
командование.

--- Почему?

--- Потому что я, возможно, не вернусь.

--- Юстикар, твоим братьям нужен...

--- Моим братьям нужно то, что
нужно Императору. Им нужна победа.
Отступая и позволяя врагу истреблять
нас, победы мы не добудем. Это наш долг, а
значит, мой. Такова ответственность
юстикара. Я могу на тебя рассчитывать?

--- Конечно, юстикар, всегда.

--- Тогда нам надо пробраться к
середине стены. Расчистите мне путь в
этой свалке.

Холварн теглил лишь долю секунды. Он поднялся во весь свой гигантский рост, вскинув алебарду, чтобы отделение видело его.

--- Братья! --- вскричал он, перекрывая шум боя. --- Вперед! Вниз по стене!

Первым шел Визикаль, поливая священным огнем зубчатую стену, тянущуюся на запад. Культисты вопили, охваченные пламенем. Тейн рубил их мечом, силовой доспех защищал его, когда он шагал сквозь пламя. Они внимательно взглядывались в огонь и дым, и каждое изуродованное шрамами лицо встречалось мечом или алебардой, потрескивавшими от вложенной в них ментальной энергии Серого Рыцаря. Аларик чувствовал, как кости крошатся под его алебардой, и видел, как его штурмболтер поливает тела врагов смертоносным дождем.

Он действовал без размышлений. Костодесантник, Серый Рыцарь, он был создан для боя. Он казался смертоносной боевой машиной, каждое движение которой убийственно, словно сам Император направлял его действия.

Однако костический десантник не был машиной. Он был личностью, подвижной страстями, непостижными простоту человеку. Мерзость, возглавляющая эту орду, должна быть уничтожена. Именно эта мысль вела Аларика вперед.

Тейн на ходу схватился с гигантским мутантом, существом столь ужасно исковерканным варпом, что в нем едва ли осталось хоть что-то человеческое. Тварь с кожистыми крыльями спикировала на них, пытаясь схватить Аларика, но тот сам поймал ее, сжавил горло, вырвал крылья и швырнул в огонь, растекавшийся по стене позади его.

--- Сюда! --- закричал Аларик. --- Прорывается!

Вокруг погибали гатранцы. Орд Хаоса форсировала стену в доброй дюжине мест сразу, повсюду кипело сражение. Взрывом разметало изрядный кусок укреплений на левом фланге, и орда хлынула вперед, боевая машина неотвратно ползла вверх по каменной осыпи, пронзая гвардейцев своими

механическими когтями.

И еще там были демоны. Краснокожие, ужасные, они метались среди кровавого побоища, размахивая чуждыми мечами, раскаленными и дымящимися.

— Проклятье! — взревел голос. Аларик узнал его — это был голос полковника Дал'Таркена. — Удерживайте свою позицию, Серые Рыцари! Фланг нагет! Вернитесь на позицию!

Аларик мельком глянул на полковника, залитого горючей кровью демонов, орудующего мечом и плазменным пистолетом, окруженного телами гругей и врагов. Он был несгибаемым и безжалостным слугой Императора. Императору будет не доставать его. Аларик проигнорировал его слова и поспешил дальше.

Воитель Хаоса был ключевой фигурой. Хаос почитал своих чемпионов в той же мере, в какой презирал все остальное. Он даровал мужчинам и женщинам с особенно черными сердцами силу, чтобы повелевать его армиями, и власть, позволяющую говорить от имени

эго богов. Упнерская линия обороны не
стожеет остановить врага. Она едва ли
сумеет нанести хоть какой-то урон
безграничной силе, явившейся сюда, чтобы
овладеть Сартис Майорис. Однако, хоть
гвардейцы этого и не знали, она выполнила
задачу, которая была не менее важна для
Упнериума.

Она свела Аларика и его Серых
Рыцарей лицом к лицу с чемпионом,
представлявшим Темных Богов в этом
мире.

--- Задействуйте Тринадцатую
Руку, --- велел герцог Веналитор. Голос его
был исполнен презрения, поскольку
Тринадцатая Рука состояла из худшего
отребья в его армии.

Один из герольдов Веналитора, в
черном доспехе, приваренном к топящей
коже, выдуг долгий звук из боевого рога.
Тринадцатая Рука, сгорбленные
нечеловеческие существа, одетые в
лохмотья, устремились вперед во имя
чести умереть на стене.

Сражение шло по плану. Будь герцог

Веналитор способен на какие-либо человеческие эмоции, можно было бы сказать, что он доволен. К тому времени, как части настоящих солдат достигнут передовой, сражение будет окончено и очистительные города Сартис Майорис окажутся в руках Веналитора.

На изогранных крыльях из окровавленной кожи спустился с небес посыльный.

— Мой господин, — невнятно пробормотал он, — их фланг пал. Защитники покидают свои позиции.

— Труссы, — презрительно устехнулся Веналитор. — Их черепа недостойны Медного Трона.

— Они из легионов трупамператора, — сообщил посыльный.

— Астартес? — Безупречные светлые брови герцога сдвинулись. — Эти бы не побежали.

Из глубин памяти Веналитора всплыло воспоминание о времени, когда он был человеком. Это была слабая и постыдная часть его существования, до того, как Бог Крови отыскал его. Тот

человек помнил, что костические десантники были защитниками Империи, последним рубежом обороны, бойцами, которые не побежали бы никогда -- обрушья на них хоть сам Веналитор.

-- Сомкнуть строй! -- вскричал Веналитор. Меч уже был в его руке, огромный клинок сиял в алых лучах восхода. -- Живо! Поднять щиты! Никакой пощады!

Он увидел их посреди побоища, фигуры в серебристых доспехах на фоне пламени. Они не бежали в страхе со своей позиции на линии обороны. Они покинули свой пост, чтобы вырвать единственную возможную на Сарнис Майорис победу.

Они думали, что смогут убить его.

Герцог Веналитор растаял. Они совершенно не представляют, во что Бог Крови превратил этого человека. Он видел сверкающий медный трон и преклонял колена у подножия горы черепов. Он вкусил крови самого Кхорна. Ни один костический десантник не достоин того, чтобы погибнуть от его клинка, и это было досадно, поскольку все они умрут очень

скоро.

Веналитор увидел, как один из костодесантников подбежал к краю стены, не замедляя шага, снес голову культисту и прыгнул вниз, направляясь напрямик к Веналитору.

Герцог ощутил, как напрягся каждый мускул его благословленного варпом тела. Он надеялся, что по крайней мере этот даст ему достойный бой.

Аларик падал, и вокруг него кипело сражение. Он слышал голоса своих боевых собратьев и ощущал жар, исходящий от выпущенных ему вдогонку очередей из болтера.

Он тяжело рухнул на землю, раздавив при этом культиста. В поисках опоры Аларик погрузил ногу в месиво, и его облепили страдные создания. Грязные когти скребли по доспехам, пытаясь протиснуться между пластинами брони или впиться ему в глаза.

Алебарда Аларика описала смертоносную дугу. Он продвигался вперед, и каждый взмах его оружия отбрасывал

уродливые тела, наседающие на него со всех сторон. Огромный мутант подобрался к нему сзади с обломком скалы в лапах, надеясь раздавить его. Очередь из болтера превратила голову существа в сплошное месиво, и тварь рухнула. Бросив взгляд назад, Аларик увидел Холварна, ствол его штурмболтера еще дымился.

Культисты перед ним понялись. Аларик пинком ноги опрокинул наземь последнего. Теперь перед ним стоял воин в черных доспехах, высокий, как сам Аларик, стальная гора. Его щит нес на себе изображение восьмиконечной звезды, а копье оканчивалось огромным острым клыком. Воин сделал выпад, но Аларик отбил его копье в сторону, крутнулся и вдребезги разбил щит противника обухом алебарды. Он выпрямился и обрушил лезвие алебарды на голову воина, в последний момент опустив ее острие вниз, чтобы оно вошло в щель между шеей и грудью.

Брызнула горячая кровь, и воин рухнул на колени. Но рядом стояли другие воины, окружив стеной цель Аларика.

Серый Рыцарь ворвался в этот круг.

Это был его единственный шанс. Другой возможности выжить у этой планеты не будет. Если орды Хаоса продолжат наступление под руководством своего вожака, Сартис Майорис падет.

Богам было угодно послать на Сартис Майорис чемпиона такой силы, что Аларик ощущал, как его буквально выталкивает обратно. Доспех воителя был невероятно искусной работы, весь покрытый изображениями груг черепов вокруг горящего трона. Лицо чемпиона являлось воплощением высокомерия, бледное и безупречно красивое, с глазами будто черные бриллианты.

--- Оставьте нас, --- произнес чемпион.

Закованные в латы воины вокруг него отступили на шаг, высвобождая вокруг Аларика и своего господина место для поединка. Аларик присел в низкую стойку, не отрывая взгляда от клинка чемпиона.

--- Серый Рыцарь, --- сказал чемпион с устешкой, --- Кхорн наблюдает за нами. Я благодарю варн за то, что трун-император послал одного из своих личных охотников за демонами принять смерть

от моего клинка.

— Тогда позволь мне помочь тебе это сделать, — ответил Аларик в тон воителю, — ибо вскоре ты узришь своего бога воочию.

Чемпион улыбнулся, обнажив эбеновые черные клыки. Он прыгнул вперед, и меч его словно молния обрушился на Аларика.

Аларик парировал удар, и поединок начался. Чемпион не жаждал крови, как те жалкие твари, что лезли на стену. Нет, он хотел утвердить свое превосходство. Ради этого он существовал, этим доказывал свою отвагу Кхорну, Богу Крови.

И в этом же заключался единственный шанс Аларика на спасение. Если чемпион жаждет поединка, значит надо дать ему то, что он хочет.

Алебарга Аларика описала круг с такой скоростью, что обычный человек не успел бы и шелохнуться, лезвие чиркнуло по броне чемпиона. В ответ чудесный доспех раскрылся, словно кровавый цветок, выпуская кровавые щупальца, которые встретились к Аларику, норовя опутать его и увлечь вниз. Аларик перерубил их и

погнырнул под меч чемпиона, рассекавший
мерзлую землю рядом с ним. Новые
нащупальца обвились вокруг рук Аларика и
подняли его в воздух. Аларик рывком
высвободил одну руку и прицелился в
чемпиона из штурмболтера, метя ему в
лицо, но-прежнему бесстрастное от
уверенности в победе.

Чемпион швырнул его оземь. Аларик
врезался в землю с такой силой, что тела
культистов разлетелись под ним на
части и раскололась твердая как камень
земля. Он оперся на руку и выбрался из
мешанины тел, нащупывая другой рукой
алебарду.

Усилием воли он рассеял
застывшую глаза плену. Он был сильно
потряс, но жив и дееспособен. Так просто с
Серым Рыцарем не разделиться. Пока в
нем теплится жизнь, а в руке есть оружие,
он будет думать о победе.

Труны зашевелились. Тот, что лежал
ближе всех к Аларик, вдруг лопнул, будто
созревший стручок, и из него хлынула
темно-красная кровь. Вокруг Серого
Рыцаря и под ним лопались все новые и

новые тела; его засасывало в кровавую
трясину.

Чемпион растаял. Потoki крови
взметнулись вверх, образуя нечто вроде
блоков из темно-красного тающего льда.
Чемпион ступил на них, и они образовали
подобие кровотокащей лестницы, уходящей
в небо. Он нагнулся, схватил Аларика за
ворот доспеха и поднял в воздух, брызго-
нашкочившего зверька. Меч в грубой его
руке готов был вспороть Аларика животом,
чтобы потроха его рассыпались по полю
боя во славу Кхорна.

Аларик ударил ногой и угодил
чемпиону в лицо. Тот пошатнулся, и
Рыцарь ухватился за запястье руки,
державшей его за шиворот, и вывернул его,
заставив кулак разжаться. Аларик
приземлился на платформу из крови,
образовавшуюся под ними. Внизу виднелась
темная масса культистов, заливающая
правый фланг, покинутый Серыми
Рыцарями. Линия обороны вот-вот должна
была пасть, гатранцев окружили со всех
сторон. Аларик пожертвовал или ради
этого шанса на победу. Убить чемпиона —

его долг перед нити, не меньший, чем перед Императором.

Аларик перекатом вскочил на ноги, но-прежнему сжимая в руке алебарду. Чемпион стахнул с лица кровь из ссадины, нанесенной Рыцарем, и встал с ним лицом к лицу.

— Герцог Веналитор мстит за нанесенные ему оскорбления, — процедил чемпион.

— Серый Рыцарь мстит за свой Империи, — парировал Аларик.

Сверкнули меч и алебарга. Высоко над полем боя, на платформе из оледеневшей крови, герцог Веналитор и юстикар Аларик вели поединок, столь стремительный и напряженный, что темнеющие глаза, что следили за ним со стен, не могли уловить смысла в этом вихре ударов. Кровавые щупальца захлестнули лодыжку Аларика и повалили его на кровавый пол. Аларик нанес удар ногой и отбросил Веналитора к самому краю. Доспех Аларика был разрублен во многих местах, из некоторых разрезов текла кровь. Лезвие же алебарды Аларика

лишь звякало о латы Веналитора. Чемпион Хаоса снова и снова отбивал ее в последний момент.

Аларик сделал вынаг, метя Веналитору в сердце. Герцог ухватил древко алебарды юстикара одной рукой, рванул Аларика к себе и обрушил локоть на его затылок с такой силой, что у Серого Рыцаря на мгновение потемнело в глазах. Когда Аларик заставил зрение вернуться, он уже висел в воздухе над головой Веналитора.

Аларик на ощупь попытался вонзить палец в глаз противника. Рука его прошла сквозь нечто извивающееся и влажное, клубок кровавых копошащихся червей, появившихся на месте лица Веналитора. Однако каким-то образом это лицо смогло улыбнуться, когда герцог сбросил Аларика вниз.

Рыцарь полетел на мерзлую землю за линией обороны. За долю секунды до приземления он понял, что под ним не земля, а гора мерзлых трупов гатранцев.

Тела жертв недельных боев рассыпались под ним. Его бронированное

тело пробило воронку в красно-черном льду.

Боль пронзила его тело. Голова с размаху ударилась о твердый, будто камень, замерзший труп солдата. Мир Сарнис Майорис, казалось, растаял где-то вдали. Голоса, которые он слышал, были нездешними, совсем из другого мира, и это означало, что он провалился сквозь землю в преисподнюю, куда, как утверждает Имперское Кредо, отправляется всякий грешник.

Реальность ускользала. Боль в израненном теле, столь привычная всякому костодесантнику, стихала, и ему хотелось, чтобы она вернулась, доказывая, что он еще жив. Мир выдвигался расплывчатым и далеким. Рассвет истекал кровью, оставляя долину во тьме. Что-то внутри Аларика напонило, что он не должен умирать, не сделав чего-то важного, но мысль ускользнула, едва его сознание потянулось, чтобы схватить ее.

Аларик решил, что вопль отчаяния станет последним, что он услышит. Вопль этот исходил из соленых глоток и был столь горестным, что пробился сквозь

оружейную палубу и крики боя.

Это был голос гатранцев. Их похоронная песнь. Аларик уже слышал, как ее пели над этой самой горой трупов, в которой он теперь лежал.

Эту погребальную песнь они пели по сабит себе. Гатранцы знали, что всем им предстоит умереть. Они знали это, потому что видели, как костического десантника, воина Императора, победил и сбросил с небес чемпион Бога Крови.

— Нет, — выдохнул Аларик, — не здесь. Не теперь.

Сартис Майорис вновь обрела резкость. Аларик лежал ничком в гряде покалеченных, промерзших тел. Он огляделся, ища свою алебарду, и увидел, что она упала острием вниз, вонзившись в землю совсем рядом. Аларик поднялся на колени. Он вернет себе оружие и будет сражаться дальше, потому что это единственный путь к победе, сколь бы малы ни были шансы.

Что-то тяжелое толкнуло его в спину, снова опрокинув лицом вниз. Он попытался перевернуться, и на миг

давление исчезло. Аларик перекатился на спину, и нога вновь придавила его.

Герцог Веналитор поставил ногу на грудь Серого Рыцаря, словно охотник, гордый своей добычей. Сила его нагнетенности была такова, что подействовала даже на трупы. В присутствии Веналитора кровь в них начала оттаивать. Кровавые струйки потянулись от тел, облизывая ноги чемпиона, словно раболепствующие языки. Веналитор повелевал всей кровью, и даже кровью своих врагов, так высоко ценил его Бог Крови.

— Мой повелитель Кхорн найдет тебе применение, — сказал Веналитор с улыбкой. Он указал на затранцев, погибающих на стене позади него. — Большинство из них годны лишь на тушечное мясо. Человечество теперь для меня лишь досадная помеха, не более. Однако ты, Серый Рыцарь, можешь сделать для Бога Крови гораздо больше, нежели просто умереть.

Чемпион простер руку, и Аларик ощутил, как из трещин в его доспехах

потекла кровь. Он дернулся, пытаясь сбросить с себя Веналитора, но сила его исчезла. Кровь спиральными лентами покидала его тело, и зрение его начало тускнеть.

Когда герцог Веналитор выцедил из жил Серого Рыцаря всю кровь, ее место заняла леденящая боль. Нахлынула тьма, и гордости Аларика не хватило, чтобы сдержать крик.

Аларик голго сидел в Галерее Скорбей, прежде чем к нему пришел капеллан Дүрендин.

--- Юстикар, --- сказал Дүрендин, --- великие магистры говорили со мной о Хаэронее. Твоя вера подверглась суровому испытанию.

--- Да, это так, --- ответил Аларик. Он сидел на капители рухнувшей колонны --- символе бывшего великоления галереи.

--- Славный генек, --- заметил Дүрендин, указывая на величественное небо Титана, в котором парил одинокий диск Сатурна в окружении колец. --- Я посижу с тобой немножко, если ты не против.

Галерея Скорбей располагалась прямо под открытым небом, атмосфера удерживалась в ней невидимыми электромагнитными полями, и Аларик,

придя в это место, с его обветшалой красотой, словно предстал перед взором великого ока галактики. Император был частью его, вечно испытывая души каждого из своих слуг. Под этим взглядом Аларик чувствовал себя нагим и беззащитным.

--- Я думаю, дело не только в Хаэронее, есть еще что-то.

--- И поэтому ты пришел сюда, --- просто ответил Дурендин, --- чтобы побыть наедине со своими мыслями, вдали от обрядов над оружием и боевых гимнов, и раз уж вышло, что рядом оказался капеллан, с которым ты можешь поделиться своими мыслями, так тому и быть.

Аларик улыбнулся:

--- Вы очень проникательны, капеллан.

--- Просто Императору угодно использовать меня именно таким образом, --- ответил Дурендин.

Костодесантником мог стать лишь неординарный человек, но чтобы стать капелланом, нужно было быть

исключительной личностью. Капеллан Серых Рыцарей был удивительным человеком, и в ордене было очень мало таких, как он. Он призван был духовно окормлять воинов, сражающихся с наиболее ужасным противником. Его наставства взглядывались в варн и слушались с благоговением и благоговением, и все же, благодаря ему и тем, кто был до него, ни один Серый Рыцарь ни разу не поддался искушению врага.

--- Хаэроней --- часть этого, безусловно, но это тревожило меня и прежде, с тех пор, когда Лигейя...

Инквизитор Лигейя была самым храбрым человеком из всех, когда-либо встреченных Алариком. В память о ней на его личной геральдической эмблеме появилась лучистая звезда. Из-за козней демон-принца Гаргатулота она лишилась рассудка, но сохранила неоскверненной достаточную часть разума, чтобы передать Аларику знания, необходимые для победы над демоном. Из-за безумия Ордо Маллеус обрек ее на смерть.

--- Люди, подобные инквизитору

Лигейе, всегда будут погибать, — сказал
Дурендин. — Так было до Великого
крестового похода, так будет и когда нас с
тобой не станет. Главное — помнить, что
это жертвы во благо всего человечества.
Ты считаешь, она погибла напрасно?

— Нет, капеллан, вовсе нет.

— Значит, эта галактика кажется
тебе слишком жестокой?

— Вы же знаете, что, не будь я
способен выдержать то, что порой
приходится видеть, меня вообще не
избрали бы даже для подготовки, —
ответил Аларик резче, чем следовало. —
Просто у меня такое чувство, что... что
нам так много еще нужно сделать, и я
имею в виду не сражения. Я знаю, что
сражениям не будет конца, но наша борьба —
это гораздо больше, чем встречать
демонов огнем и мечом. Я увидел
проблемы... реальностей, стоящих за всем
этим. Не могу выкинуть из головы слова
Разрушителя. Гаргатулот сплетал
воедино пространство и время, чтобы
породить события, позволившие ему
вернуться, и мы были частью этого.

Разумеется, я буду сражаться до конца своих дней, но враг -- это не только тела, которые надо уничтожать. Это идея, быть может, это даже часть нас самих. Мне хотелось бы понять ее, но я знаю, что никто не может понять Хаос, не подвергнувшись порче.

-- Значит, ты не думаешь, что наша борьба напрасна?

-- Нет, капеллан. Как это возможно, если я видел последствия демонической порчи? Но наши сражения -- лишь половина битвы, и я не уверен, возможна ли победа в другой половине...

Дурендин опустил взгляд на свои руки в латных перчатках. Он сам был не чужд боя, и его доспехи из голубовато-серого сплава с черной отделкой -- знак капеллана -- служили не только для парада.

-- Эти руки, -- сказал он, -- сражались, когда тебя, юстикар, еще не было на свете, и я ни на миг не усомнился, что это и есть истинная и праведная цель всякого человеческого существа. Однако верно и то, что ты говоришь. Демоны -- лишь одно из проявлений врага, и их жестокость --

лишь одно из оружий варна. Инквизиция борется с кознями Хаоса, так же как мы боремся с его солдатами. Ты не согласен?

--- Сколько инквизиторов мы потеряли? --- отозвался Аларик. --- Хотя и не следовало бы об этом говорить, Валинов был далеко не единственным ренегатом в священных ордох, и он так долго таился от нас. Сколько еще еретиков носят инсигнию инквизитора? Сколько их в крепости на Энцелаге? Сколько отдают приказы Серым Рыцарям? Я знаю, что это не нашего ума дело, думать --- работа инквизиторов, но как ты можешь доверять им, если они столь глубоко погружаются в изучение порчи?

Дуренгин вздохнул. Он был стар, и порой, как сейчас, Аларик видел на нем тень прожитых лет.

--- Я проводил Серых Рыцарей через бесчисленные испытания духа, которые насылал на них Хаос. Ты не первый усомнившийся, Аларик, и уж точно не первый, у кого мелькают мысли о тщете усилий Инквизиции.

--- Они не тщетны, --- возразил Аларик, --- но я чувствую, что потерплю поражение, если не буду делать больше. Демон --- это симптом, а не болезнь. Я хочу быть частью лечения.

--- Я чувствовал то же, что и ты, --- отозвался Дүрендин. --- Беседовал со своими боевыми братьями, и с великими магистрами, и с самыми учеными инквизиторами. Ни у кого из них не было ответа. В конце концов я отыскал ответ сам.

--- Какой?

--- Ты сам найдешь его. Я слышал, ты направляешься к Оку Ужаса.

--- Да, когда мое отделение получит подкрепление.

--- Хорошо. Это и есть твой ответ. Злодеяния Врага внутри Ока безграничны, и лишь люди, подобные нам, могут остановить его. Подумай об этом. В миг сомнений Император посылает тебя в самое кровавое из сражений Империи. Это не случайное совпадение. Отдайся всецело этим битвам. Узри демона и безжалостно убей его. Стань свидетелем

поражения и бегства сил Хаоса. Одержав эти победы и погрузись в них с головой. Пусть победа заслонит все остальное. Ощути ее триумф. И тогда сомнения исчезнут.

--- Вам помогло это?

--- Помогло, юстикар. Враг совершил роковую ошибку, напав на нас. Люди, подобные тебе, накажут его за эту ошибку. Это я тебе обещаю, Аларик. В Оке Ужаса ты обретишь цельность.

--- Благодарю, капеллан, --- сказал Аларик. --- Мне нужно вернуться к своему отделению. У нас два новичка, и перед отбытием мы должны помолиться вместе.

--- Это хорошо, --- отозвался Дурендин. --- Твои люди скоро узрят Око, и их души нуждаются в наставлениях. --- Капеллан взглянул на Сатурн, темносиний, в полосках бурь. Над ним виднелась линия горизонта Титана, неровная, зубчатая полоска тьмы. Весь Титан был превращен в единую сложную крепость, поверхность спутника рассекли глубокие каньоны и склепы, но многие части этой

крепости, подобно Галерее Скорбей, разрушились и были почти заброшены. — Я немного поразмышляю здесь. Примерно через час заход Сатурна. Это зрелище способствует размышлениям.

--- Тогда до скорой встречи, капеллан.

--- До встречи, юстикар.

Аларик поднялся. Путь вниз, через полуразрушенную крепость за галереей, неблизкий, и у него будет достаточно времени подумать над советом капеллана.

--- Юстикар? --- окликнул Дүрендин.

--- Да?

--- Ты не утер.

--- Раз это слышать.

--- Хотя тебе может так показаться, когда очнешься.

--- Наш разговор окончился не так.

Дүрендин улыбнулся:

--- Да, не так, но ведь я же на самом деле не здесь. Наверно, я где-то там, в Оке. Возможно, я даже уже мертв. Важно, что ты жив и можешь что-то сделать даже в этой ситуации, в которой оказался.

--- И что же дальше? --- спросил

Аларик.

— На это я ответить не могу, —
Аларик. В конце концов, я ведь даже не
здесь. Однако мне кажется, что твое
положение не из лучших.

Галерея Скорбей взорвалась болью.

Аларик закричал.

Боль рвала на части его плечо. Он
был подвешен за скованные цепью запястья,
опоры под ногами не было, и один из
плечевых суставов оказался вывихнутым.

Аларик оттолкнул боль. В миг
слабости боль проникла в него, как в
обычного человека, не имеющего
ментальной подготовки Серого Рыцаря.
При обычных обстоятельствах его доспехи
уже ввел бы в кровь обезболивающее, но
доспеха на нем больше не было. Он был наг.
Лишен всего боевого снаряжения.

Заставив боль отступить, он вновь
обрел слух. Откуда-то снизу доносился
глухой звук, похожий на грозный рев океана.
Аларик различил лязганье гигантских
механизмов, смешанное с рыданиями и
хриплыми воплями. Запах ударил ему в нос
— запах крови и дыма, пота и машинного

масла. Во рту он ощутил привкус железа. Видеть он не мог, но с этим он разберется позже.

Напрягая стонущее от боли плечо, он поднял ноги вверх и медленно перевернулся, почти головой вниз. Ноги его коснулись верха клетки, в которой он находился. Он уперся ими изо всех сил и услышал, как гнутся прутья.

Цепь, сковывающая его руки, оборвалась, и Аларик рухнул на дно клетки. Несколько мгновений он лежал, восстанавливая дыхание, осторожно проверяя, целы ли связки плеча. Повреждения были, но ничего серьезного. Костомоесантники исцеляются быстро. Он перекатился на бок, и сустав скользнул на свое место. Тело буквально взорвалось болью, но то, что он вообще что-то чувствовал, уже было победой.

Аларик поднес руку к лицу и обнаружил на глазах повязку. Он сдернул ее и пару раз моргнул, пока его усовершенствованные глаза привыкали к внезапному свету.

Клетка его была одной из нескольких

со стен, подвешенных к огромной железной колонне, по которой потоками струилась кровь. Потоки эти вливались в кровавое море внизу, в котором корчились тысячи скользких от крови тел. Невозможно было понять, то ли они в агонии, то ли в некоем религиозном экстазе. Среди них бродили демоны, громадные существа с красно-черной кожей, хлеща кровоточащие тела своими плетками. На поверхность то и дело всплывали целые тела или куски их, трупы вылавливали и утаскивали прочь странные проворные создания, кривобокие, шишковатые.

Колонну медленно вращали оглушительно скрежещущие шестерни. В других клетках тоже были обитатели: люди, обнаженные, все в крови, старые трупы, едва различимые уродцы --- инопланетяне и мутанты --- и все они висели над гигантским котлом с кровью. Аларик слышал монотонные молитвы инопланетных существ, мольбы, обращенные к Императору, и прерывистые вздохи утирающих. Слезы и кровь торосили мелким дождем.

Вокруг колонны и котла вздымались стены из черного камня. Аларик взгляделся и понял, что это вовсе не камень, но плоть, сгнившая до черноты. Высоко над головой по краю отвесной стены висели гирлянды клеток величиной с бочку, и в каждой находился труп в последней стадии разложения. Стаи летучих существ, похожих на чересчур крупных ворон, но с клочьями содранной кожи вместо перьев, пирировали на них. Гниющие стены изобиловали туннелями и пещерами, по которым штыгали жукоподобные существа, взрывающиеся в плоть своими жвалами. Небо над головой было темносиним, почти черным, с красными прожилками, словно оно тоже кровоточило.

Он в аду. Погиб от руки герцога Веналитора и очнулся в преисподней. Он проиграл. Все, что он когда-либо сделал, подумал или сказал, все, что он мог еще совершить, останься он в живых, потеряло смысл. Он проиграл, полностью, настолько, насколько это вообще возможно.

Аларик осел на дно своей клетки.

Никогда он не испытывал подобного отчаяния. Оно совершалось осознанием того, что раз он уже умер, то не может умереть снова, а значит, все это не закончится никогда.

Однако Дурендин сказал ему, что он не умер. Дурендин, капеллан Серых Рыцарей, человек, которому он мог полностью доверять.

Аларик поднял глаза. Сквозь прутья ему была видна клетка, висящая над ним. Внутри нее лежало тело крупного гуманоида, и Аларик узнал его. Огромные размеры и хирургические шрамы были такими же, как у него самого.

— Холварн! — позвал Аларик. — Брат Холварн, ты меня слышишь? Ты еще живы?

Холварн не ответил. Он был либо без сознания, либо мертв и, как и Аларик, без боевого снаряжения. Аларик попытался раздвинуть прутья своей клетки, потом раскачать клетку, надеясь добраться до Холварна, цепляясь за неровности на поверхности колонны, но клетка была слишком прочной и висела слишком далеко

от столба.

--- Холварн! Брат, отзовись! ---
вскричал Аларик.

Словно в ответ, клетка Аларика полетела вниз.

Аларик в отчаянии бил по прутьям решетки, а его клетка летела прямо в кровавый котел. Когда она достигла поверхности кровавого озера, Аларика отбросило к стене. Кровь сошнулась вокруг него, руки, покрытые отслаивающейся кожей, потянулись к пленнику. Аларик отбивался от этих рук, но их было слишком много. Существа подняли ужасный шум, несчастные молитвы на сотне разных языков слетали с окровавленных губ.

Раздался рев и треск кнута. Демон расшвырял фанатиков и плотоядно воззрился на Аларика. Рыцарь знал эту разновидность по бесчисленным полям сражений. Это был рядовой солдат Кхорна, на жаргоне Унквизиции --- кровопускатель. Аларик помнил, что их излюбленным оружием были двуручные мечи, но и плеть этого демона выглядела не менее грозно.

Едва очистив клетку от тел, демон отскочил. Само присутствие Серого Рыцаря было для демона мучительным. Даже без пентаграмм-оберегов, встроенных в его доспехи, ментальная защита Аларика отталкивала демона с такой силой, что шкура его задымилась. Кровопускатель зарычал и принялся хлестать фанатиков вокруг себя, в ярости отсекая кому руку, кому ногу. Потом он ухватился за прутья решетки одной рукой и поволок клетку по крови к расщелине в стене.

Демон рывком выдернул клетку из крови и задохнулся в пещеру. Нахлоснуло ужасающе, вонь разложения, висящая в воздухе, была настолько густой, что Аларик видел, как по стенам стекают струйки страдного конденсата. К Серому Рыцарю кинулись какие-то темные уродливые существа. Это были не демоны, но какая-то разновидность ксеносов, а клейма и рубцы от кандалов говорили об их принадлежности к сословию рабов.

Чужаки потащили Аларика по злобонным туннелям в пещеру, сияющую

багровым жаром. Это оказалась кузница, где рабы --- люди и ксеносы --- извлекали добела раскаленное оружие из емкостей с расплавленным металлом. Другие рабы, согбенными за годы службы спинами, были прикованы к наковальням и точили острия мечей и наконечники копий. Стоял невообразимый грохот.

Аларик үбүгел, как через грудой проход целая толпа чужаков тащит клетку с Холварном. Тот пришел в себя и теперь бұшевал внутри, пытаясь вырваться из-за решетки.

--- Холварн! --- вскричал Аларик, перекрывая звон наковален. --- Мы не утерли! Не утерли!

Толпа рабов-ксеносов сгрудилась вокруг клетки Аларика и поволокла его к одной из наковален. Это были бесформенные асимметричные создания дюжина глаз, беспорядочно разбросанных по лицам, сұставчатые жвала, с которых стекала слизь, когда сұщества быстро переговаривались друг с другом на своем языке. Где-то лязгнул засов, и крышка клетки откинулась.

Аларик попытался вырваться наружу, но его тут же ткнули электрошокером. Его собственная сила обернулась против него, когда он свалился в конвульсиях. Единственное касание полукруглой головки шокера сразило его наповал. Мышцы ему не повиновались, он не мог контролировать произвольные сокращения, и хотя напрягал все оставшиеся силы, вырваться так и не мог. Будь он в полной силе, разметал бы чужаков с дорожки, схватил только что сошедшее с наковальни оружие и перебил всех, кто попался бы ему на глаза, но он был изранен и измучен. Он не сдался, не мог сдаться, но голос в глубине разума говорил ему, что сопротивление бесполезно.

Один из ксеносов, крупнее и темнее остальных, явно старший здесь, сунул щипцы в пламя ближайшего горна. Он извлек полоску раскаленного металла, образующую разомкнутый круг. Это был рошейник.

Ксенос склонился над Алариком, капая густой слюной ему на грудь.

— Ликуй, — произнес ксенос-кузнец, из

его жвал слова высокого готика прозвучали хрипло и невнятно, --- ибо эта вещь придаст тебе святости.

Ксенос разом нацепил ошейник на горло Аларика, и он защелкнулся на шее. Кожа рыцаря зашипела, обожженная раскаленным металлом.

Аларик больше не мог сопротивляться. Разум его словно вгрызся и оцепенел.

Он понял, что с ним сделали.

И возможно, впервые в жизни понял, что такое страх.

Человечество эволюционировало.

Эту истину Инквизиция пыталась любой ценой скрыть, но сами инквизиторы не могли ее отрицать. Некоторые даже лелеяли еретическую веру в то, что Император планировал держать это развитие под контролем и помогать человечеству раскрыть свой потенциал. Появление людей с экстрасенсорными способностями породило одну из важнейших задач Инквизиции: поиск, арест и ликвидацию появляющихся псайкеров.

Всякий раз при появлении Инквизиции и ее Черных Кораблей каждый планетарный губернатор обязан был под страхом смертной казни передавать ей всех обнаруженных его войсками псайкеров. От того, что произошло с подавляющим большинством псайкеров, согнанных в эти Черные Корабли, доподлинно знали лишь посвященные.

Мало кто из псайкеров, один из десяти или даже еще меньше, оказывался достаточно силен и способен к адаптации, чтобы выдержать соответствующую подготовку. А неподготовленный псайкер представлял большую опасность — незащищенный разум, через который к Императору могли прорваться самые разные кошмары. Тогда как правильно обученный псайкер мог не только защитить свой разум, но и многократно преумножить свои силы.

Жестокая ирония состояла в том, что такие подготовленные псайкеры были необходимы для жизнедеятельности Империи. Они становились астронавтами, чья таинственная

сверхдальняя теленатия сделала
возможной тежзвездную связь,
прорицателями, чье умение толковать
карты Императорского Таро давало
возможность предугадывать
превратности будущего. Многие
имперские граждане даже на этих
легализованных псайкеров поглядывали с
опаской. И все же, несмотря на внушаемый
псайкерами страх, без них Империя не
смог бы существовать.

Для большинства граждан псайкер
был колдуном, бродягой, крадущимся среди
теней, чтобы совращать богобоязненные
души или заражать скверной варна.
Ребенка, неосторожно проявившего
необычные способности, родные и друзья
выдавали местному духовенству. А в
захолустных мирах, редко посещаемых
слугами Империи, знахарок и
прорицательниц попросту сжигали на
кострах. Костолетчики рассказывали
небылицы про людей с черной как ночь
кожей, способных лишить человека разума,
меняющих облик, огнедышащих и все
такое прочее. Когда-то, давным-давно, во

времени, про которые он не помнил вообще ничего, Аларик был одним из этих колдунов.

Аларик был псайкером. Все Серые Рыцари были ими. Большинство орденов Костодесанта использовали псайкеров со стороны, и лишь Серые Рыцари требовали от всех своих рекрутов наличия экстрасенсорного потенциала. Именно это позволяло им противостоять демонам, поскольку самое мощное оружие демонов угрожает именно душе.

Демоны несли в себе скверну, и Серые Рыцари, сражаясь с ними, подвергались ее воздействию. Воины были натренированы сопротивляться ей, обучены молитвам, укрепляющим волю, настолько могущественным, что сводили с ума некоторых новичков. Их доспехи были украшены оберегами от сил варпа, такие же знаки были вытатуированы на их коже, чтобы защитить от порчи тела, но наиболее надежной защитой был ментальный щит Серого Рыцаря. На самых ранних этапах подготовки Аларика научили запереть свою душу в клетку

веры и презрения, где до нее не смог бы
добраться ни один демон.

Это было единственное оружие,
которого по-настоящему боялись демоны.
не поддающийся скверне разум, проклятие
варна. Само существование Серых
Рыцарей являлось до некоторой степени
победой над Хаосом.

Ошейник, соткнувшийся вокруг шеи
Аларика, мертвящим, тяжелым грузом
тянул его душу вниз. Это было изделие
Кхорна, Бог Крови презирал волшебство,
он презирал благочестивый, праведный
разум Серого Рыцаря.

Ошейник Кхорна подавлял
психические способности. Щит Аларика
исчез. Он был все тем же Серым Рыцарем,
тело его и разум по-прежнему были
натренированы противостоять порче и
одержимости намного лучше, чем у
обычного человека, но без своего
психического щита он стал беззащитным.

Прошло немало времени, прежде чем Аларик смог что-то чувствовать. У первым делом ощутил адскую жару.

Он стоял и был прикован цепью к стене. Помещение освещал красноватый огонь горнов у противоположной стены. По сторонам потятой наковальни гругами валялись недоделанные мечи и части доспехов.

— Предполагалось, что ты еще долго не проснешься, — произнес голос позади Аларика.

Рыцарь попытался повернуться, но цепь удержала его на месте. Он смутно понимал, что все еще находится в кузнице, где на него надели ошейник, и железная тяжесть вокруг шеи, казалось, пригибает его к полу.

— Где мой боевой брат? — выговорил

Аларик разбитыми, окровавленными губами.

— Я слышал, что вас было двое, — ответил голос. Глухой и скрипучий, он исходил из горла, обожженного за годы, проведенные среди кузнечных горнов. — Он где-то в этой дыре, наверно, на него как раз надевают ошейник. Они приняли вас за колдунов, раз притащили сюда. Немногие получают ошейник, знаешь ли. Это большая честь.

Говоривший подошел к наковальне, спиной к Аларику. Это был крупный человек с мускулистыми плечами и ступней кожей, блестящей, словно полированная бронза. На поясе у него висели инструменты. Он склонился над наковальней и поднял меч, чудесный клинок, но необработанный и законченный лишь наполовину.

— Я здесь уже давно, — продолжал он. — Наслушался много чего, но давненько Астартес не осчастливливал своим появлением этот мир. Очень давно.

— Кто ты?

Говоривший не обернулся.

— По профессии кузнец. Достаточно полезный, чтобы жить. По-видимому, я должен возблагодарить Императора за это. Если что и нужно этой планете, Астартес, так это клинки, добрые клинки, и побольше. Поэтому я останусь здесь до самой смерти и, возможно, еще долго после нее, делая эти клинки. Быть может, ты погибнешь от моего меча. Поверь мне, ты его узнаешь. Клинков, подобных моим, нет в этом мире.

— Куда меня отправят? Что со мной будет?

Кузнец по-прежнему не поворачивался к Аларикү лицом. Мускулы его спины зазмеились под темной кожей, когда он положил меч на наковальню и взял в руки молот.

— Не мне судить, Астартес. Не мне судить. Однако будь у меня что-нибудь ценное, я бы поставил это на то, что ты будешь сражаться за свою жизнь, и уже скоро. Так что я заключу с тобой сделку.

Аларик растеялся, и слух его был таким же горьким, как привкус крови у него во рту.

--- Сделку, ну конечно.

--- Ах, послушай меня, Астартес, пока тебя не забрали в другое местечко, покруче этого.

Аларик невольно попытался вырваться из оков.

--- Я сделаю тебе успех, --- сказал кузнец, --- лучший из всех, что у тебя когда-либо были.

--- У меня есть успех.

--- Уже нет, и никогда не было такого, какой я могу сработать. Облегающий, словно стальная кожа. Гибкий как шелк. Закаленный в огне, будто сердце звезды. Прочный настолько, что отразит удар топора самого Кхорна. Как тебе это? Заманчиво?

--- Но не за просто так. Знаю я вас. Любые посулы затронутых скверной все равно что предательство.

--- О нет, ты не понимаешь. Взятен я попрошу тебя отыскать для меня кое-что. Полагаю, что у тебя будет больше шансов найти это, чем у меня --- запертого тут.

--- Оставит это, --- сказал Аларик. --- Ни один слуга Императора не станет

заключатъ сделку с таким, как ты.

--- Таким, как я? А кто такой я? ---

Кузнец повернулся, как раз настолько, чтобы Аларик смог увидеть его в профиль. Лицо было словно выковано молотом, подобно одному из его же клинков, нос был перебит во многих местах, глаза почти скрывались под сетью шрамов. --- Отыщи Молот, Астартес, --- Молот Демонов. Говорят, он где-то в этом мире и с ним поднимется герой и сокрушит лордов Бога Крови. Что может быть слаще для раба вроде меня, чем увидеть это?

--- Ложь.

--- Молот Демонов вполне реален. Про него толком ничего не известно, но он, скорее всего, находится где-то на этой планете. Будь я поумней, то сказал бы даже, что он прямо передо мной, прикованный к стене моей кузницы. Убо ты и есть Молот. Не так ли, Серый Рыцарь?

Тяжесть ошейника была невыносимой. Он тянул Аларика вниз, и голова Серого Рыцаря склонилась.

Огни горна заслонили черные пятна, он ощутил запах раскаленного железа и

гыта болтера.

Он вновь погрузился в беспамятство,
убаюкиваемый звоном молота по
наковальне.

Карникаль!

Это поглощающее самое
себя чудовище! Это город,
подобный опухли, это
убийственное великоление! Это
великий паразит, вытолзший из
земных глубин!

Огни говорят, что
Карникаль обрушился на
Дракаази с какой-то галекон
звезды и целую вечность рос,
бесстысленный и бескрайний.
Другие считают, что он
зародился тут, что-то вроде
грибка или паразита, который
лутировал до огромных
размеров по вездесущей воле
Хаоса. Насколько же они глупы,
пытаясь отыскать логику в его
облике! Пещеры его
внутренностей, кровавые реки,

изливающиеся из его ран,
стенания его вечной боли --- все
это лик Хаоса, лик Кхорна!

Город, построенный на
Карникале, это паразит на
паразите, хижины, втиснутые
между жировыми складками на
его спине, шпиль, вознесшиеся по
прихоти чүдовища, храмы и
бойни, колышущие его
исполинским дыханием. Все это
отдано на волю безтозглого
существа, тупого чүдовища,
монстра по имени Карникаль!

«Мысленные
путешествия святого
еретика»,

написанные
инквизитором
Хельтандаром
Освайном

(запрещены Ордо
Еретикүс)

--- Неплохой урожай в этом году, ---
заметил лорд Эбондрак.

--- Воистину, мой господин, ---
отозвался герцог Веналитор.

--- Кхорну будет приятно видеть, как
они утирают.

Из пыточного сада Веналитору и
Эбондраку открывался восхитительный
вид на невольничий рынок Карникаля.
Рынок, один из крупнейших на Дракаази,
былстроен в высохшую кисть, похожую на
воронку от метеорита. Сотни колод были
врезаны в тугую шкуру земли, и к каждой
приковано по несколько новых невольников.
Слышались вопли рабов, перележаемые
щелканьем плетей и хрустом ломающихся
костей.

Лорд Эбондрак лениво выпустил
когти, словно потягивающийся кот.

--- Варн говорит о тебе, Веналитор.

--- Значит, я счастлив, мой господин.

--- Он говорит, что ты доставил Бозу
Крови особо ценный приз.

Веналитор поклонился:

--- Это правда. Имперские воины
игрались с нами на Сартис Майорис. Они

были разбиты, и многие захвачены живьем.

--- Пророки говорят, что не только простые гвардейцы.

--- Вы увидите, мой господин.

Лорд Эбондрак бесшумно прошелся к краю балкона пыточного сага. Саг --- излюбленное место отдохновения Карникаля, там лорды могли услаждать взоры видом расчлененных тел, висящих на сложных пыточных устройствах, укрепленных в обсидиановой поверхности. Непокорные могли удостоиться последней почести перед смертью --- быть медленно затученными на сооружении из серебра, дабы служить вдохновению посетителей сага.

Лорд Эбондрак, огромный, рептилиеподобный, напоминал дракона из человеческих мифов. И видно, неслучайно, --- должно быть, Эбондрак сам избрал некогда этот облик: иссиня-черная чешуя, желтые кошачьи глаза и бесчисленные костные выросты в виде шипов, на которых порой красовались головы и руки тех, кто вызвал его.

неудовольствие.

Его глинное змеевидное тело и огромные крылья двигались с быстротой и грацией, неожиданной для таких размеров, а присущая ему величавость сразу выдавала в нем фактического правителя Дракаази. Раги торжественного случая лорд Эбондрак облачился в доспехи из обсидиана и бронзы, и это одеяние на его массивном чешуйчатом теле гармонировало с трагичными доспехами его личного войска, Змеиной Стражи. Подразделение этих элитных воинов, закованных в броню, сопровождало его, следуя на почтительном расстоянии за своим повелителем. Эти существа с их черными отравленными клинками и безглазыми шлемами являлись самой мощной боевой силой на Дракаази, и их присутствие служило постоянным напоминанием о том, что сила оружия была решающим аргументом в борьбе за местную власть.

— Я не сомневаюсь, что уже ходят слухи, — сказал Эбондрак, — про то, куда теперь я поведу всех своей властью.

Мгновением Веналитор тщательно взвешивал свои слова.

--- Говорят кое о чем... Я слышал о некоем великом начинании.

--- Мы слишком долго оставались в этом мире, --- сообщил Эбондрак. Он распростер крылья, словно указывая на бескрайность налитых кровью небес Дракаази. --- Этот мерзкий камень, этот кусок кровавой грязи слишком мал, чтобы вместить веру, достойную нашего бога. Вы согласны?

--- Это славный мир, --- ответил Веналитор просто. --- Но всегда найдется место для новой крови.

--- Ха! Имейте же воображение, герцог. Подумайте, что мы могли бы сделать! Мы покидаем Дракаази лишь для того, чтобы захватить рабов, и доставляем наши жертвы в этот мир, чтобы посмотреть, как они умирают. На Сартис Майорис вы занимались именно этим. Однако если бы все лорды Дракаази устремились к единой цели, бросили бы лучшие свои силы на штурм звезд, перед нами пали бы целые миры. Дракаази же

станет опорным пунктом для наших кровавых набегов.

--- Вы говорите, --- уточнил Веналитор, --- о крестовом походе?

--- Разумеется. Прямо сейчас тот, кого называют Разрушителем, ведет свои армии прочь от Ока. Бесчисленное множество других чемпионов варпа делают то же самое по всей галактике. За резней следует богатая пожива. Собственный крестовый поход Бога Крови станет тем сильнее, чем больше участников присоединится к нашему делу. К тому времени как мы возвратимся на Дракаази, у Бога Крови будет уже своя империя в Оке. Разве не станет это деянием более великим, чем все наши прежние забавы, вместе взятые?

--- Понимаю, мой господин, --- вставил Веналитор, придав голосу оттенок изумления.

--- Нет, герцог, --- возразил Эбондрак, --- вы молоды. Вы недолго сражаетесь под знаменем Кхорна. То, что вы видите, --- это только начало. Надо быть очень древним существом, чтобы понять, чем

Дракаази могла бы на самом деле стать. Скоро все лорды узнают о моем крестовом походе, и все они будут объединены под моей властью. А пока у нас есть более насущные дела. Вы говорите, что взяли на Сартис Майорис богатый улов?

Веналитор вслеп за Эбондраком окинул взглядом невольничий рынок. Тысячи пленников были выставлены на продажу, часть — плоды недавней победы Веналитора, другие переданы сюда как подношения Кхорну от пиратов-рейдеров или захвачены в сражениях по всему Оку Ужаса. В большинстве своем это были люди, поскольку человеческие силы Империи сражались со слугами Хаоса повсюду. Другие были ксеносы: стройные эльдары, орки, несколько совсем уж страшных существ, выловленных по дальним закоулкам космоса.

— Пойдемте, — сказал Веналитор, — покажу товар лицом.

Лорд Эбондрак и Веналитор вместе спустились по винтовой лестнице на дно кисты. Повсюду на их пути работоторговцы, все слуги какого-нибудь из лордов

Дракаази, кланялись или салютовали Эбондраку. Несчастные, обитавшие в Карникале, в страхе разбежались или простирались ниц, хнычущие и жалкие. Большую часть населения Дракаази составляли люди или, по крайней мере, те, кто изначально были людьми, и кое-кто поговаривал, что Эбондрак принял драконий облик единственно лишь затем, чтобы отличаться от городской швали. Звук невольничьего рынка растекался вокруг, запах пота и страдания, смешанный с тяжелым зловонием гниющей крови, пропитал Карникаль.

Здесь были многие лорды Дракаази, разглядывавшие выставленных на продажу рабов. Тиресия, высокая и чернокожая, с огромным луком, висящим на боку, подбирала новые жертвы для своей свиты, состоящей из звероподобных головорезов и изысканных ассасинов, чтобы было кого преследовать во время следующей великой охоты. Голгар Хозяин Стаи покупал самых слабых и жалких рабов, чтобы бросить своим гончим, парочку которых он водил по рынку на цепи.

Скатхач, который нечасто выбирался из своей крепости, видимо, натеревался прикупить рабов для тренировки своих солдат. Он повернул одну из голов вслед Эбондраку и Веналитору, проходившим между блоками для привязи рабов. Скатхач давно покинул легион предателей, но все еще носил силовую броню Костогесанта Хаоса, и сопровождавшие его солдаты были отлично вымуштрованы, не в пример кровожадному сброду из свиты многих других лордов.

— Лорд Эбондрак, какая честь для моего рода, — громыхнул чей-то голос.

Перед Веналитором стоял огромный чан с дымящейся кровью, в которую было погружено жабье тело гигантского демона. Чан несли ослепленные рабы, согбенные под тяжестью демона. Пока демон разговаривал с Эбондраком, двое рабов черпаками лили кровь на бледную кожу существа. На груди у твари была мокнущая язва в виде шестипалой руки. Таким же знаком была заклеена грудь каждого из рабов, несущих демона.

--- Арзутракс, какие жертвы ты припас для алтарей и арен нашего мира? --- спросил Эбондрак.

Арзутракс махнул рукой, с которой капала кровь, в сторону ближайшего блока. К нему было приковано множество загорелых мускулистых мужчин и женщин, не перестававших проклинать работорговцев, надзирающих за ними.

--- Целое племя, мой лорд, --- сообщил Арзутракс. --- Самые жестокие и дикие из людей, да! Их ярость еще долго отдавалась эхом в варне. Они сами обратились к своему древнему богу --- нашему богу и выпустили моих слуг! Так они были обращены в рабство и скоро научатся склоняться перед волею своего бога. Ха! Смотри, как они бьются! Вообрази такую ярость, обращенную во славу Бога Крови!

--- Очередные дикари, Арзутракс? --- переспросил Эбондрак. --- Такие всегда нужны для арен. Бог Крови вечно алчет плоти.

Арзутракс не смог утаить злость, скользящую по его отвратительному

лицу.

— Значит, благодарение Богу Крови за то, что он так высоко ценит подобные подношения. — Аргутракс обратил свои горящие черные глазки на Веналитора. — Что же ты добыл, юный выскочка, что увидишь подле нашего лорда, будто равный ему?

Веналитор улыбнулся. Аргутракс ненавидел его. Большинство лордов Дракаази ненавидели его, поскольку он был толложе и талантливее. Разумеется, другие лорды тоже ненавидели и терпели лишь потому, что лорд Эбондрак превратил Дракаази в огромный храм Кхорна и служение поглощало все их внимание. Аргутракс же, древнее и злобное существо, рожденное в варне, питал особую неприязнь к узурпаторам вроде Веналитора.

— Полюбуйтесь, госпопочтенный дедон, — просто ответил Веналитор.

Слуги Веналитора хлопотали вокруг грандиозного шатра из темно-красного шелка, возвышавшегося на краю невольничьего рынка. Среди его слуг были

сцещилиды, аборигены Дракаази, населявшие ее горы и ущелья до того, как первые лорды Хаоса ступили на эту планету. Эти инсектоиды, презираемые всеми на Дракаази, были горячо преданы Хаосу и лично Веналитору. Множество их сновало вокруг шатра, а самые крупные, нагсмотричики, засуетились у входа и откинули шелковый полог.

Рабов-людей выгнали плетью из шатра на рыночную площадь. Все они были мучениками, окровавленными, скованными по рукам и ногам, и почти у всех на плече была одна и та же татуировка: Имперская Гвардия, солдаты трусливого Императора, наконец-то ставшие рабами, что и было их предназначением в жизни.

— Вот эти? — спросил Арзутракс. — Эти доходяги едва годятся на корм гонимым. И на это ты тратишь наше время? Бог Крови плюнет на такое отношение, Веналитор. Такой жалкий дар граничит с ересью!

— Терпение, дитя, — спокойно ответил Веналитор.

Появились четыре старших

насмотрщика-сцефилида, они на толстых бронзовых цепях выволокли из шатра огромного человека, ростом вдвое выше любого из имперских гвардейцев. За ним последовал второй, столь же громадный. Горы мышц перекатывались под их кожей, покрытой коркой грязи и засохшей крови. Под грязью виднелись шрамы, следы старых боевых ран и хирургических вмешательств. Под кожей темной тенью проглядывал черный панцирь с металлическими разъемами на груди и бицепсах, откуда силовой доспех мог считывать жизненно важные показатели.

У одного из людей были крупные и выразительные черты лица, лоб изборозжен морщинами от долгих забот и трудов, лицо второго было твердым и невозмутимым, словно гранитная плита. Оба силились разорвать свои цепи, но металл был откован в жерле самого жаркого вулкана гор Дракаази и держал крепко. У каждого из мужчин на шее был Ошейник Кхорна — факт, явно не скрывшийся от глаз лорда Эбондрака.

--- Костогесантники, --- сказал
Эбондрак, --- и живые. Ты превзошел сам
себя, Веналитор. Прошло много лет с тех
пор, как на Дракаази привозили живых
Астартес.

--- Не просто костогесантники, мой
господин, --- гордо ответил Веналитор. ---
Они псайкеры, колдуньи. Богу Крови
доставит удовольствие увидеть их
смерть. --- Веналитор щелкнул пальцами,
и раб-сцефилиг выбежал вперед, осторожно
держа в передних лапах наплечник от
силового госнеха костогесантника.
Веналитор взял наплечник и поднял его
кверху, чтобы лорд Эбондрак смог
разглядеть эмблему, украшавшую его. На
керамике были вырезаны молитвы на
высоком готике и знак --- меч, пронзивший
раскрытую книгу.

--- Серый Рыцарь, --- вытолкнул
Эбондрак.

--- Два Серых Рыцаря, --- ответил
Веналитор. Он со значением взглянул на
Аргутракса. --- Охотники на демонов.

Аргутракс оскалился. Он ни за что бы
не выказал очевидной слабости перед

Эбондраком и в особенности перед Веналитором, но прижался в своем котле к дальней стенке, чтобы насколько возможно увеличить расстояние между собой и Серыми Рыцарями. Само их присутствие было проклятием для демона. Веналитор с жестокой радостью подумал, что в порочной душе Аргутракса зародилось нечто, похожее на страх.

--- Я так понимаю, что эти экземпляры не продаются, --- продолжал Эбондрак.

--- Разумеется, нет. Я лично прослежу, чтобы они стяжали величайшую славу Кхорну. Этого я не могу доверить никому. Я заберу их обратно на «Гекатомбу» и подготовлю для дальнейших дел. Что до остальных, --- Веналитор пренебрежительномахнул рукой в сторону пленников-гвардейцев, --- они на продажу. Копить про запас жертвы, предназначенные Богу Крови, не по мне. У меня еще одно.

Рабы выкатили вперед сани, на которых были разложены остальные части доспехов Серых Рыцарей. Они были по-

прежнемү покрыты кровью сражения на
Сартис Майорис.

— Это дар, мой господин, — сказал
Веналитор.

Аргутракс пренебрежительно
фыркнул.

— Принимаю с благодарностью,
герцог, — ответил Эбондрак, — это
воистину редкий трофей. Велите вашим
рабам доставить их ко мне во дворец.

— Будет исполнено.

— Утак, — произнес Эбондрак,
разглядывая Серых Рыцарей, — изры
Карникаля увидят, как охотники за
демонами убивают себе подобных во славу
Бога Крови. Только не говорите, что
Кхорн не оценит этого ютора.

Эбондрак развернулся и прошествовал
далее, разглядывая других пленников,
которые торговали лорды Дракаази. Ни
у кого из них не было ничего и близко
похожего на редчайшую добычу в виде пары
Серых Рыцарей, и ни один из лордов не мог
похвастать, что может выставить на
арену таких воинов. Прежде чем
направиться к шатру, Веналитор

взглянул напоследок на Арзутракса. Его надсмотрщикам предстояла большая работа, поскольку игры Карникаля открывали сезон поклонения Кхорну на аренах Дракаази и от того, как выступят рабы Веналитора, зависит его положение среди лордов планеты. Учитывая, что под его знаменем будут сражаться два Серых Рыцаря, игры, конечно же, пройдут для него удачно.

Кхорн в своей обители в Варне издает рев радости, когда охотники за демонами будут принесены в жертву в схватке во славу его. Варн не скоро забудет герцога Веналитора с Дракаази.

--- Это «Гекатомба», --- сказал Холварн. --- Я слышал, как один из них упомянул его название.

--- Один из них?

--- Из рабов, тех, что похожи на насекомых.

--- И что это такое? Тюрьма?

--- Корабль.

Аларик натянул цепь, хотя и знал, что это бесполезно. Он был прикован к стене крохотной темной камеры, настолько таленькой, что стоять он мог, лишь пригнувшись. Пол в пятнах засохшей крови был устлан грязной соломой. Стоял невообразимый страг. В этих камерах утирали люди.

Сквозь железную решетку в стене Аларик мог различить силуэт Холварна. После демонстрации на невольничьем

рынке Аларик на некоторое время потерял сознание. Лишить костогесантника чувств было не так-то просто; причиной тому наверняка был ошейник, ослабляющий его разум.

--- Ты видел его? --- спросил Холварн.

--- Кого?

--- Дракона.

--- Да. --- Аларик вспомнил это существо, нависшее над ними, словно в ночных кошмарах. Разумеется, это был вовсе не дракон. Драконы --- это мифологические существа, похожие на крупных ящеров, обитавших на бесчисленных негостеприимных планетах. --- Видел, и еще того разгумого демона. Хоть мой разум и затуманен, ему не удалось скрыть свою сущность. А рыцарь в красных доспехах --- тот самый, кто взял нас в плен на Сартис Майорис.

--- Я видел, как ты дрался с ним. Просто героически, юстикар. Благодаря твоему примеру было перебито немало нечисти.

Аларик вздохнул:

--- Он победил меня и взял живым. Но

наш спор еще не окончен. — Сквозь решетку
он мог различить лицо своего товарища. —
Что с остальными? С отделением?

— Тейн погиб, — ответил Холварн. —
Я видел, как он умер. Насчет Дворна и
Визикаля не знаю. Нас окружили и
разделили. Возможно, их тоже взяли в
плени, но я их не видел. Да простит меня
Император, но я не думаю, что у Сарниса
Майорис был хоть какой-то шанс.

— Наверно, нет, — согласился Аларик.
Он почувствовал, как наклонился пол
камеры, и услышал далекий рокот откуда-
то из недр «Гекатомбы». Все-таки это
был корабль, и он поскрипывал на ходу.

— Как ты думаешь, куда нас везут? —
спросил Холварн. — Собираются принести
в жертву?

Аларик поглядел на свои руки,
скованные в запястьях.

— Я думаю, у них куда более сложные
планы насчет нас, — ответил он. — Как
правило, для того, чтобы удовлетворить
Бога Крови, недостаточно просто
чиркнуть ножом по горлу. Я уверен, что
для нас у них в запасе кое-что

интереснее.

— У кого такие эти «они», как ты думаешь, юстикар?

Аларик долго молчал. В самом деле, кто? Сама природа Хаоса подразумевала, что его нельзя классифицировать. Несмотря на тома запрещенных книг в библиотеках Энцеладской крепости, несмотря на знания, переполняющие умы инквизиторов, Хаос невозможно было поделить на категории или препарировать, словно заспиртованные образцы. Хаос — это изменения, это энтропия и разложение, но это также и избыток жизни и эмоций, извращенное рождение и смерть тоже. Всякий раз, когда кому-нибудь вроде Аларика казалось, что он понял врага, порожденного Хаосом, враг этот менялся, не только для того, чтобы сбить с толку охотника, но потому, что изменчивость была частью его природы.

— Где бы мы ни были, Холварн, и кто бы ни захватил нас, мы никогда не сможем ответить на этот вопрос. Никогда не поймем ни этого места, ни этих существ.

Если мы всрѣз стоимъ понять их, значит скверна овладѣла нами.

--- Они могутъ растлѣть насъ.

--- Да.

--- Ошейникъ гелаетъ насъ беззащитными.

--- Не полностью, у насъ остается наша подготовка, но --- да, мы уязвимы.

--- Значит, это можетъ случиться.

Аларикъ прекрасно понималъ, что имѣетъ въ виду Холварнъ. Ни одинъ Серый Рыцарь ни разу не поддался скверне. Они гибли, получали увѣчья, теряли рассудокъ передъ яростью варна, ихъ были тысячи, погребенныхъ въ прохладныхъ склепахъ въ глубинахъ Титана, но ни разу никто изъ нихъ не поддался скверне. Аларикъ и Холварнъ могли стать первыми.

--- Этого не будетъ, --- сказалъ Аларикъ. --- И не важно, на какие хитрости они могутъ пойти, чтобы пробить нашу защиту. Мы Серые Рыцари. Все остальное --- мелочи.

--- Тогда я присоединяюсь къ тебе въ этой верѣ, юстикаръ, --- отвѣтилъ Холварнъ.

Аларикъ не зналъ, насколько удалось укрепитъ его духъ. Онъ не былъ даже увѣренъ въ

том, что Холварн поверил ему.

--- Мы совершим побег, --- продолжал Холварн.

--- Конечно, --- подтвердил Аларик.

Дверь камеры с шумом распахнулась, и один из насекомовидных рабов забросил внутрь целую охапку снаряжения и оружия, с грохотом рассыпавшихся по полу. Кольчугу и несколько частей пластинчатого доспеха, меч и шлем.

--- Готовьтесь, --- сипло и с акцентом произнес раб, с грохотом захлопнул и запер дверь и повторил то же самое в камере Холварна.

--- К чему? --- осведомился Холварн. --- К нашей казни?

Раб проигнорировал его и запер дверь его камеры. Аларик слышал, как он засеменил прочь, цокая коготками по полу.

Цепи вокруг запястий Аларика соскользнули. Он взглянул на груду доспехов у своих ног. Он все еще чувствовал раны, полученные во время боя с Веналитором. Костодесантники исцеляются с нечеловеческой быстротой, но ведь прошло всего несколько дней с того момента, как

он едва не утер на Сартис Майорис. У
теперь ему придется драться снова.

--- Чего они надеются от нас
добиться? --- спросил Холварн.

Двери камер отворились. Остальные
пленники выходили, звеня кандалами.

Аларик натянул через голову
кольчужную рубаху и поднял ржавый меч.

--- Они хотят нашей крови, ---
ответил он.

Пока их знали по узкому темному
туннелю к костяным дверям, утыканным
клыками, Аларик впервые увидел других
рабов --- гладиаторов. Туннель змеился
среди внутренностей Карникаля, и через
отверстия в стене из плоти виднелись
горожане, они улюлюкали и глумились над
людьми, направлявшимися на смерть.

Некоторые рабы были не более чем
тушечным мясом. Одетые в лохмотья, они
шли, понурив головы и побелев от ужаса.
Другие, похоже, могли постоять за себя,
вроде мускулистого мучины с
тюремными татуировками. Почти все
они были людьми, за исключением кучки

похрюкивающих ксеносов, отделенных цепочкой инсектоидов. Аларик распознал звуки и запах, издаваемые орками, жестокими зеленокожими существами, которые жили ради того, чтобы драться.

Мужчина с татуировками стерил Аларика взглядом.

--- Вы не мутанты, --- заметил он.

--- Нет, --- проворчал Аларик.

Пленник улыбнулся:

--- Значит, ит, наверно, понравится убивать вас.

Аларик добрался до выхода. Он ощущал возбуждение, охватившее остальных рабов. Некоторых буквально парализовало от ужаса. Другие были готовы к бою. Орки молились нараспев, настраивая себя на бойню.

Двери распахнулись. На Аларика обрушились свет и рев огромной толпы. Орки протолкнулись мимо стражей и выбежали мимо Аларика на арену, размахивая тяжелыми ножами и дубинками.

Аларик очутился на арене. Должно быть, здесь собрались сотни тысяч

зрителей, переполняющих ложи и скамьи на трибунах.

Арена, погруженная в тело города, была зловонной дырой, окруженной гниющей плотью, по которой стекали потоки крови и гноя. Зрители ревели, будто звери, изрыгая на арену брань и оскорбления, и чтобы они не разорвали друг друга, трибуны были разгорожены решетками. Обитатели Карникаля были столь же исполнены скверны, как и их город. С их костей клочьями свисали мясо и кожа, а в перекошенных лицах не осталось ничего человеческого. Кое-где виднелись роскошные ложи, траторные, отделанные шелком, для высшей знати. Веналимор должен наверняка быть там, и, видимо, остальные лорды, которых Аларик мельком видел на невольничьем рынке, тоже. Шеренги воинов в доспехах отделяли знать от черни.

— Во имя Трона, — произнес Холварн.

Толпа вновь взревела. Распахнулись ворота из кости на противоположной стороне арены, за кругом залитого кровью песка. Из темноты за ними выступила

огромная фигура. Верхняя часть тела существа была от могучего гуманоида, а нижняя — от змеи. У него было четыре руки, две из которых сжимали громадные тасницкие ножи. Существо скользнуло из темноты на солнечный свет, и толпа разразилась воплями и визгом. Улучшенное зрение Аларика позволило разглядеть его лицо, отдаленно напоминающее человеческое, и раздвоенный язык, пробующий воздух в поисках крови, гирлянду из отсеченных кистей рук на шее и отметины на чешуйчатой шкуре, свидетельствующие о числе убитых им.

— Трон из черепов, — выругался бывший заключенный. — Скархаггот.

Аларик взглянул на него.

— Чемпион, — продолжал раб. — С самого Эбондрака.

— Как тебя зовут? — спросил Аларик.

— Гирф.

— Гирф, держитесь ближе ко мне. Мы окружим его. Мы с Холварном будем держать его на расстоянии, а вы подберетесь сзади и...

Гирф невесело устехнулся:

--- Не выйдет.

Из песка высунулись ряды пик высотой в два роста костодесантника, разделив арену на загоны и проходы. Аларика отделили от других рабов, включая Холварна.

--- Брат! --- прокричал Холварн сквозь нарастающий рев толпы. --- Они хотят устроить тут бойню! Кого бы мы ни убили, это будет во славу Хаоса!

--- Верно, но что бы мы ни делали, главное --- мы должны выжить. Сражайся, как если бы этого пожелал Император. Как если...

Ряд пик спрятался обратно в песок арены. Теперь между Холварном и Скархадготом, чемпионом лорда Эбондрака, не было никакой преграды.

Скархадгот уставился на Холварна. Костодесантник выставил перед собой меч. Он был совсем не похож на то карающее оружие, которым Холварн сражался, будучи Серым Рыцарем, но в руке костодесантника любое оружие может быть смертоносным.

Толпа скандировала итя

Скархадгота.

Чемпион заскользил к Холварну. Скархадгот был огромен, намного выше Холварна, и две его свободные руки выхватили из-за спины пару щитов. Щиты были черные, со знаком белой змеи — предположительно, гербом лорда Эбондрака. Следовало ожидать, что Веналитор выставит одного из пленных рыцарей против чемпиона Эбондрака.

— Брат! — вскричал Аларик. — Я с тобой! — Он подпрыгнул и попытался перебраться через плотный заслон из копий. Они были скользкими от крови предыдущих участников боев, и зазубренный металл впился ему в ладони.

На Аларика обрушился целый фонтан песка. Он спрыгнул и, развернувшись, увидел клетку, подвигающуюся из пола арены. Внутри сидел здоровенный мутант, сложившийся из-за тесноты почти пополам. Дверца клетки распахнулась, и под очередной вопль толпы мутант тяжело затопал наружу, ревя от ярости.

Противник Аларика был анормальным существом с очень

глинными многосуставчатыми конечностями, извивающимися, словно змеи, с глинной конской головой и единственным желтым глазом, затекившим слезою. В руках у него было оружие, напоминающее дисковую пилу. Толпа радостно завопила, когда пила ожила, рассыпая по сторонам искры и хлопья засохшей крови.

Мутант ринулся вперед, Аларик упал на колени, и пила со звоном отскочила от линии копий за спиной костогесантника. Аларик откатился вбок, а пила вонзилась в пол арены, подняв в воздух тучу песка. Рыцарь рискнул бросить взгляд назад, туда, где сражались Холварн и Скархадгот. Чемпион делал стремительные выпады, будто кобра, а Холварн отчаянными взмахами меча отражал его атаки.

Аларик вновь повернулся к мутанту. Тот выдернул свою пилу из земли и взмахнул ею. Аларик отбил ее мечом, сломав при этом клинок. Толпа пришла в восторг, мутант тоже, его исковерканное лицо расколола ухмылка, и он пошел в

атаку.

Аларик вновь упал на колени, пропуская пилу над головой, и вонзил обломок клинка мутанту под ребра. Загубренный обломок пробил мышцы и кость и застрял там, вырвавшись из руки Аларика, когда его противник отпрянул назад от боли. Существо затахало неестественно глинными руками и едва не рассекло Аларика пополам своей пилой.

Медлить было нельзя. Аларик был безоружен, а у мутанта слишком глинные руки. Существо убьет его, если Аларик даст ему такую возможность. Он поднырнул под руками мутанта и прыгнул на него, пытаясь попасть ему в глаз и вывернуть голову, чтобы сломать шею.

От толчка мутант сел на песок. Он обхватил Аларика за туловище, пытаясь сбросить с себя, одновременно стараясь достаться пилой до спины противника. Аларик одной рукой обхватил его горло, другой удерживал на расстоянии пилу. Глаз мутанта выпучился и налился кровью от напряжения. Его глинный язык вылез из рта и стегал Аларика по лицу и шее.

бүгто маленькая плеть. Аларик усилил хватку и попытался сломать шейные позвонки врага. Какими странными бы ни были мутации существа, ему все равно нужно было дышать.

Мутант взвыл и со сверхъестественной силой оторвал Аларика от себя. Рыцарь попытался вскочить, но мутант мгновенно навалился на него. Пила приблизилась к лицу, визжа в самые уши, враг пытался опустить ее еще ниже, чтобы распилить голову Аларика нагвое. Долгий напряженный миг двое боролись, сверхъестественная сила мутанта против усиленных мускулов костодесантника, и Аларик не знал, кто из них победит.

Аларик собрал все силы и оттолкнул пилу вбок. Мутант налегал на нее всей своей тяжестью, и когда пила, скользя по шее, ткнулась в поларены, ее лезвие вонзилось в землю. Мутант попытался выдернуть пилу, но она вошла слишком глубоко, и мотор ее заскрежетал и выбросил сноп дыма и пламени. Пила взорвалась в руке мутанта.

диск вылетел, со звоном ударился о стену и из копий и рикошетом отскочил, вбившись вмятину в плечо Аларика.

Аларик уперся коленом в грудь мутанта и толчком отбросил противника от себя. Мутант заковылялся по окровавленному песку, из его раненой руки капала черно-зеленая кровь. Аларик поднялся на колени, сжимаясь от боли в плече, где застрял диск. Это было то же плечо, которое он выбил в клетке, и боль была настолько сильной, что у него потемнело в глазах.

Толпа была в восторге при виде такого кровопролития. Другие поединки были не менее ужасны. Орк победил своего противника, свирепое существо с темно-красной кожей, и в знак победы размахивал отрубленной ногой врага. Гирф стоял на коленях над своим противником, костатым звероподобным человеком с козлиной головой, и отпиливал его голову зазубренным ножом.

Аларик был уже на ногах. Мутант, пошатываясь, наступал на него, из обрубка руки струилась кровь. Преодолевая боль,

Аларик закинул руку назад и выдернул диск из плеча. Этот мутант еще мог убить его. У него в запасе одна здоровая рука и злобный нрав, и ему этого хватило бы, но теперь у Аларика было оружие.

Мутант бросился в атаку. Аларик размахнулся и метнул диск от плеча, словно дискбол, изо всех сил, не обращая внимания на ослепляющую боль в плече.

Диск начисто снес мутанту голову. Аларик отступил на шаг, и обезглавленное тело повалилось на копыта за его спиной. Толпа освистывала мутанта, погибшего от рук новичка.

Аларик обернулся и нашел взглядом Холварна. Поединок Серого Рыцаря с Скархадготом продолжался, но арены тянулись цепочки кровавых следов. Холварн был весь в крови из множества ран. Лицо его с одной стороны пересекала рваная рана от брови до подбородка. Он проигрывал.

Скархадгот навис над Холварном. Серый Рыцарь обрушил на него град стремительных ударов, но чемпион был не менее быстр и отражал все удары своими

щитами. Публике не нужно было больше отвлекаться на поединок Аларика, и все глаза были прикованы к чемпиону лорда Эбондрака, шаг за шагом теснившего Серого Рыцаря.

Аларик вновь попытался перелезть через копья. Множество рук пытались сделать то же самое, и на копьях еще висели клочки вырванного мяса. Аларик дотянулся до верха и попытался перевалиться через заржавленные острия.

Скархадгот ударил Холварна слева одним из щитов. Холварн рухнул навзничь. Скархадгот отбросил один из своих ножей и поднял Холварна в воздух, выбив меч из руки Серого Рыцаря.

— Брат! — отчаянно вскричал Аларик. — Я с тобой! Ты не один!

Он перевалился через частокон копий и упал по другую сторону. Острия прочертили глинные царапины на его груди. Он вскочил и побежал к Скархадготу и Холварну.

Скархадгот держал Холварна над головой, словно трофеем. Толпа визжала. Она жаждала крови. Жаждала

безжалостности. Аларик возбуждил их
аннетит, и Скархадгот знал, как дать им
то, чего они хотят.

Чемпион одной рукой ухватил
Холварна за шею, другою — за ногу. Он
снова поднял Серого Рыцаря над головой и
потянул. Холварн завонил.

Аларик закричал от невыразимого
отчаяния. Сердца его, казалось, сейчас
остановятся в груди. Он видел, как тело
Холварна разорвалось надвое.

Кровь Холварна хлынула на
Скархадгота, и тот буквально купался в
ней, ловя ее открытым ртом. Чемпион
скользнул к стене арены и бросил обе
части тела Холварна в толпу. Зрители
устроили драку, пытаясь отщипнуть
кусочек мяса от трупа. Скархадгот махал
окровавленными руками на все стороны
арены, лицо блестело, залитое кровью.
Взгляд его остановился на Аларике, и он
улыбнулся сквозь кровь его друга.

Аларик побежал. До Скархадгота
было еще поларены, и Аларик тчался из
всех сил, спеша преодолеть это
расстояние.

Холварн был мертв. Браз забрал жизнь Серого Рыцаря, а Аларик потерял друга. Пустоту, возникшую в его душе, могла заполнить лишь месть. Это даже не было осознанным выбором. Простой, непреложный закон, которому следовало повиноваться. Холварн должен быть отмщен.

Стена из копий выросла из пола прямо перед Алариком. Он ударился в нее, сгибая древки. Он ухватился за конья и затряс, пытаясь вырвать или разогнуть их, но они держались крепко. Скархадгот в последний раз вскинул окровавленные руки, приветствуя зрителей, и направился к выходу. Рабы с грохотом захлопнули двери за спиной чемпиона.

На арене появились нагсмотрички и воины в доспехах, они утаскивали тела и надевали кандалы на оставшихся в живых. Несколько из них направились к Аларику. Ему хотелось разбросать их, выломать себе конь и пробиться через те двери. Он хотел найти Скархадгота и разорвать его на части, как тот разорвал Холварна, но вид закрывающихся дверей лишил его

последних сил. Ярость придавила его тяжким грузом, словно проклятие, поразившее его за то, что не отомстил за друга.

Спину его обожгли удары плетей. Он упал на колени. Ему хотелось, чтобы все это кончилось. Хотелось забвения, чтобы не видеть вновь и вновь, как утирает Холварн. Он никогда еще не чувствовал себя настолько разбитым.

Боль достигла апогея, и теперь Аларик не чувствовал вообще ничего.

--- Похоже, у вас там два сердца?

--- Что?

--- У вас два сердца и три легких, но одно из них -- бионическое.

Глаза Аларика открылись. Он смотрел на ржавый потолок в многолетних наслоениях грязи. У него болело все тело, боль усиливало легкое покачивание, подсказавшее Аларику, что он снова на «Гекатомбе». Тусклый свет резал глаза.

--- Я костодесантник, --- сказал Аларик.

--- Как? --- переспросил голос. --- На Дракаази? Будь проклят Трон или благословлен, уж и не знаю. Как это вас занесло сюда?

--- Веналитор, --- ответил Аларик.

Он сел, не обращая внимания на боль в плече. Бывали у него раны и похуже. С этим можно жить.

Он находился в конце огромного помещения. По обе стороны тянулись многоарусные клетушки, соединяющиеся лестницами. Пол был грязный, усыпанный соломой и грудami тряпья, а может, и лежащими вповалку трупами. Пленники были повсюду, они спорили за азартными играми, урывками спали по углам, заговорщицки перешептывались.

Большинство из них --- люди, но встречались и ксеносы. Аларик узнал Турфа, лениво точившего нож в уголке. В дальнем конце находилась гора отбросов и мусора, очевидно служившая дотом группам орков, отделенных от остальных пленников прутьями решетки с развешанными на ней кровавыми трофеями. Один из зеленокожих был тот

самый одноухий орк, которого Аларик
видел на арене. Еще с полдюжины существ
переругивались и дрались в потемках.
Аларик понял, что одиночные камеры,
вероятно, находятся под этой палубой. В
большинстве своем рабы жили здесь, страх
друг перед другом изолировал их лучше
любых одиночек.

Аларик сидел на большом грязном
железном постое. Над ним стоял
низенький плотный борогатый мужчина
средних лет в ветхом фартуке, почти
черном от крови. Рядом с Алариком
лежало несколько тупых медицинских
инструментов.

--- Хаггард, --- представился хирург, ---
медицинский офицер второго класса.

--- Юстикар Аларик, --- ответил
Аларик. --- Вы были имперским
гвардейцем?

Хаггард покачал головой:

--- Силы планетарной обороны
Азриппины, древний и почетный
Пятьдесят первый полк личных стрелков
губернатора. Мы все сдались на
Кинжальной Горе. Повернись все иначе, и

мы сражались бы до конца, но Око тогда только что открылось. Мы не знали, с чем столкнулись.

Аларик потряс плечо. «Сойдет», -- решил он.

-- Я извлек из вас целую пригоршню металла, -- продолжал Хаггард. -- Не предполагалось, что вы останетесь в живых, знаете ли. Вы были жертвами, предназначенными отомстить недавнее восстание рабов.

-- А было восстание?

-- Целых полдня: рабы арены в Аэлазадни смогли организовать и сбежать. Их поджигала Этеиная Стража, личное войско лорда Эбондрака. Вы видели его?

-- Ящера?

-- Ящера. Этих изгнати празднуют подавление мятежа. Поэтому и чемпион Эбондрака был там. Вас отправили на смерть.

-- Мой боевой брат погиб, -- сказал Аларик. -- Скархадгот убил его.

-- Я слышал и знаю, что вы захотите отомстить. Я тоже хотел. Когда войско

Веналитора напало на Азринну, я потерял всё и всех. Но это Дракаази, юстикар. Этим миром владеет Кхорн. Выжить здесь -- уже большая победа. Вы либо сражаетесь, как того хочет от вас Веналитор, либо упрете; все просто. Я жив только потому, что приношу гораздо больше пользы, штопая гладиаторов, чем в качестве еще одного куска пушечного мяса для арены.

-- Вот, значит, кто мы такие, -- горько произнес Аларик. -- Узрушки Кровавого Бога.

-- Многие из нас предпочли смерть, -- сообщил Хаггард. -- Остальные думают, что их спасут или что они сами сумеют вырваться. Некоторые вроде меня слишком трусливы, чтобы вообще что-то предпринимать, а кто-то, разумеется, наслаждается, проливая кровь.

-- Как Гирф.

Хаггард улыбнулся:

-- Гирф полнейший психопат, и не он один. Когда Хаос захватывает планету, первым делом пустеют тюрьмы. Люди, подобные Гирфу... понимаете, Дракаази не

слишком отличается от их прежней жизни. Есть, конечно, и те, кто строит планы. Видите, вон там, на третьей палубе?

Хазгарг указал на ярус, расположенный высоко вверху. Аларик проследил за его взглядом и заметил в одном из отсеков бледную фигуру, терпеливо полирующую часть темно-зеленого доспеха.

— Эльдар, — отметил Аларик, — еще один ксенос.

— Это Келедрос, — сообщил Хазгарг. — Поверьте, матушка учила меня ненавидеть чужаков, как велели проповедники, но Келедрос — один из лучших бойцов в казарме Веналитора, и будь я проклят, если он не придумал, как ему выбраться отсюда.

— Долго здесь можно протянуть? — спросил Аларик.

— Кто как. Некоторые попали сюда задолго до меня. Большинство не переживают первого же поединка. Убого вообще, раз вы здесь, это означает, что вы крепче многих. Веналитор отбирает

лучших рабов и возит по всей Дракаази на «Гекатомбе», чтобы выставлять против гладиаторов других лордов. Эта проклятая планета — один гигантский храм во славу крови, и арены — его алтари. Богоугодное дело, понимаете ли, все эти смерти.

Аларик соскользнул с помоста и поднялся на ноги. На нем по-прежнему был составной доспех, выданный работ-ксеносом перед схваткой на арене. Как бы он хотел вернуть свое собственное снаряжение!

— Здесь вы можете делать все, что хотите, — продолжал Хаггард. — Слабые отсеиваются достаточно быстро. Но попробуйте попасть в какую-нибудь другую часть корабля, и сцефилиды тут же узнают об этом. Веналитор прикажет вздернуть вас на носу корабля или скормить зеленокожим.

Холварн, лучший из воинов, с которыми Аларик довелось сражаться бок о бок. Холварн должен был стать юстикаром, получить собственное отделение, и в самом скором времени. Он мог подняться выше Аларика, стать

одним из братьев-капитанов, быть может, даже великим магистром, повелевающим целыми армиями и входящим в высшие сферы Ордо Маллеус. Холварн погиб, чтобы насытить Кхорнову жажду крови.

--- Будьте готовы в ближайшее время застолбить право собственности, --- сказал Хаггард. --- Многие рабы сегодня не вернулись, и на их катеры будет большой спрос. Хорошие катеры --- редкость.

--- Обязательно, --- заверил Аларик. Они увидели группу рабов, собравшихся в одном из отсеков. Они стояли на коленях. Они молились.

Аларик направился к ним.

Лейтенант Эрхар медленно воздел руки, обратив взгляд на пол камеры. Ужасам этого мира будет равно великоление, которое они узрят однажды. Нужно помнить об этом, чего бы это ни стоило.

Эрхар возложил лагони на алтарь. Это была огромная каменная голова, некогда принадлежавшая статуе: идеально прекрасный человек, благородное лицо, глиняный аристократический нос и густые локоны трапезных волос. Вероятно, это был какой-нибудь Чемпион Хаоса или одно из воплощений Кхорна, но оно давно перестало служить в этом качестве. Оно было красиво, в то время как большинство на Дракаази — уродливы, и сюзерены планеты забыли про него. Верующие обратили на него свою веру. Это было лицо

Императора на Дракаази, символ скверны, обращенный их верой в нечто прекрасное.

— Испытания, ниспосланные нам, — начал Эрхар, — это терило нашей веры. Ибо вера не значит ничего, когда жизнь наша свободна от страданий. Благодарим тебя, наш Император, за каждый миг боли. Мы радуетесь за каждого брата или сестру, покинувших нас. Мы празднуем каждую победу врага и племени Бога Крови, ибо истинная победа — это укрепление веры в наших сердцах.

Верующие вокруг него терпеливо слушали. Большинство из них были в такой же ветхой темнотосиней форме, как и Эрхар, а кое у кого были нашивки Имперского флота. Часть из них присоединилась к кружку верующих позже, но ядро составляли мужчины и женщины, попавшие в плен, когда их костический корабль «Накс Деинотатос» был захвачен, а его экипаж подарен Веналитору.

— Они праздновали гибель наших восставших братьев, — сказал Хойгенс, — некогда командир орудия на «Наксе». — В эти дни мы потеряли многих верующих, и

В честь победы черного ящера над ними
были устроены игры. Как может ты
отыскать в этом успокоение? Мне
кажется, что вера моя пошатнулась,
лейтенант. Я чувствую пустоту в душе.

Эрхар поднялся. Несмотря на
темноту и серый цвет лица, которым
наградил его Дракаази, он все еще
выделялся офицерской выправкой.

— Император отбирает у тебя
подпорки, за которые ты привык
цепляться, Хойгенс! Возрадуйся этой
пустоте. Подумай, насколько прекрасным
станет для тебя видение Земли
Обетованной теперь, когда ты столько
многого лишился! О, если бы мы все могли
почувствовать такое же отчаяние!

Эрхар собрался было продолжать,
когда заметил гигантскую фигуру на
платнике у двери отсека.

Это был не сцефилиг — старший
надсмотрщик и даже не кто-то из
наиболее жестоких и злобных узников
«Гекатомбы». Это был огромный человек,
много выше самого высокого из собравшихся
здесь людей, в наскоро собранном из разных

частей госпехе, неспособном скрыть
невероятно развитую мускулатуру.

Многие в страхе понянулись от него.

--- Ты пришел разделить с нами веру в
Землю Обетованную, незнакомец? ---
спросил Эрхар.

--- Это костогесантник, --- еле слышно
выговорил Хойгенс. Там, на «Наксе», он был
командиром оружейного расчета и к тому
же человеком довольно крупным, но и он
отодвинулся подальше от чужака. ---
Говорили, Веналитор взял одного живьем.
Я не верил.

--- Мне кажется, молитва здесь очень
нужна, --- сказал Аларик. --- Я хотел бы
присоединиться к вам, отец.

--- Я лейтенант Эрхар с имперского
костического корабля «Накс Деинотатос», ---
ответил Эрхар. --- Я вовсе не отец, а
могу я узнать ваше имя?

--- Юстикар Аларик.

Эрхар улыбнулся:

--- Для новичка всегда найдется
место, если он способен верить. В конце
концов, мы посланы сюда ради испытания
веры. Дракаази --- это муча для всех нас,

посредством которой Император узнает
преданных ему.

--- Должно быть, вы оставили всякие
мысли о побеге, лейтенант.

--- Пытались многие, лорд-гесантник,
--- вставил Хойгенс. --- Уж поверьте мне, я в
былые дни чуть не стал одним из них, но
все, кто пытался, погибали. Либо их
убивали при попытке к бегству, либо
выслеживали и бросали умирать на арену.
Для них это просто еще одна
разновидность спорта.

--- Брат Хойгенс прав, --- подхватил
Эрхар. --- Последняя попытка была совсем
недавно, не больше месяца назад. Сотни
рабов совершили побег с арены в Аэлазадни.
Среди них были и верующие, но Змеиная
Стража уже поджигала их, личная гвардия
Эбондрака, и они погибли, все до единого.
Говорят, они готовились много месяцев, а
окончилось все за несколько часов.

--- Этой планетой правит Кхорн, ---
возразил Аларик. --- Разумеется, бежать
отсюда нелегко, но я так понимаю, что
этот факт не слишком повлиял на вашу
решимость.

Эрхар покачал головой:

--- Побег --- это лишь мечта, юстикар, во всяком случае, побег физический. Понимаете, все увиденное на Дракаази привело меня к выводу, что мы здесь по определенной причине. Император направил нас сюда, потому что это первый шаг по пути к Земле Обетованной. Если мы сохраним веру, мы попадем в эту Землю. За каждый грех, совершенный против нас, мы обретем еще большее блаженство, когда Император поведет нас туда. Это единственный способ объяснить все происходящее на Дракаази.

--- Император создал Дракаази? --- осторожно осведомился Аларик.

--- Нет, юстикар. Дракаази --- творение злых людей. Император направил нас сюда, потому что мы --- Его наставники, и только через страдания, причиняемые этими злыми созданиями, мы можем достаточно очиститься, чтобы возвыситься до Земли Обетованной. Если ты присоединишься к нам в нашей вере, тебя тоже заберут туда.

--- Там, в Империи, лейтенант,

ваши слова были бы восприняты как ересь.

--- Но мы не в Империи.

--- Нет... А где же Земля Обетованная?

--- Я проповедовал, что это место, куда мы попадем, земля мира и изобилия, где нет боли. А насчет того, действительно ли это некое место или же нечто внутри нас самих, каждый должен решать сам. Однако вы, чувствуя, не удовлетворитесь поисками утешения в своем «я». Вы хотите бежать и отомстить.

--- Возможно, --- ответил Аларик.

--- Вам нужны союзники. Даже костогесантнику не выбраться с Дракаази в одиночку. Вы полагали, что эти бедные религиозные фанатики сочтут вас чем-то вроде знака, ниспосланного им Императором, и что они пожертвуют своими жизнями ради вашего успеха. На Дракаази мы все равны, юстикар, даже костогесантники. Если вы хотите выбраться отсюда, Земля Обетованная --- это единственный путь. Вера покорит Дракаази, а не вы, и если вы хотите

преподать урок герцогу Веналитору, то, возможно, вам следует больше знать о нем.

--- Он победил меня и взял в плен, --- резко бросил Аларик. --- У меня нет иллюзий насчет его способностей.

--- Значит, вам известно, почему лорд Эбондрак ценит его больше всех остальных?

--- А вам, я так понимаю, это известно.

Эрхар пожал плечами:

--- Слышал кое-что. Некие рабы, которые были здесь, когда нас взяли в плен, теперь уже, конечно, давно мертвые, помнили, как Веналитор впервые вывел свою «Гекатомбу» и занял место среди лордов Дракаази. Он победил демона, говорили они. До нас эта история передавалась от поколения к поколению рабов. Его звали Раэзазель. Это было какое-то магическое существо, к которому остальные лорды относились с презрением. Веналитор выследил его и победил. Лорды возненавидели его, и эта ненависть дала ему силу. Ненависть и сила --- одно и то же

на Дракаази. Таков мир, который все мы
вынуждены терпеть.

--- Похоже, вам хочется сидеть тут и
ждать, что еще обрушит на вас Хаос,
лейтенант, --- рассердился Аларик.

--- Узрев Землю Обетованную,
юстикар, вы поймете, что ничего не
может быть дальше от истины. Если вы
хотите постичь эту истину,
присоединяйтесь к нам. В противном
случае сражайтесь и погибайте, ибо без
надежды на Землю Обетованную только
это и остается на Дракаази.

Эрхар отвернулся от Аларика,
возложил руку на отбитую каменную
голову, олицетворяющую их Императора,
и продолжил молитву. К тому моменту
как собрание закончило вымаливать у
Императора прощение, юстикар Аларик
исчез.

* * *

Аэлазадни!

Город этот порожден
песней, и он сам — песня.
Миллион голосов, слившихся в
песне! И еще миллион в боли.
Хор Хаоса, бесконечная
мелодия, под которую пляшут
даже демоны в геенне огненной
варна!

Шпили хрустального
города — это корона, венчающая
мир Бога Крови, вознесшаяся из
песков, чтобы вторить песне
под божественной рукой!
Мастера из его хора извлекают
песнь Бога Крови из глоток
своих рабов, вырывают пытками
чистейшие ноты ужаса и
возносят совершеннейшие хвалы
страданию. Существует ли
что-либо столь же ужасное и в
то же время прекрасное, как
Аэлазадни? Были ли где-либо
красота и ужас столь близки,
как в этом великом
хрустальном храме?
Возвеличивали ли какого-либо

бога так, как возвеличивают в
Аэлазадни Владыку Черенов
Дракаази?

«Мысленные
путешествия святого
еретика»,

написанные
инквизитором
Хельтандаром
Освайном

(запрещены Ордо
Еретикүс)

--- Проклятая песня, --- сказал Гирф, ---
лезет прямо в душу.

--- Крепись, --- посоветовал Аларик.

--- Тебе-то что. Такие, как ты, могут
затворить мозги, чтобы в них не попала
всякая дрянь. А кое-кто здесь простые
смертные. --- Гирф сидел в углу своей
крохотной клетки, подвешенной к потолку
над открытым стоком для крови и
нечистот. Аларик находился в соседней, и

сквозь сүтрак виднелись бесчисленные
клетки, в каждой из которых был один из
рабов Веналитора. Рабов разделили и
заперли в этих тесных узлицах, которые
затем при помощи греющих цепей и
рельсов отправили в темные хрустальные
недра города. Песня зазвучала, когда
«Гекатомба» приблизилась к городу, и уже
не столкнула, только становилась все
громче, пока не стала такой же
неотъемлемой частью этого места, как
стены вокруг них.

Арена Аэлазадни была над ними, и
даже здесь, глубоко внутри ячеистого,
изуродованного хрустала, из которого был
выстроен город, резкие звуки песни
доносились со всех сторон. Орки тоже пели
— ужасный звук, еще хуже, чем музыка
Аэлазадни. Мысль о том, что какое-либо
живое существо может наслаждаться
жизнью на Дракаази, казалась просто
неприличной.

— Ты знаешь, с кем мы будем
сражаться?

— Чего? Этого никто никогда не
знает. Бьюсь об заклад, однако, что для

тебя они принасли что-нибудь особенное.

--- Ты, наверно, думал о том, как выбраться отсюда, --- сказал Аларик.

--- Ну да, еще как думал. И про то, как с меня сдирают шкуру и скармливают мясо псам, тоже, потому как это лучшее, на что я могу рассчитывать, если поймают. Я так полагаю, с этой планеты дороги нет. Лучшее, что я могу сделать, это заставить их страдать. Они часто выпускают против нас тех, кого предпочли бы сохранить в живых. Когда я выхожу против кого-нибудь в этом роде, я стараюсь убить его. Это задевает их сильнее, чем все, что я смог бы сделать, если бы сбежал отсюда.

--- Но все эти убийства во славу Кхорна. Всякий раз, как ты убиваешь здесь, ты исполняешь волю Хаоса.

--- Значит, когда они выпустят тебя отсюда, просто ляг и умри. Мне на это наплевать, десантник. --- Турф ухмыльнулся. --- Я слышал, они убили твоего друга.

--- Это правда.

--- А Империям убил моих. Арбитры

выволокли их на загвоздки крепости и выстрелили в затылок. Во вселенной нет ничего, за что стоило бы сражаться. Все летит в тартарары. Если ты хочешь умереть здесь, то милости просим, но сначала хорошенько погляди по сторонам, десантник, потому что скоро вся галактика будет выглядеть так же.

— Значит, Веналитору даже не пришлось особо переламывать тебя, — спокойно заметил Аларик. — Ты был слугой Кхорна задолго до того, как он тебя нашел.

Гирф плюнул в него. Аларик проигнорировал это. Люди, подобные Гирфу, были естественным побочным продуктом Империи. Империя была жестоким миром, потому что галактика была жестока. Его народы должны были угнетены, потому что, будь у них свобода делать и говорить все, что им хочется, они натворили бы много ужасных вещей, которые привели бы к уничтожению рода человеческого. Гирф был одним из многих, не укладывавшихся в рамки, уготовленные Империей для его народа.

Порой Аларик хотелось, чтобы Император мог однажды проснуться и указать Империи путь к выживанию, который не требовал бы такой неослабевающей жестокости по отношению к его гражданам.

--- Ты и вправду веришь, --- неожиданно для себя спросил Аларик, --- что Дракаази могла бы существовать без таких людей, как ты?

Гирф наградил Аларика ненавидящим взглядом. Прежде чем он смог ответить, клетку Аларика вдруг резко дернуло вверх. Ее протащило через зловонную узкую шахту, и в тонкой пелене красноватого света стали видны отметины когтей по краям. Рев толпы слился с песней Аэлазадни в ужасной гармонии, которая могла бы сломать человека менее стойкого, нежели Серый Рыцарь.

Внезапно вспыхнул свет. Клетка распахнулась, и Аларик оказался в центре арены Аэлазадни.

Свет струился сквозь единственное отверстие в каменном небе над головой

Аларика. Вокруг него со всех сторон закручивался спиралью лабиринт. Это была подземная часть города, ее здания казались гниющими каменными бастионами, их пустые окна были словно ослепшие глаза, а сломанные дверные проемы напоминали зубы в разбитом рту. Аэлазагни всегда был великоленен, но теперь его чрезмерная пышность обветшала, став пародией на красоту, его лепнина осыпалась с фронтонов, а безликие статуи валялись на изрытой ямами земле грудями осколков.

Аларик заметил крохотные блестящие глаза, перетигивающиеся на стенах, поворачивающиеся вслед за ним. Это смотрел сам Аэлазагни. Он услышал одобрительные возгласы, когда глаза сосредоточились на нем, новом изроке, вступающем в игру.

Он заметил первое тело, лежащее неподалеку, привалившееся к обрушенной стене в луже поблескивающей крови. Узначально это был человек, но больше Аларик сказать ничего не мог, поскольку тело было разорвано пополам. Аларик

подобрал ржавый меч, валявшийся рядом с откинутой рукой трупа.

Что-то замычало вдалеке, басовито и злобно. Кто-то завопил. Одобрительный гул усилился.

Песнь Аэлазагни сплетала здесь уже другой узор. Просеянные сквозь ярусы города, ее отдельные ноты звучали яснее, и Аларик мог уловить голоса, приглушенные звуки и бульканье, прославляющие Кхорна.

Они говорили, что он должен быть благодарен: мало кто удостоился такой смерти.

Уловив рядом какое-то движение, Аларик вздрогнул. Из теней крадучись показался другой раб. Он был вооружен глубинкой с торчащим из нее железным шипом. Аларик понял, что это мутант, его костлявое тело уродовали ожерелья шевелящихся ресничек на шее и руках. На нем были остатки рваного доспеха.

--- Где он? --- спросил мутант.

--- Кто --- он?

--- Тот, на кого нас послали охотиться.

--- Не знаю. Я его даже не видел.

--- Конечно, ты не видел. А, да ты новенький, с неба?

--- Да.

Мутант стерил Аларика взглядом:

--- Ты кто?

--- Я как раз собирался спросить тебя о том же.

--- Помеченный, --- гордо объявил мутант, --- кровью. --- Кровь сочилась из листовидных отростков, извивавшихся по всей его коже. --- Утекающий кровью во имя Его, утешающий Кхорна о...

Раздавшийся совсем рядом звук прервал эту речь. Секундой позже в стену возле Аларика врезалось тело, и на землю посыпались крошки гревнего тратора.

Аларик откатился в сторону и уголком глаза мельком взглянул на трупа. Еще один мутант, многорукое существо, грудная клетка --- сплошная кровавая рана, на лице застыло изумление.

Мутант, вооруженный дубинкой, взревел и бросился в кипящую тьму. Мускулистая рука сгребла его и втащила в пролом в стене. Мутант завопил, и вопль его звучал долго: смерть его не была

быстрой.

Аларик забежал за угол, уходя с линии видимости врага. Он по-прежнему не видел своего противника, если не считать руки. Он слышал, как тот тяжело зашагал прочь, испуская низкий раскатистый рык, сопровождаемый влажным хрустом. Аларик предположил, что это расплющивается под его ногами тело мутанта.

Аларик затаил дыхание. Монстр явно был огромным, и, судя по воплю мутанта, в запасе у него было кое-что помимо силы. Еще Аларик ощущал его запах, смесь пота и какой-то резкой хитици.

Аларик находился на лежащей в руинах городской площади, выстроенной вокруг грандиозного фонтана. Статуи вокруг фонтана лишились голов и рук, вода, если только в нем текла вода, давным-давно иссякла. С одной стороны площади стояла осевшая базилика, уничтоженная огнем. Запах существа подсказал Аларику, что оно отступило в этом направлении. Звук его шагов почти терялся за басистым жужжанием песни Аэлазадни, но все-таки

они были, и достаточно различные, чтобы Аларик понимал, что чудовище совсем рядом.

Каменная голова взирала на него с земли. Глаза ее были такими же, как те, что усеивали стены лабиринта. Аларик наступил на нее, разгребив голову на мелкие осколки и раздавив глаза. Он надеялся, что где-то в Аэлазадни сразу два зрителя перестали видеть.

Внутреннее убранство базилики было уничтожено огнем и временем. Колонны склонялись под тяжестью полюббалившегося свода. В камни колонн и стен были втиснуты скелеты, окаменевшие, будто древние ископаемые существа, они тянулись ему навстречу, словно были живыми, когда обратились в камень.

Аларик отступил за колонну. Он взглянул на меч в своей руке. Оружие было жалкое, не более чем полоска металла, которой грубо придали нужную форму. Это даже хуже, чем ничего. Он положил его на землю у ног.

Аларик прислушался к песне. Она

призывала его радостно встретить
смерть и позволить ей поскорее
освободить его от земных страданий.
Серый Рыцарь не стал обращать на нее
внимание. Возможно, песня и проникла бы
в сознание сломленного человека, но к
Аларикү это не относилось. Он
прислушался еще.

Он услышал, как падают капли воды,
просочившейся через отверстие в крыше,
как покрывает, оседая, город. Все
чувства костогесантника были
искусственно обострены, но редко когда за
его жизнь от них зависело столь многое.
Существо прошло через базилику, сүдя по
шороху камней в дальнем конце, и теперь
направлялось наверх.

Аларик выскользнул из-за колонны и
начал охоту.

Он прокрался через разрушенную
колоннаду, некогда украшавшую фасад
величественного храма, а теперь
превратившуюся в россыпь булыжников.
Сүдя по следу, он прошел через подвалы, меж
истлевающих картин и алтарей с
изображением порочных ликов Кхорна.

След вел через саж окаменевших
деревьев и русло ручья, до половины
заполненное засохшей кровью. Аларик
прошел мимо пирамиды из костей, мимо
строений бойни, где с рельсов на потолках
еще свисали крюки, а под ногами валялись
черепя.

Аларик знал, что существо, которое
он преследует, близко. Об этом говорили и
его инстинкт, и вещественные следы
свежие отпечатки огромных шестипалых
ног на полу, только что убитые охотники,
чья кровь едва начала сворачиваться,
хищнический запах и блестящие капли
крови там, где чудовище поранилось об
острый камень. Аларик замедлил шаги,
превращая каждое движение в упражнение
на выдержку, и, пройдя через ворота бойни,
очутился на грандиозном мосту для
процессий.

Когда-то величайший дворец
Аэлазадни возносился над всем городом. Он
давным-давно обрушился, но дорога к нему
целела, огромный мост через глубокий
канал. Аларик осторожно ступил на мост
и поспешно укрылся за статуей, заметив

среди камней грюзную тень. Статуи
вздыгались ввысь по обеим сторонам
моста — трачный парад королей
Аэлазадни, исполненных непристойного
величия, лишь подчеркивавшего их
уродство. Они были усеяны возбужденно
перетигивающимися глазами: Аэлазадни
наблюдал.

Аларик получше пригляделся к
добыче, на которую его послали
охотиться. Это был сгорбленный великан,
со множеством ран и клейм на покрытой
струпьями коже. Он сидел спиной к
Аларикү, так что был виден гребень из
когтистых шипов вдоль хребта.

Аларик узнал некоторые из
татуировок чудовища: глаз, компас,
звезда. Он много раз видел их раньше, и
это давало ему преимущество, которого
были лишены лучшие охотники Дракаази.

— Я знаю, — громко произнес Аларик, —
кто ты такой.

Существо подняло глаза от своей
добычи — охотника, которого оно
выследило и убило на мосту. Аларик
вышел из-за статуи. Лицо существа было

зутаночным, но уже не человеческим, жестоко перекошенное из-за единственного клыка, торчащего ниже подбородка. Руки его оканчивались клешнями, похожими на крабьи, из мышц и когтей.

Глаза существа так глубоко тонули в изрезанных шрамами складках лица, что оно должно было быть слепым. Более крупный третий глаз во лбу был закрыт.

— Когда они тебя нашли? — спросил Аларик. — Как давно ты уже здесь?

Чудовище не напало. На лице его отразилось нечто похожее на узнавание.

— Вспомни, кем ты когда-то был, навигатор.

Навигаторы были парадоксом Империи. Они все принадлежали к роду, несущему в генах устойчивую мутацию. У навигаторов был третий глаз, которым они могли смотреть в варп и не сойти с ума, как случилось бы с большинством людей. В результате этой мутации они одни могли вести корабль во время долгих прыжков сквозь варп, и без них все корабли были обречены на короткие скачки, а значит, гражданским судам понадобились бы

десятилетия для путешествия между галактиками. Без навигаторов вооруженные силы Империи добирались бы к местам военных действий с многовековым опозданием, силы быстрого реагирования, вроде космодесантников, не смогли бы совершать свои молниеносные операции, и Империя, разросшийся и могущественный в лучшие свои времена, распался бы на части.

Их третий глаз, как говорили костические бродяги, может убить человека взглядом.

Само собой, что это существо, бывшее когда-то навигатором, могло противостоять любым попыткам одолеть его.

Аларик медленно приблизился к навигатору-мутанту. Быть может, воздействие той разнovidности Хаоса, что царила на Дракаази, так изменило его, а может, он родился таким. Хотя мутации навигаторов были относительно стабильными, Аларик слышал от инквизиторов истории про монстров, которых навигаторские Дома держали

взаперти в подземельях своих поместий на
Земле.

Существо не нападало. Наверное,
Аларик первый из всех встреченных им на
Дракаази не пытался убить его.

— Я знаю, почему они послали меня
сюда, — сказал Аларик скорее себе, чем
навигатору. — Предполагают, что ты
убьешь меня.

Песнь Аэлазагни вдруг возвысилась до
отвратительного крещендо. Город
затрясся, в глубокий канал под мостом
посыпались куски кладки и обломки
статуй. Навигатор взревел и взвился на
дыбы, зажав ладони уши. Аларик тоже был
потрясен свирепостью атональных
аккордов, обрушившихся на них из
наземного города.

Навигатор с глухим стуком упал на
четвереньки и зарычал на Аларика. Его
третий глаз резко раскрылся.

Аларик бросился на землю. Черная
рваная лента энергии вылетела из глаза
навигатора, оставив глубокие выбоины в
телах окружающих их статуй. Каменная
рука упала на землю со стуком, почти

неслышным среди гула.

Когда третий глаз навигатора извергнул темную энергию на мост, Аларик выскочил из укрытия. Пригнувшись, он метнулся к навигатору, врезался тому в бок, перепрыгнув через линию темной энергии, и заскочил ему на спину.

Навигатор попытался сбросить костодесантника, вытянул руку, стараясь схватить его. Аларик перехватил его руку и вывернул указательный палец существа назад, чувствуя, как с треском рвутся связки. Вопль боли навигатора слился с песней, и Аларик был настолько оглушен этой мучительной гармонией, что разжал руку и скатился со спины навигатора.

Он инстинктивно пошарил вокруг. Рука его наткнулась на теплую липкую массу — останки последнего из охотников, выслеживавших навигатора. Он взглянул туда и увидел что-то металлическое: сломанное древко копья, увенчанное зазубренным стальным наконечником. Когда он подхватил его, тень навигатора нависла над ним.

Түша навигатора рүхнүла на четвереньки у самых ног Аларика. Лицо мутанта находилось в сантиметрах от его лица. Третий глаз вновь открылся, и бровь над ним насунилась от ярости и боли.

Песня сводила существо с ума. Аэлазагни не намерен был гурачить публику, лишив ее очередной смерти.

Аларик ткнул копьем в лицо навигатора. Наконечник пробил твердую как камень роговицу третьего глаза. Древко последовало за ним, лотаясь и заполняя глазницу щепками.

Навигатор отпрянул со злобным рывканьем, схватившись ланой за лицо.

Аларик вскочил на ноги. Навигатор не был порождением Дракаази, но этот мир осквернил его и лишил разума, превратив в оружие. То же самое они хотят сделать и с Алариком, если прежде не сумеют убить его.

Полуослепший навигатор ринүлся в атаку. Аларик прыгнул, но не в лицо раненого существа, а мимо, скользнул спиной по шкуре существа и перекатился

через него.

Навигатор пролетел вперед, его массивное тело не могло резко остановиться.

Он врезался в каменные перила моста и проломил их. Под его передними конечностями разверзлась пучина. Падая, навигатор взвыл, и звук этот окончился жутким влажным ударом, когда его туша грохнулась на дно пересохшего канала, обрызгив его кровью.

Аларик сполз с моста, тяжело дыша. Тысячи глаз смотрели на него.

Он убил их навигатора. Этого в сценарии не было.

За ним прислали солдат из гарнизона Аэлазадни, поскольку охота была окончена и публика получила свою кровь. Аларик понимал, что драться с закованными в латы воинами, окружившими его, означало лишь дать этому городу возможность еще раз насладиться кровопролитием, и он позволил заковать себя в кандалы и утащить обратно на «Гекатомбу».

Они получили свою кровь, но и Аларик тоже получил кое-что. Среди татуировок

Навигатора было знакомое изображение
шестипалой руки.

Навигатор мог убивать взглядом
своего третьего глаза. Это оружие
способно поразить охотника на демонов.
Вот почему Аларика бросили вместе с
ним в этот лабиринт. Демон Арзутракс
хотел, чтобы Аларика справили с самым
сильным из его рабов-убийц, и Веналитор
лишился бы своего нового и лучшего раба.

У лордов Дракаази была слабость ---
слабость, которую они полагали силой.

Они ненавидели друг друга. Их
слабым местом была ненависть.

--- Я слышу много всякого, ---
осторожно сказал эльдар, --- и хочу знать,
является ли кое-что из этого правдой.

--- Оставь меня, --- ответил Аларик. ---
Я и без того чувствую себя замаранным.

Келедрос склонил голову набок и
установился на Аларика огромными
глазами.

Аларик сидел в одиночке. По-
видимому, Веналитор разозлился из-за
попытки Арзутракса убить Серого
Рыцаря при помощи навигатора, и часть
этой злобы излил на Аларика же. Его
приковали к стене на нижней палубе, и он
был рад этому. Пока тень Келедроса не
упала на него, он был один.

--- Я пытался понять вас, --- продолжал
Келедрос, --- твой род, я имею в виду, твою
породу. Это все равно что наблюдать за

животным с его загадочными инстинктами.

Аларикү никогда прежде не удавалось толком рассмотреть эльгара. Их часто изображали на витражах или на страницах иллюстрированных томитвенников в качестве жалких ксеносов, корчившихся под ногами людей-победителей. Но правда говоря, человеческие художники плоховато себе их представляли. Узгали эльгары вполне походили на людей: две руки, две ноги, два глаза, нос, рот, но все остальное было иным. Они производили впечатление некоей неправильности, от больших влажных глаз до шевелящихся будто черви гибких пальцев с множеством суставов. Они раздражали, нервировали, и Аларик ненавидел их. Келегрос был таким же грязным и покрытым шрамами, как и остальные рабы, и все же сохранил типичную для чужака заносчивость. Его доспех все еще включал в себя отдельные пластины зеленого нефрита от эльгарских доспехов, в которых его, должно быть, взяли в плен.

--- Это животное не станет повиноваться ксеносу, --- парировал Аларик.

--- Разумеется. Ты хочешь быть свободным. Все хотят, когда попадают сюда.

--- Мне не о чем с тобой говорить.

--- Ты хочешь выбраться отсюда. Я тоже хочу выбраться. Ты кажешься мне таким же отворачивательным, как и я тебе, человек, но нельзя отрицать, что цель у нас одна и та же. Я думаю, что ни у одного из нас нет особых шансов в одиночку, но мы оба намного превосходим остальной сброд Веналитора, и наше мастерство могло бы дополнить друг друга.

Аларик рассмеялся, и это причинило ему боль, поскольку он был изрядно помят после боя с навигатором.

--- Да, я видел, что бывает, когда человек заключает сделку с чужаком. Я был на Торганел Квинтуса. Инквизиция заключила там союз между Империями и эльдарати. Я видел, как вы, ксеносы, напали на наши войска, едва горы Падающего Кинжала оказались в безопасности. Видел, как вы резали нас,

будто скот, поскольку не хотели, чтобы кто-нибудь узнал о том, что вам понадобилась наша помощь, чтобы уничтожить то, что мы обнаружили там. Я никогда не буду доверять вашему роду. Вы готовы истреблять сотнями, лишь бы спасти одного из ваших. Вы бы перебили нас всех ради своего комфорта.

Келегрос выхватил из-за спины оружие — тонкий цепной меч, зубцы которого были тщательно начищены и блестели в сумраке одиночной камеры.

— Эльдары, с которыми вы сражались рядом... Они были из храма Скорпиона?

Аларик устехнулся:

— Они все на одно лицо.

— Ты бы запомнил. Нет эльдар сильнее и непоколебимее, чем те, что идут по пути Скорпиона. Скорпион безжалостен. Он не может потерпеть неудачу, потому что лишь после смерти его клешни разожмутся, и едва враг окажется перед ним, жалит всегда на смерть. Я шел по тропе Скорпиона до того, как судьба забросила меня сюда, человек. Говорят, что ты охотник за

демонами, это нечто выдающееся по меркам твоего рода. Эльдары думают про меня то же самое. Аспект Скорпиона дается нам непросто. Я не какой-то там ксенос, Серый Рыцарь, даже для тебя. Я Жалящий Скорпион, и из всех живых существ на этой планете у меня, безусловно, больше всего шансов совершить побег. Без меня ты умрешь здесь, возможно, сломленный и ставший добровольным работ. Вместе мы смогли бы вернуться в свои миры. Подумай об этом. У тебя нет другого выхода.

--- Я не очень приветлив к тем, кто будет предавать меня, --- ответил Аларик. Хоть и знал, что издевка не дойдет до ксеноса, но не в силах был сдержаться при виде такой самонадеянности. --- У ты мне не подходишь.

--- Ты изменишь свое мнение, Серый Рыцарь, --- заявил Келедрос. Похоже, он не понимал человеческой ненависти, даже если видел ее. Если же и понимал, то не реагировал на нее. --- Я там, а ты тут. Если тебе так хочется остаться, тогда ничто из того, что я могу сказать, не

поколеблет тебя.

Келедрос на прощание еще раз взглянул на Аларика своими огромными черными глазами и нырнул обратно в тень. Он исчез, и ни единый звук шагов не выдал, что он был на палубе. Аларик удивлялся, как Келедрос вообще проник сюда. Ксенос свободно перемещался по «Гекатомбе» и, несомненно, обладал той силой, о которой говорил, раз продержался на Дракаази так долго. А ведь кругом к тому же рабы-люди, питающие глубоко укоренившуюся ненависть к ксеносам. Аларик, однако, знал, на что способны эльдары. Клятва, данная эльдаром, стоила даже меньше чем ничего. Это было обещание предательства.

У Аларика было достаточно времени для раздумий в темном чреве «Гекатомбы». Большею частью он думал о Молоте Демонов.

Гхаал!

Эта бурлящая дыра с паразитами! Эта до краев наполненная выгребная яма отчаяния! В подобной деградации сокрыта чистота. В подобном уродстве есть чудо. В подобной смерти и страдании есть жизнь, столь священная на Дракаази, ибо это жизнь, которая должна быть окончена!

Бескрайние трупщобы Гхаала плодят нищету, так же как плодят они паразитов. Их обитатели не более чем паразиты, копошащаяся смертоносная масса, дерущаяся за возможность подняться на поверхность, чтобы урвать несколько мгновений торжества! Был ли когда-либо город, подобный Гхаалу, где все внешние атрибуты богатства и культуры отброшены прочь, чтобы обнажить зияющее, кровоточащее нутро нищеты и

эксплуатации? Такова правда человеческого бытия, что человеческий разум настолько легко опускается до звериной жестокости и убийств. Это город смерти, где убийство — единственный выход и где даже самые безжалостные, пробивая себе путь наружу, находят лишь все новые и новые слои антиобщества Гхаала.

Этот котел ненависти, это яма уродства, это вечное стремление к убийству, въевшееся в рассыпающуюся скорлупу города! Убо кровью, что струится по его улицам, пишутся имена Кхорна!

«Мысленные
путешествия святого
еретика»,

написанные
инквизитором
Хельмандаром

Первым впечатлением Аларика от Гхаала стала вонь. Она клубилась над гребными палубами, будто обратительный туман. Это были запахи гнили и страданий, помя и нечистот, страд вечной нищеты.

— Мы в Теснинах, — сказал Хаггард, прикованный к скамье сразу за Алариком. Хотя разговоры рабов на гребных палубах и не приветствовались, надсмотрщики, похоже, привыкли не обращать внимания на Хаггарда. — Это Гхаал. Мерзкое отверстие.

— Буквально? — поинтересовался Аларик, в памяти которого были еще живы картины живого города Карникаля.

— Не совсем. Еще хуже.

Аларик взгляделся сквозь отверстие для весла в корпус. Была ночь, и в зловещем свете зеленоватой луны Дракаази он смог разглядеть множество

ветхих построек, громоздившихся по берегу канала, текущего кровью. Канал был частью целой кровавой паутины протоков, прорезавших эту часть города, предположительно узких, почему место и получило свое название, и «Гекатомба» двигалась медленно, задевая бортами за берега канала. Время от времени ночной ветерок доносил слабый вскрик, сопровождавшийся приглушенным всплеском от падения тела в кровь.

--- Город убийц, --- сказал Хаггард. --- Все психи и негодяи Дракаази оказываются в конце концов здесь. Говорят, он манит всю эту шваль, как таяк.

--- Какой цели он служит?

--- Цели? Здесь нет цели, юстикар. Это просто город.

--- У всего на Дракаази есть своя причина для существования. Карникаль --- это хищник. Аэлазадни был алтарем Бога Крови. Что Гхаал дает Дракаази?

Аларик вновь бросил взгляд на город. Там и тут обитатели Гхаала, словно дикари, одетые в лохмотья и бесцельно слоняющиеся по улицам, крались среди

теньей, прячась от лунного света. Вот
драка на крыше, тиз -- и тощее тело
полетело вниз, на далекую мостовую.
Посреди улицы, точно кучи тряпья,
валялись свежие трупы, из-за черных окон
лачуг исходило ощущение страха,
говорившее, что множество людей жмется
там друг к другу в еженощном ужасе.
Даже по этим немногим мимолетным
картинам Гхаала было ясно, что убийцы
здесь на каждом шагу, а само убийство --
излюбленный вид спорта.

-- Это ферма, -- сказал Аларик
угрюмо. -- Здесь разводят паразитов.

-- Отдать швартовы! -- судя по
странному акценту, вопил один из
сцэфулигов.

Весла втащили внутрь, и тяжелые
якорные цепи загрохотали о борта
«Гекатомбы». Корабль медленно
швартовался у большого причала из
черного камня, по которому сновали взад-
вперед толпы местного сброды, повинувшись
отрывистым командам бригадиров-
мутантов.

-- Вооружаться! -- прокричал

сцефилиг, перекрывая скрип корнуса, трещащего о причал.

Корабль застонал, сходни опустились, и якорные цепи начали быстро раскручиваться.

Аларик знал, что будет дальше. Он уже сбился со счета, сколько раз его и других рабов поочередно загоняли в оружейные отсеки, чтобы они натянули на себя остатки доспехов, на которых еще видны были пятна крови прежних владельцев, и взяли что-нибудь из оружия. На этот раз, однако, все было иначе. В одном из оружейных отсеков стоял сцефилиг, стороживший необычно большой набор полупластинчатых доспехов.

— Ты, — сказал сцефилиг, когда Аларик приблизился. — Сюда.

Доспех был не в пример лучше всего того, что давали рабам до сих пор. Нагрудник в виде распростертых крыльев летучей мыши, а наплечники украшали оскалившиеся морды. Места сочленений закрывала пластинчатая кольчуга. Кроме доспеха, там был еще двуручный меч, казалось вырезанный из гигантского клыка.

--- Ты теперь знаменитость, ---
заметил Турф, рывшийся среди ржавых
ножей в соседнем отсеке, --- должен
соответствовать. На тебя будут делать
ставки, и все такое. Как думаешь, у тебя
уже есть свой фан-клуб? Детишки,
которые знают твое имя? --- Турф
улыбнулся, показав почерневшие зубы. --- А?
Если вдруг увидишь кого из них, скажи,
чтобы слушались маток и держались
подальше от дүри.

Аларик мельком взглянул на него и
вновь обратился к госпехам. Они,
разумеется, будут куда лучшей защитой,
чем те разномастные ошметки, которые
он обычно носил, подобрав так, чтобы
хватило на его гигантский рост. Меч
тоже выглядел вполне пригодным.

Аларик надел госпех. Остальные рабы
топились или настраивались на бой. На
другом конце отсеков находились орки,
возглавляемые Одноухим, которых
держали отдельно от прочих рабов. Они
жадно расхватывали ножи и мечи.
Одноухий лупил их по головам и равкал
команды, чтобы поддерживать подобие

порядка.

Сколько же времени пройдет, подумалось Аларикү, прежде чем он станет таким, как они, прежде чем начнет жить ради того, чтобы драться.

Меч был хорошо сбалансирован. Никакого сравнения с ору́жием Немеэиды, но неплохо. Порты распахнулись, и рабов позвали нару́жу — убивать и утирать во имя Кхорна.

Арена Тхаала, Глаз Пустоты, представляла собой низкий широкий цилиндр из черного камня, испещренного пещерати, в которых обитали тысячи тхаалских недочеловеков. У подножия стены валялись груды черепов, будто сугробы, и открытые ямы с трупами жутко бұлькали в темноте.

Аларик слышал гүл толпы на арене — полчища сброды, жаждущего получить кайф от кровопролития. Он слышал, как дубинки и плетки врезались в плоть, и знал, что это, должно быть, шеренги охраняющих арену воинов загоняют толпу через проходы на арену. Немало подонков

погибнет, но именно для этого, в первую очередь, они и обитают на Дракаази --- прожить короткие жизни, боль и кровавое окончание которых доставит удовольствие Богу Крови.

Рабы прошли под аркой в темноту, жаркую и душную. Сцефилиды с грохотом захлопнули двери, и они оказались взаперти. Аларик мог видеть в темноте и отметил знакомую стесность стаяния и опаски на лицах рабов Веналитора. Даже оркам это было не по нраву, а рабы-люди старались сохранять как можно большую дистанцию между собой и ксеносами. Зато Келедрос выглядел сосредоточенным. Похоже, эльдара ничто не смущало.

Аларик огляделся и заметил небольшую кучку верующих, которые собрались вокруг Эрхара и молились. Аларик протолкался к ним и потянул Эрхара в сторону.

--- Лейтенант, --- сказал Аларик, --- что бы ни ждало нас на арене, есть вероятность, что вы не уцелеете.

--- Большая вероятность, --- подтвердил Эрхар, --- если Императору

будет угодно.

--- Тогда у меня, возможно, не будет
другого шанса спросить у вас... --- Аларик
понижил голос до шепота, и Эрхару
приходилось напрягаться, чтобы
расслышать его за нервным дыханием и
бормотанием молитв. --- Что вам
известно про Молот Демонов?

Эрхар окаменел, словно вопрос потряс
его, и глаза его быстро скользнули по
сторонам, словно проверяя, нет ли рядом
кого-нибудь из верующих, даже впопыхах.

--- Молот? Откуда вы узнали про
него?

--- Слухи, --- ответил Аларик. ---
Местная легенда, оружие, находящееся где-
то на Дракаази.

--- Вы ищете его?

--- Возможно.

--- Вы не сможете найти его,
юстикар.

--- Почему?

--- Потому что это символ, идея, а не
вещь.

Из-за украшенных черепати
внутренних дверей помещения донесся

низкий, глухой, раскатистый звук, словно при землетрясении. Глаз Пустоты содрогнулся, упали черепа, прибитые гвоздями к черным стенам. Огни рабы дрожали от страха, другие ухмылялись и возбужденно улюлюкали. Орки тихо и нараспев затянули песню смерти, нечто древнее и дикое, и Аларик не удивился бы, если бы кто-то из убийц вроде Гирфа присоединился к ней.

— Скажите мне, Эрхар, — прошептал Аларик в ухо лейтенанту.

— Однажды всех нас заберут в Землю Обетованную, — начал Эрхар. — Нам неизвестно, ни где она, ни как мы туда попадем, — мы знаем лишь, что однажды окажется там, но мне известно и нечто большее. Лишь я и немногие из верующих поняли это. Некоторые из более... слабых духом отвернулись бы от нас, если бы узнали. Когда-нибудь их разумы будут готовы, но не теперь.

— Молот?

— Молот показывает нам, что нас направили на Дракаази не только для того, чтобы бежать. Это оружие, которое

должно быть обращено против врага.
Молот Демонов будет дан верующим,
чтобы покарать слуг Хаоса. Вы
понимаете, юстикар? Понимаете, почему
это так опасно, почему столь многие
падут духом, услышав об этом?

Аларик не сразу смог ответить. На
лице Эрхара был неподдельный страх.
Молот олицетворял нечто неожиданное и
могущественное в пестрой мешанине
религии верующих.

--- Значит, вы все-таки хотите
спастись с этой планеты, --- сказал
Аларик, --- но знаете, что это не так-то
просто.

Двери приоткрылись, и в помещение
проникла тонкая полоска тусклого
багрового света. В щель хлынула кровь,
разливаясь по полу неглубокой луже. Огн
из орков взвыл по-волчьи, и остальные
присоединились к нему. Некоторые люди
тоже завопили, вторя бешеным
аплодисментам отребья, набившегося в
Глаз Пустоты.

--- Правильно, юстикар, --- подтвердил
Эрхар. --- Однажды Молот Демонов будет

ни послан нам, и мы поднимем его против врага. Лишь тогда мы поочередно перенесемся в Землю Обетованную. Понимаете, что это означает, юстикар?

--- Означает, что Император не собирается спасать вас загаром.

--- Это означает, что просто выжить недостаточно.

Двери с грохотом распахнулись. Поток крови, глубиной доходящий до бедер, затопил помещение, сбивая некоторых людей с ног. Аларик видел, как Турф погрузил руку в кровь и провел окровавленной пятерней по лицу. Келедрос обнажил свой ценный меч.

Эрхар повернулся к верующим:

--- Мужайтесь! Эти двери еще на шаг приблизят нас к залам Императора!

--- Приблизят еще на один шаг к смерти, парни! --- прокричал Турф в ответ, и остальные гусегубы хрипло расхохотались. --- Человеческая кровь стоит недешево! Возьмем с них полную цену!

За дверьми было целое море крови. Должно быть, пришлось отвести каналы.

чтобы заполнить ею весь Глаз Пустоты, и она пенилась между бортов дюжины кораблей из черной древесины с парусами, размаляванными кровавыми рунами. На кровавых волнах уже покачивались трупы и отсеченные конечности. Укрепленные ограждения отделяли чернь на трибунах от сановников, и Аларик был уверен, что разглядел раздутую белесую тучу Арзутракса, скорчившегося в своем чане с кровью.

Ближний корабль подплыл к ним. Рабы арены на борту сбросили на пол канаты, и орки радостно ухватились за них, подтягивая корабль ближе. Орки и убийцы попрыгали на палубу.

На другой стороне арены повторялась та же сцена, но на этот раз заскакивали на палубу и карабкались по снастям демоны — существа со сверкающей шкурой, постоянно меняющие облик и состоящие из зубов, ногтей, глаз и мерцающих мускулов.

Это был морской бой. Лорды Драказидали недочеловеческому отребью Гхаала возможность потешить себя другой разнообразностью убийств.

Первый корабль был заполнен, и следующий поплыл ближе. Аларик взобрался на него вслед за Келедросом, вместе с несколькими из убийц Турфа и верующими Эрхара. Кровь под давлением забурлила, унося корабль прочь от доковой катеры, к центру арены, где он должен был встретиться с боевыми кораблями демонов. Толпы были от нетерпения.

«По крайней мере, — трачно подумал Аларик, скорчившись на палубе, — добрые жители Гхаала не будут разочарованы».

«Нечестивец» отчаянно раскачивался под воющим ветром, внезапно налетевшим на Глаз Пустоты. Корабль накренился, и Аларик уцепился за поручень на носу. Парарабов полетела со снастей в кровь.

Сражение началось, едва все рабы оказались на борту. Ветер разметал корабли по кровавому морю. Кровь вскипела от хищников, которые утащили упавших за борт рабов вниз, и Аларик видел, как их обглоданные тела выбросило на трибуны, где зрители Гхаала разорвали их на части. Это произошло так быстро, что не было времени как-то организовать рабов на корабле. Они успели лишь схватиться за канаты в надежде, что кровь не заберет их жизни. Вражеские корабли, ведомые демонами, направлялись к ним от противоположного края арены

под бурные восторги толпы.

--- Мы столкнется с ним левым бортом! --- прокричал Гирф, вооруженный парой заржавленных кинжалов, цепляясь за перила, чтобы не покатиться по палубе.

--- Левый --- это какой? --- спросил один из его убийц.

--- Вот этот! --- рявкнул Гирф, указывая. --- Тебя что, твой папаша совсем ничему не учил?

«Нечестивец» влекло навстречу вражескому кораблю. Название, выведенное у него на носу, возвещало, что это «Мясницкий крюк». Краснокожие демоны скакали по кренящейся палубе.

--- Абордажные крюки к бою! --- крикнул Гирф.

--- Мы собираемся идти на абордаж? --- спросил Эрхар, державшийся за порученья рядом с Гирфом.

--- Мы пойдем к ним, --- ответил Гирф. --- Если хочешь умереть, то сиди здесь и жди, когда они заявятся к нам.

--- Он прав, --- крикнул Аларик. --- Если мы позволим им напасть на нас, то мы покойники. Эрхар, скажи верующим, чтобы

погтягивали «Мясницкий крюк». Гирф, вели своим людам стать вдоль борта наготове.

--- Попробуй остано́ви их, --- сказал Гирф. Он явно был в своей стихии, судя по широкой улыбке на измазанном кровью лице.

Рабы отыскиали под палубой несколько канатов с абордажными крючьями. Верующие Эрхара, бормоча безнадежные мольбы к Императору, приготóвились забросить их на «Крюк», едва тот подойдет ближе.

В других местах морское сражение перешло в рукопашную и было исключительно кровавым. Орки на своем корабле, именующемся «Кровь души», веселились на славу, протаранив «Обломки кораблекрúшения» с экипажем из демонов. Невозможно было сказать, кто побеждает, поскольку и зеленокожие, и демоны резали друг друга на части, радостно вопя. Демон вел в бой огромное существо, мускулистый оживший кошмар с собачьей головой, вооруженный гигантским топором, стоял на корме, рубя всех, кто

приближался к нему. Аларик заметил, что клеймо в виде шестипалой лапони, выжженное на груди у демона.

Третий корабль рабов, «Злоба», тонул, и рабы карабкались по накренившемуся корпусу. Демоны с протаранившего его корабля, «Кровавоего святого», ныряли в кровавое море и кружили вокруг тонущей «Злобы», как акулы, утаскивая на дно тех, кто падал в кровь.

Именно поединок «Нечестивца» и «Мясницкого крюка» должен был решить, рабы или демоны одержат победу над потеху гхаалской толпе.

Абордажные крючья нашли свою цель. В ответ с «Крюка» со свистом посыпался град стрел. Аларик укрылся за бортом, когда стрела воткнулась в палубу перед ним, и он увидел, что это вовсе не стрела, а какое-то насекомоподобное существо с тупловищем в виде гротика, взрывающееся жвалами в дерево. Человек из верующих Эрхара вскрикнул и отшатнулся, когда одно из существ вонзилось ему в грудь. Он выпустил канат, соединявший

«Нечестивца» и «Мясницкий крюк», и Аларик подхватил конец и налег всем весом, подтаскивая корабли вплотную друг к другу. Усиленные мышцы его уже горели, когда носы кораблей сошлись и под треск ломающегося дерева они столкнулись.

Гирф вскочил, взмахнул кинжалами и взвыл. Убийцы вслеп за ним ринулись на нос и перескочили на вражеский корабль. К «Нечестивцу» понеслись новые стрелы, но атака уже началась. Демоны бросали свои костяные луки и кидались в драку, вооруженные собственными зубами и когтями. Гирф отрубил похожую на щупальце руку, вспорол брюхо и побежал дальше, оскользаясь на сплошном ковре перламутрово поблескивающих внутренностей. Демоны на «Мясницком крюке» были сильные и свирепые с виду, крошечные глазки злобно блестели на зубастых лицах, похожих на топоры. Они отращивали новые конечности, изменяли свой облик и паукати бегали по снастям или вдоль борта «Нечестивца».

Аларик перепрыгнул щель между кораблями. Со снастей на него сизанул

демон. Аларик даже не стал доставать меч, он просто схватил существо за руку и за ногу, разорвал его пополам и выбросил в кровь, бурлящую внизу.

Возле него, скользя, затормозил Гирф. Один из его ножей исчез, очевидно застряв в черепе демона. Он был покрыт дымящейся кровью, поскольку из этих демонов потоки крови сыпались еще горячие угли.

--- Черт, наконец-то! --- гоготнул Гирф. --- Прямо как дома!

Аларик обнажил меч и огляделся. Люди Гирфа захватили половину палубы, но демоны были повсюду. Все новые твари выскакивали с нижних палуб, но это были не воины, а визжащие существа из кожи и костей, они махали руками, словно потревоженные птицы крыльями.

--- Под палубами что-то есть! --- крикнул Аларик сквозь шум. --- Вот эти удерживали его там.

--- Прекрасно! --- отозвался Гирф.

Сверху сыпались трупы демонов. Келедрос был где-то там, на снастях, и Аларик слышал визг его цепного меча.

вонзающегося в плотвврагов.

«Мясницкий крюк» был западней. «Нечестивец» угодил в нее, но Аларик все равно не мог предотвратить этого. Единственный способ выбраться из нее — это пробиться силой.

Палуба вздыбилась. Люди и демоны полетели в кровавое море. Корма «Крюка» развалилась и взлетела на воздух, рассыпая обломки пропитанной кровью дровесины. Из трюма взлетнуло покрытое чешуей тело: морской змей, гораздо глинее самого «Мясницкого крюка», выловленный в какой-то забытой Императором океанской впадине и свернувшийся внутри корабля, разъяренный и голодный.

Змей свернулся в кольца над кораблем, лотая снасти. Голова его, клыкастый ужас в окаймлении щупалец, ударила в середину палубы, и «Мясницкий крюк» развалился надвое. Задняя часть опрокинулась на корму и заполнилась кровью. Нос, пришвартованный к «Нечестивцу», пока держался на плаву.

Аларик стоял на носу разбитого «Крюка» с мечом наготове, пытаясь

проследить волнообразные движения
морского чудовища. Монстр щелкнул
зубами, жвалами выхватил из снастей
демона и забросил себе в пасть. За
демоном последовал раб, один из Гирфовых
убийц, он тщетно тыкал ножом в
огромные челюсти, исчезая в глотке.

Голову существа опоясывали кольцом
слезящиеся зеленые глаза. Один из них
установился на Аларика.

Змей в ярости стрелой метнулся к
Аларику. Серый Рыцарь нырнул вбок, и шея
существа с таху обрушилась на носовую
часть «Мясницкого крюка». Останки
корабля перекошились от удара, и
«Нечестивец» накренился от тяжести.
Щупальце обвилося вокруг ноги Аларика и
потянуло его к разинутой пасти змея.

Аларик ударил другой ногой, выбив
чудовищу зуб. Все вокруг залило
отерзительной кровью. В отчаянии Серый
Рыцарь уперся руками в челюсти, не давая
твари закрыть пасть, обдаваемый
зловонным гнилостным дыханием.
Извивающиеся реснички в глотке существа
пытались уцепиться за его ноги и

утащить вниз.

Из всех сил напрягая разведенные руки, Аларик закричал. Снизу он слышал вопли — рабы и демоны, проглоченные до него, продвигались все дальше по пищеварительному тракту, наполненному разъедающими соками. Меч по-прежнему был у Аларика в руке, но чтобы воспользоваться им, нужно было перестать упираться в челюсти змея, а тогда зубы существа с хрустом перемелют его.

Сквозь реб змея прорезался вой ценного меча. Аларика забрызгало кровью, когда кончик этого оружия высунулся из челюсти твари. Змей согнулся, и Аларик уперся ногой в огромный зуб и, оттолкнувшись, вырвался на свободу.

Аларик заскользил по палубе разбитого «Мясницкого крюка». Змей обезумел от боли. Кто-то соскочил с его головы, приземлился возле Аларика, ловко устояв на ногах на скользких от крови досках.

Это был Келегрос.

— Ксенос, — сказал Аларик, — ты спас меня.

— Твоя смерть не выгодна никому из нас.

— Нам не справиться с этой тварью, — заметил Аларик, глядя на змея, уничтожавшего то, что осталось от кормы «Крюка».

— Да, не справиться, но этот бой окончен. Ветер переменился. Если мы перерубим канаты и освободим «Нечестивца», то сможем отвести его обратно к причалу. Они довольны — хотели увидеть змея.

Аларик вслед за Келегросом взглянул на толпу. Та обезумела от восторга при виде того, как змей глотает рабов и демонов без разбору. Зрители вопили, приветствуя орков и демонов, безжалостно убивавших друг друга на «Обломках кораблекрушения», которого прибывало все ближе к останкам «Крюка». Аларик увидел в толпе неподалеку от стены, окружавшей искусственное кровавое море, Арзутракса, бултыхающегося в своем чане с кровью и плотно окруженного рабами. Увидел он среди толпы и герцога Веналитора, бледного и величественного.

наблюдающего за тем, как его рабы развлекают пастбу Кхорна.

--- Руби канаты, --- сказал Аларик. ---
Уводи «Нечестивца» в безопасное место.

--- А ты? --- спросил ксенос.

--- Просто выжить недостаточно, ---
ответил Аларик.

«Обломки» подплыли еще ближе. Аларик вигел, как демон с песьей головой сбросил с кормы орка. На носу вождь орков Одноухий громогдил целую гору поверженных демонов при помощи двуручного молота.

Келегрос не стал мешкать, чтобы посмотреть, что собирается делать Аларик. Эльгар перескочил с носа «Мясницкого крюка» на палубу «Нечестивца» и сразу же принялся рубить канаты, связывающие два корабля.

Носовая часть «Крюка» уже наполовину затонула, и его передняя мачта легла почти горизонтально. Она указывала на приближающиеся «Обломки». Аларик побежал по ней, балансируя на прогибающемся под его весом стволе.

«Обломки» подплыли еще ближе.

Демон-чемпион обрушил удар на орка, израны на груди которого хлынула яркая кровь. Толпа на трибунах обезумела от крови, и Арзутракс одобрительно взревел.

Аларик помчался еще быстрее. Он добежал до конца мачты и прыгнул.

Палуба «Обломков кораблекрушения» закружилась под ним. Он был силен, но и ему едва удалось сделать это. Он ударился грудью о поручень на носу вражеского судна и ухватился за него рукой, не выпуская из другой руки меч. Последним усилием он подтянулся и перевалился на палубу.

Одноухий оглянулся на него и презрительно ухмыльнулся. Ксенос, казалось, прекрасно проводил время. Часть орков были еще живы, они с энтузиазмом боролись с демонами на палубе или рубили их тяжелыми ножами.

Демон-чемпион устоял на Аларика. Он был в полтора раза выше Серого Рыцаря и невероятно мускулист, с его собачьей морды текла слюна. Его оружием были когти и шипастый хвост. Под ногами у него валялись куски тел зеленокожих. Из спины существа выросла

пара рваных кожистых крыльев, оно прорычало боевой клич на языке демонов и взмыло в воздух.

Толпа радостно завопила, когда демон устретился в атаку, пикируя на нос корабля. Одной своей тяжестью он мог расплющить Аларика о палубу. Аларик двигался быстрее, чем когда-либо в жизни. Он выпустил меч и ухватился за мачту, торчащую на носу «Обломков». Мощным усилием он выломал ее из гнезда и развернул так, чтобы деревянная верхушка была нацелена демону в грудь.

Демон запоздало попытался изменить направление атаки. Существо забило крыльями, чтобы отвернуть, но Аларик сделал выпад, и кончик мачты ударил демона в живот. Демон буквально нанизался на мачту, заскользил по ней вниз под собственной тяжестью, пока ноги его не коснулись палубы. Наколотый на мачту, словно насекомое, прищипленное булавкой к доске, демон завизжал.

Аларик надавил на сломанную мачту и заставил демона опуститься на колени. Толпа была в восторге, и орки тоже

приветствовали это одобрительными возгласами. Арзутракс на трибуне нахмурился. Шестипалая рука, выжженная на груди демона, показывала, что он принадлежал Арзутраксу. Без сомнения, тот послал его в Глаз Пустоты, чтобы помочь унижить рабов Веналитора. Судя по озабоченности Арзутракса, бой пошел не так, как планировалось.

Аларик снова поднял свой меч. Одним могучим ударом он снес голову демона-чемпиона с плеч. Горячая радужная кровь фонтаном ударила из обрубка шеи. Аларик выпустил мачту, и тело демона свалилось на палубу. Аларик нагнулся и поднял голову.

Одноухий одобрительным воплем приветствовал хорошо сделанную работу. Остальные демоны с «Обломков» заголосили, и уцелевшие орки ринулись на них, отрывая уродливые конечности, вспарывая животы. Морское сражение в Глазе Пустоты было закончено.

Оставалось одержать еще одну победу. Аларик вскочил на поручень и отвел руку за спину. Сил у него оставалось

в обрeз, и ему следовало быть особенно точным. Он не был уверен, что сумеет сделать это. Толпа приветствовала его воплями, решив, что это победная поза, и Аларик позволил их восторженному вою прыгать ему сил.

Он метнул голову как можно дальше. Все еще скалясь и сверкая глазами, она полетела на трибуны. С глухим чавкающим стуком она приземлилась у ног герцога Веналитора.

Все глаза на арене видели, как она падала. Все глаза повернулись, чтобы увидеть выражение откровенной ненависти на лице Аргутракса.

«Обломки кораблекрушения» дрейфовали дальше, к выходу с арены, где уже высаживались на берег рабы с «Нечестивца». Орки вокруг Аларика торжествовали победу, по его примеру швыряя на трибуны куски мертвого демона. Одноухий проревел боевой клич, и остальные зеленокожие подхватили его.

Насколько Аларик мог понять, они пели ему хвалу.

Разоритель Колхагона, Кровавый
Правитель Скрентус Минор, Погибель
Империй, Аргутракс Великолепный
скользнул из своего чана в заполненный
требухой бассейн, занимавший большую
часть его убежища под Гхаалом.

Человеческие эмоции не стучали
разум демона. Ни один смертный не в
состоянии по-настоящему понять, что
происходит в голове у демона, не сойдя при
этом с ума, поскольку правила логики не
властны над созданиями варна. Поэтому и
никакие человеческие эмоции нельзя
приписывать демону. Тем не менее
Аргутракс был явно разгневан.

--- Негодяй! --- ревел демон, пока его
раздутое тело погружалось в клубок
внутренностей. --- Молокосос! Жалкий пес!
Он заплатит. Он, и его рабы, и его... его

сородичи! Этот мерзавец еще будет страдать!

— Милорд, — подал голос Күферан, тажордом в убежище Арзутракса, — вас что-то расстроило?

Арзутракс сверкнул на него глазами. Күферан был вполне человеком до того, как умер и в виде выпотрошенного мутифицированного трупа был призван в войско Арзутракса, маршировавшее тогда по развалинам его родного мира. Тысячи лет назад Күферан был чем-то вроде короля или верховного жреца, но отказался от всего, чем был при жизни, ради постертного служения Хаосу.

— Этот выскочка, Веналитор. Этот получеловек, называющий себя герцогом. Он попытался унижить меня... меня!

— На Дракаази так принято.

— Как и мечь, — огрызнулся Арзутракс. — Кто у нас есть на улицах и на равнинах? Кто услышит слово Арзутракса?

Күферан щелкнул костлявыми пальцами, и низшие демоны, суетливые существа, похожие на ожившие кусочки

плоти с рудиментарными конечностями, разбежались от него по темным углам святилища. Святилище представляло собой сферическую полость в земле, до половины заполненную внутренностями множества жертв. Каменный выступ представлял собой жертвенник, почерневший от крови, а также был местом, где стояли смертные служители Аргутракса, такие как Күферан, обращаясь к хозяину.

Один из демонов притащил Күферану тяжелую книгу, скрепленную полосами кованой латуни. Күферан перелистал страницы, на которых были начертаны имена тысяч союзов и отдельных лиц, преданных Аргутраксу. У каждого лорда Дракаази были последователи, к которым он мог воззвать, многие из них таились в глубоком подполье в городах Кхорна, ожидая призыва к действию.

— Объявление лорда Эбондрака о крестовом походе привело к великой мобилизации, — сказал Күферан. — Мы призывали легион грешников выйти из джунглей и выступить под нашими

знаменами, лорд Арзутракс.

--- Варвары, --- бросил Арзутракс, ---
дикари, но полезные. Кто еще?

--- Тринадцатая Рүка по-прежнему вне
этого мира, но они возвращаются по
вашему приказанию. Варн доставит их к
нам в течение нескольких дней. Они
закалены в боях, милорд, и у них большое
пополнение.

Тринадцатая Рүка --- так назывался
фанатичный культ убийства, вожди
которого были обращены в веру Кхорна
лично Арзутраксом.

--- Хм. Это хорошо. Что слышно из
варна?

--- Отношения... напряженные, ---
сообщил Күферан. --- Многие погибли. Варн
недоволен столь большими потерями.
Расточительство на аренах привело нас...

--- Я Разоритель Колхагона! ---
равкнул Арзутракс. --- Сколько миллиардов
галлонов крови было вылито в варн по
твоему приказанию? Демон-лорды станут
слушать лишь равного себе, такого, как я.
Я хочу, чтобы на улицы вышли ловчие
демоны, охотники, черные, как пустота, и

встали на след Веналитора. Чтобы в небеса поднялись фурии, сопровождающие каждый шаг его прислужников. Я хочу, чтобы «Гекатомба» была окружена!

--- Бюджет сделано. За потери в Глазе Пустоты варн потребует возмещения убытков.

--- Скажи им, что это месье. Веналитор послал своего любимчика Астартес убить моего чемпиона, чтобы оскорбить меня. Он даже забрал себе его голову! Это было оскорблением для всего рода детонов, и варн получит свое, если Веналитор будет страдать. Мы подорвем его положение, а затем убьем его. Скажи это варну. Он услышит.

--- Очень хорошо, милорд.

--- И остальные: Охотники Нижней Тени, культисты-мутанты из-под Вел'Скан. Собери их всех.

--- А шпионы?

Арзутракс помедлил. Лорды Дракаази шпионили друг за другом. Это было что-то вроде игры, которую вели глубоко законспирированные агенты, входящие в круг приближенных к лордам.

Наверняка у других лордов были глаза и уши среди последователей Арзутракса. Он разоблачил и съел немало таких. Это были смертные и демоны с определенной способностью скрывать свое подлинное «я», и это были парии. Таиться в тени — это не было путем Кхорна, так что шпионы на Дракаази были чем-то вроде представителей низшего класса, проникших в высшие слои планетарного общества. У Арзутракса были и собственные изменяющие облик демоны, и старомодные люди — осведомители, связанные с ним договором на крови.

— Если они могут драться, — ответил Арзутракс. — Покарать Веналитора важнее, чем все остальное. Цзры, крестовый поход Эбондрака — все может подождать, пока он не будет низложен.

— Если вам так угодно, лорд Арзутракс, — ответил Күферан. Он поклонился своему господину всем своим древним мертвым телом, закутанным в саван, и, повернувшись, стал спускаться с каменного выступа, чтобы начать

собирать рабов демона.

Свет в святилище потускнел. Арзутракс погрузился в огромную еткость с внутренностями и глубоко задумался.

--- Я помню, --- сказал Келегрос, --- когда узнал про Грехонагение.

Отсек Келегроса был сравнительно чистым. Другие рабы с «Гекатомбы» и в мыслях не стали посягать на это место. Келегрос кровью, смешанной с песком, начертил на стенах сложные узоры из рун. Его зеленый металлический доспех лежал у стены. Эльдар выковыривал кровь, засохшую между зубьями его цепного меча. Кровь морского змея оказалась исключительно липкой, и извлечь ее из механизма стало целой проблемой.

--- Грехонагение? --- переспросил Аларик.

--- Я забыл, человек, что ты не слишком сведущ в нашей жизни. Некоторые из вас изучают нас, я знаю: биологи вашей Инквизиции. Чтобы лучше убивать нас, конечно. Но не ты.

--- Я знаю, что вы ксеносы.

--- Странно. Когда-то я тоже знал про вас только это.

Обратный путь из Глаза Пустоты был крайне напряженным. Веналимор стоял, сгорбто поглядывая на них, и штурвала «Гекатомбы», держа в руке голову демона-чемпиона Арзутракса. Множество рабов погибло, и Хаггард не успевал управляться с ранеными. Орки, вынужденные дожидаться лечения в последнюю очередь, поскольку исцелялись очень хорошо, ссорились друг с другом в своей загородке. Аларик искал Келедроса. Еще на заре его карьеры в качестве Серого Рыцаря ему стало ясно, что спасший тебе жизнь заслуживает по меньшей мере нескольких слов благодарности, а от возможности обрести союзника на Дракаази, пусть даже ксеноса, нельзя было отказываться.

--- Очень давно моя раса правила галактикой, --- продолжал Келедрос, --- точно так же как твоя пытается править ею теперь. Мы были художниками и эстетамы, в то время как вы --- воинами.

Мы брали тиры и делали их красивыми, вместо того чтобы просто поселяться на них, подобно насекомым в гнезде.

--- И все напрасно, --- сказал Аларик.

Келегрос бросил на него насмешливый взгляд:

--- Вот именно, но мы были заносчивыми, высокомерными. Моим сородичам было свойственно кое-что из того, что я вижу и в твоей расе. Они потакали своим низменным инстинктам. Варн заметил это. Из греховной гордыни твоего народа родилась... одна из величайших сил варна. Я не могу об этом говорить. Она до сих пор терзает нас и пожинаяет свою жатву и среди человечества тоже.

--- Сдается мне, что обычно ксеносы не говорят про это с любовью.

--- Разумеется, нет. Многие сочли бы меня изменником за эти слова, но я изменник уже потому, что выжил здесь, среди всей этой... грязи.

--- Тогда зачем говорить об этом мне?

--- Потому что я вижу ее и в этом

мире тоже, и в вашем Имперіуме. ---
Келегрос поднял глаза от ценного меча. ---
Трехпопадение убило лучшую часть моего
народа. Лишь те, кто понял, что это
приближается, спаслись на своих
межзвездных кораблях. Мой народ, столь
развитый по сравнению с твоим, был
почти уничтожен. Задумайся, что
очередное Трехпопадение сделает с вами. Не
думай, что ты заметишь его наступление
или что оно еще не началось. В этот
самый момент ты живешь благодаря
гибели твоих соплеменников и не осознаешь
этого.

--- Я не могу поверить в это, --- сказал
Аларик. --- Должна быть какая-то надежда.

Келегрос поднял бровь:

--- Почему?

--- Потому что без нее нам конец.

--- Вам в любом случае конец. Верись
ты на самом деле в спасение или нет ---
это неважно. Смерть есть смерть.

--- Возможно, все, что ты говоришь,
правда, и все это --- предсмертная агония
человеческой расы, но, даже если это так,
я не утрачу веры. Надежда должна быть, и

я должен сражаться за своего Императора
против Хаоса и его слуг. Вот и все.

--- Это безумие.

--- Нет, это просто значит быть
человеком.

--- Вот как? Именно поэтому вы
сумели расселиться по звездам и основать
этот Империиум, несмотря на очевидную
примитивность вашего разума?

--- Именно так, --- сказал Аларик. ---
Мы верим. Я думаю, дело в этом.

--- Чего только не бывает в
галактике, --- вздохнул Келегрос.

--- Тут я с тобой согласен.

Келегрос отложил ценной меч в
сторону и взялся за доспех. Как и оружие,
он был старым и помятым, но ухоженным.
Без доспеха тело Келегроса оказалось
тонким, но мускулистым, полная
противоположность
могучему
телосложению самого Аларика. Эльдар
был весь в шрамах, и, как и у Аларика, не
все они были следами боевых ранений. На
теле ксеноса были вырезаны руны. Это
были символы, значение которых едва
управливалось: половина лица без рта.

рука, стилизованный клинок, сплетавшиеся друг с другом в сложном рисунке.

--- Я полагаю, Серый Рыцарь, что ты пришел сюда не для того, чтобы обсуждать устройство вселенной, --- сказал Келегрос.

--- Я пришел поблагодарить тебя.

--- В этом нет необходимости. Никому из нас не выгодно потерять нашего лучшего бойца.

--- Ты рисковал.

--- Не рискуя, едва ли возможно выжить на Дракаази. Спасаясь от смерти, мы лишь бежим в ее раскрытые объятия. Мои собственные шансы на спасение возрастают, если ты рядом со мной, поэтому я пошел на риск, чтобы предотвратить твою гибель. Любой, кто реально оценивает наше положение, сделал бы то же самое. Более того, ты идешь на значительный риск, охотно беседуя с ксеносом, которого твоя раса презирает, а значит, у тебя тоже есть причина находиться здесь.

Аларик перегнулся через ограждение и глянул вниз, на главную камеру. Отсек

Келегроса находился этажом выше, и отсюда ему было прекрасно видно, что происходит среди рабов «Гекатомбы».

--- Посмотри, --- сказал он.

Келегрос стал рядом с ним.

--- На что?

--- На зеленокожих.

--- На этих животных? Я стараюсь как можно меньше осквернять взор их видом.

--- Тогда попытайся понаблюдать за ними, впервые в жизни.

Орки, те, которые вышли из Глаза Пустоты относительно целыми, дрались друг с другом в своем грязном загоне. Одноухий стоял в стороне, выкрикивая оскорбления и одобрительно ворча.

--- Они нападают лишь друг на друга, --- сказал Келегрос, --- поскольку знают, что в противном случае люди объединятся против них. Они трусы.

--- Неверно, --- ответил Аларик. --- Смотри.

Одноухий растащил двух сцепившихся бойцов. Он отвесил проигравшему затрепачину, так что тот отлетел прочь.

Победителя он хлопнул по спине, точно так же, как поздравлял Аларика, когда тот отрубил голову демону, и отвернулся, наблюдая, как дерутся остальные зеленокожие.

--- Вон тот, --- отметил Келегрос, --- он там главный.

--- Верно.

--- Но у животных так и положено. Сильнейший правит.

--- И он этим пользуется. Он тренирует их, делает их сильнее.

--- Он просто хочет выжить.

--- Мы все хотим выжить, эльгар. У Одноухого есть план, и этим он превосходит большинство людей здесь. Подумай сам, лучший способ для орков уцелеть на Дракаази --- это стать необходимыми. В этом случае они могут рассчитывать, что Веналитор не лишит их жизни за просто так. Чем лучше они дерутся, чем лучше представление, устроенное ими для толпы, тем дольше они будут жить.

--- Значит, у этого существа есть план?

--- План выжить.

Келедрос улыбнулся, и это было странно видеть, поскольку до сих пор на лице ксеноса было лишь такое выражение, которое, на человеческий взгляд, совершенно не заслуживало доверия.

--- Мне казалось, что вы, люди, и эти зеленокожие некогда столкнулись на ранних стадиях исследования галактики и сразу испытали взаимную неприязнь, не ослабевшую с годами. А ты, похоже, восхищаешься Одноухим.

--- Я ненавижу орков, как и любой гражданин Империи, но факт остается фактом: Одноухий лучше разбирается в ситуации и имеет более разумный план выхода из нее, чем большинство здешних рабов. Я думал так же, как ты, Келедрос, и полагал, что орк --- это боевая машина, не способная даже мыслить. Потом у меня было время понаблюдать, и я понял, что был не прав.

--- У какой же план у тебя? --- прямо спросил Келедрос.

--- Я еще не решил, --- ответил Аларик, --- но я не хочу дожидаться смерти

на этом проклятом корабле или служить
их богу, сражаясь до тех пор, пока кто-
нибудь не прикончит меня на арене. Я буду
выбираться отсюда.

--- У тебе нужен я.

На этот раз улыбнулся Аларик:

--- Прости за прямоту, эльдар, но я
искал тебя не ради дружбы между нашими
народами. Ты один из лучших бойцов на
«Гекатомбе», и ты можешь свободно
передвигаться по кораблю. Я тоже могу
пригодиться тебе. Будь готов, Келегрос, и
постарайся не погибнуть раньше срока.

--- Откуда ты знаешь, что я соглашусь
с твоим планом, человек, каким бы он ни
был? Что я не придумал способ, как
спастись самому?

--- Потому что ты все еще здесь, ---
ответил Аларик и направился прочь.

Герцог Веналитор стоял у руля «Гекатомбы», наблюдая, как встает на горизонте военный город Горгаф.

«Гекатомба» была неповоротливой посудиною, тяжелой и скрипучей. Веналитор представлял, какое впечатление производит корабль. Казалось, что он битком набит рабами или сокровищами, а то и кровью, как насосавшийся паразит. Поскрипывая черным рангоутом, корабль медленно плыл по кровавому извилистому каналу в сторону Горгафа. Мачты и снасти над головой были словно ребра из темного дерева, и паруса реяли на них, будто саваны. Рассвет Дракаази силился занять над горизонтом, но ночь стойко сопротивлялась.

Как и ожидал Веналитор, от снастей

отделилась первая тень и скользнула по
мачте на кортү. Она распласталась на
палубе, на темном теле поблескивали
свои глазки. Другая тень скользнула
по поручню. Веналитор часто ставил на
палубе караул из своих сцефилигов, но не
этой ночью. Это он хотел сделать один.

Первая тень тихонько заскользила по
краю палубы, направляясь к возвышению, на
котором стоял Веналитор. Она хотела
незаметно подкрасться к нему сзади. Без
сомнения, существу дали понюхать его
запах, и оно шло за ним по следу от самого
варна. Наверно, он древнее как мир,
застывшее в варне видение из ночных
кошмаров, которое выпустили наконец в
реальный мир на охотү. Странно, что
после всего этого оно должно будет
погибнуть здесь.

Появились новые тени. У них были
зубастые пасти и острые серебряные
глазки. Они думали, что Веналитор их не
видит.

В тот миг, когда первый из демонов
подкрался к Веналитору, меч был уже в
руке герцога. Он выхватил его столь

быстро, что даже глаза демонов не смогли
уловить этого движения.

— Сегодняшней ночью этой жабе не
видать моей крови, — прорычал он.

Он развернулся и разрубил демона у
себя за спиной нагвое. Тень, которой было
наполнено тело существа, брызнула, словно
черная кровь. Остальные ловчие демоны
взвыли и кинулись на него. Они таились в
снастях и теперь посыпались на палубу.
Веналитор встретил их лицом к лицу,
разрубив одного и пронзив глаз другого.

Это была демонстрация
фехтовального мастерства, столь
точного и изящного, что это был уже не
бой, но произведение искусства,
вырезавшееся по плоти ловчих демонов.
Веналитор вынуждал их атаковать, а
затем, когда они подбегали к нему, рубил
на части. Одно из существ прыгнуло с
мачты, разинув пасть, чтобы проглотить
его целиком. Веналитор позволил его
субстанции обленить себя, а затем
вспорол ее острием меча и выскользнул из-
под нее, будто из стирительной рубашки.
Он страхнул с клинка черную кровь и

добил оставшихся демонов. Это был уже даже не бой, а так, последний, завершающий штрих.

Веналитор ненадолго вернулся к штурвалу, а кровь ловчих демонов впитывалась в доски палубы. В конце концов из недр корабля неуклюже вылез его надсмотрщик за рабами.

--- Все уже случилось? --- спросил сцефулиг.

--- Ну конечно, --- ответил Веналитор. --- Аргутракс --- раб привычки. В Тхаале он почувствовал себя оскорбленным и возжелал моей смерти, поэтому послал ко мне своих охотников. Без сомнения, их след приведет прямо к владениям Аргутракса в Варне.

--- Без войны с Аргутраксом ты можешь бы и обойтись.

--- Это слова твари из реального мира, а не существа из Варна, --- решительно ответил Веналитор. --- Война есть война. Она дается нам не как бедствие, которого нужно бояться, но как возможность, за которую следует схватиться. Аргутракс решил повоевать

со мной. Всякий лорд Дракаази должен воевать с равными себе, этот закон нашей планеты так же непреложен, как и любой другой. Я в свой черед стану воевать с ним, одержу победу, и его доля на Дракаази станет моей.

--- А Эбондрак?

--- Дракон не узнает. Он слишком занят своим крестовым походом, чтобы думать про нас. Аргутракс падет прежде, чем Эбондрак вообще узнает про нашу междоусобицу. Подготовь мои совещательные покои. Я хочу изучить расположение наших сторонников. В этой битве должны участвовать все.

--- Слушаюсь.

--- Как там рабы?

--- Составляют заговоры, как могут. Набожные молятся, а убийцы планируют перебить нас всех.

--- Прекрасно, прекрасно. А что Серый Рыцарь?

--- Этот спокойный. Он разговаривал с эльдаром, но, кроме этого, не вызвал никаких подозрений.

--- Костодесантник и эльдар?

Вселенная все время преподносит что-то новенькое! Можешь идти, надсмотрщик.

Надсмотрщик склонился в глубоком поклоне над окровавленной палубой и скрылся внутри корабля.

Над Горгафом занимался рассвет. Занимался, как всегда, над войной.

Глядя, как восходит солнце, Веналитор поклялся, как делал это каждое утро, что оно увидит мир, где герцог Веналитор держит в своих руках еще немого Дракаази.

Горгаф!

Город лишь по названию, ибо никто не может утверждать, что действительно живет здесь. И на вид, и по назначению это поле боя, на котором нескончаемой вереницей проклятые вливаются топливом в военную машину!

Никто не может сказать, когда началась эта битва, и многие утверждают, что у нее

и не было начала. Это эхо
будущих сражений, или тень
прошедшей войны, или
отражения всех жутких
кровопролитий в галактике,
пришедшие из разных эпох и
заливающие кровью равнины
Дракаази.

Поле брани Горгафа вечно
меняется, оно полнится
крепостями и городами,
которые восстают из руин лишь
для того, чтобы быть
осажденными и разрушенными
вновь. Здесь против самого
ужасного оружия будущего
выходят с копьями и стрелами с
кремневыми наконечниками!
Здесь кавалерию в пышных
нарядах косят пули и сжигают
огнеметы. Здесь не может быть
тактики, приносящей победу,
потому что Горгаф презирает
победу, и его поля сражений
постоянно меняются, сбивая с
толку даже самых

талантливых. Огни лишь жажда крови и ненависть могут победить здесь, и то лишь до следующего дня, когда на усеянных трупами равнинах расцветет новая война.

Что такое Горгаф? Осознающее себя живое существо, для которого насилие --- это источник жизненной силы, а война --- это то, чем оно дышит? Лишь механизм для тренировки армий лордов Дракаази, которые, пропустив новобранцев через Горгаф, получают кровожадных ветеранов из сүтевших үцелеть там? Или некий сгүсток Хаоса, некая фүнкция вечно изменчивого варпа, воплощенная в плоть и кровь?

Но эти вопросы не стүщают улы дүшегүбов из Горгафа, поскольку они его истинные дети, преданные ему и в то же время ненавидящие

его, угодившие в жернова военной
машины --- на века
нескончаемого кровопролития
на величайшем из полей боев,
иля которому --- Горгаф!

«Мысленные
путешествия святого
еретика»,

написанные
инквизитором
Хельтандаром
Освайном

(запрещены Ордо
Еретикус)

Все физически сильные рабы
находились на верхней палубе, шестати
проталкивая «Гекатомбу» вперед, в то
время как сцефилиды трудились изо всех
сил, натягивая закрепленные на носу
канаты, чтобы поточь провести корабль
вдоль берега. Аларик, самый могучий из
рабов, тоже был наверху, ближе к корме.

Он впервые смог как следует разглядеть «Гекатомбу» снаружи. Видим Император, она была уродлива.

— Юстикар, — позвал его голос сзади.

Аларик обернулся и увидел Хойгенса, одного из верующих Эрхара, с которым говорил когда-то на молитвенном собрании.

— Я слышал твой разговор с Эрхаром.

— Перед Гхаалом? — уточнил Аларик.

— Да, хоть это и не предназначалось для моих ушей.

— Я просто хотел понять, что происходит в этом мире. Я намерен выжить здесь.

— Лейтенант считает, что моя вера не настолько крепка, чтобы рассказать мне правду, известную ему, — продолжал Хойгенс. — Он бы не сказал мне про Молот Демонов. Я же как раз тот самый слабохарактерный тип, который утратит веру, если узнает про это.

— Но твоя вера не исчезла?

Хойгенс пожал плечами:

— У меня ничего нет взамен. Я лишусь веры, и что у меня останется?

--- Немногое.

--- Даже менее того. Я стану одним из людей Гирфа. Перестану быть человеком. Послушай, юстикар. Мне известно больше, чем думает Эрхар. Я был на «Наксе» и знаю, откуда пошла эта религия. Он читает нам куски из религиозного трактата, который держит у себя. Неоднажды я не соглашался с его толкованием. Некоторые места я вижу в ином свете, нежели Эрхар.

--- Ты видел этот текст?

--- Я не читал его, но он существует. Не думаю, однако, что его написал Эрхар, и не уверен, что трактат был у него, пока нас не привезли на Дракаази.

--- Он нашел его тут?

--- Наверное... я не знаю... Но, юстикар, если Молот Демонов --- это нечто большее, чем просто символ, быть может, он здесь и мы сумеем раздобыть и использовать его.

--- Возможно, он поможет нам спастись с этой планеты?

--- Если есть хоть один шанс, что это так, ты должен найти его! Видим

Император, от грешника вроде меня толку мало, но ты же костодесантник, ты все можешь.

--- Не совсем, брат Хойгенс, --- возразил Аларик. --- Ты смог бы раздобыть эту книгу?

--- Разве только убив Эрхара, --- ответил Хойгенс, --- а этого я делать не стану. Я верю в него, юстикар. Прав он насчет Молота или нет, но он то единственное, благодаря чему остатки команды «Пакса» еще живы.

--- Молот существует, --- сказал Аларик, --- и если он может быть найден, то я его найду.

--- Если это оружие, юстикар, то ты тот, кто должен владеть им.

--- Я бы с радостью, если он поможет нам в борьбе.

Один из сцефилигов ожег Хойгенса плетью. Хойгенс зло глянул на него и пошел на свое место.

«Лишь Хаос мог породить такое место, как Горзаф, --- подумал Аларик, --- и лишь последователи Кхорна могли

составить его с такой тупой, буквальной жестокостью». Колонны культистов в особых одеяниях и диких тунантов вслед за облаченными в доспехи чемпионами маршировали по обоим берегам кровавой реки к полю бесконечной битвы. Аларик слышал шум сражения и даже мог различить очертания беспощадного титана, тяжело вышагивающего среди палящих без разбора. Повсюду были следы войны: кости, торчащие из бесплодной земли, фундаменты давно разрушенных крепостей, монументы и братские могилы. Именно здесь проходило крещение кровью войско, напавшее на Сартис-Майорис. Это была фабрика по производству войны, механизм, питающий армию, где отребье Дракаази привыкло к ратному полю и превращалось в орудия Хаоса.

Аларик видел, что их сотни тысяч. Горгаф был сплошным кощунством. Это было восхваление войны ради нее самой, бесцельной смерти, отвратительного бессмысленного убийства, что оскорбляло Аларика до глубины души.

«Гекатомба» протиснулась мимо остатков баррикады, с которой все еще свисали почерневшие скелеты тех, кто сражался на ней десятилетия назад. Огромное черное пятно сражения, расцветавшее огненными султанами, появилось на горизонте: беспощадные титаны, шагающие сквозь побоище, и реющие повсюду изорванные знамена... Посреди всего этого стояла арена Горгафа.

Столетия тому один из наиболее изобретательных и жестоких военачальников решил устроить кровопролитие такого масштаба, чтобы Дракаази навсегда запомнила его. Он поработил целое войско и заставил рыть глубокие туннели в истерзанной земле Дракаази, мимо склепов и захоронений боевой техники, пока они не добрались до места одного из наиболее ожесточенных сражений.

Потом рабы полководца натаскали в туннели огромное количество взрывчатки и заложили ее там, выжидая, когда битва наверху достигнет своего пика. Они

потолпились об уничтожении и заползли в тайники со взрывчаткой, моля об огне и ужасе. Когда пришло время, они подорвали их, чтобы священный огонь Кхорна стер их с лица планеты.

Взрыв был слышен на всю Дракаази. Башни Аэлазагни согрогнулись, лачуги Тхаала рассыпались. Сотни тысяч погибли разом. Еще неделю после этого на Горгафе сыпались пепел и камни. Из обломков и трюнов возникла мрачная туча, которая, как утверждали некоторые, так до конца и не рассеялась.

Никто не помнил имени того военачальника, но воронка осталась, и по приказу лорда Эбондрака ее расчистили и сделали в ней главную арену Горгафа.

Что впечатлило Аларика по-настоящему, так это воздух Горгафа, его запах и вкус. Они поразили его, когда рабов Веналитора провели на арену между двух огромных блоков разрушенных оборонительных укреплений. В воздухе пахло страхом, кровью и сожрытыми опорожненными кишечниками, ружейным

дымом и сталью. Нашло тлеющими трупами и пылью от разрушенных зданий. Дополнял все это запах от двигателей смертоносных титанов. Аларик побывал во множестве битв, и Горгаф, казалось, походил на все сразу, на их общую квинтэссенцию.

Оборонительные сооружения кишели зрителями. Это были в основном те, кого отозвали с линии фронта ради грядущего крестового похода лорда Эбондрака. Они швыряли камни и грязь в рабов, понуро проходивших мимо под пристальным надзором Веналитора.

--- С чем ты столкнешся? --- спросил Гирф. Он отыскал Аларика и постарался оказаться рядом с Серым Рыцарем.

--- Не знаю, --- ответил Аларик.

--- Да брось, --- устехнулся Гирф. --- У тебя всегда есть план. Думаешь, никто не понял, что это ты вытащил нас в Тхаале? Ты знаешь достаточно, десантник, и кое-кто из наших хочет быть в деле.

--- Что ты сделал? --- спросил Аларик.

--- Сделал? Ты про что?

--- Про тюремные наколки. Ты задал

не вопрос, теперь я спрашиваю тебя. Что ты сделал, чтобы угодить в тюрьму, еще до того, как тебя взял в плен Веналитор?

--- Первое правило, --- ответил Турф, --- никогда не спрашивай об этом ни у кого.

--- Значит, тебе не нужно быть частью моего плана?

--- Эй, я этого не говорил.

Перед рабами возникли огромные двойные двери, сваренные из кусков металлолома. Два танка, извергающих клубы дыма, стояли наготове, чтобы распахнуть их на глину цепи. Аларик узнал разновидность боевого танка «Леман Русс», без сомнения, они были захвачены и доставлены на Дракаази во время одного из пиратских набегов лоргов.

--- Убийство, --- бросил Турф. --- Ну что? Доволен?

--- Кого ты убил?

Турф сглотнул. Аларик ни разу не видел в нем и тени неуверенности, но этого вопроса Турф явно испугался.

--- Женщин.

--- Почему?

--- Что значит «почему»? Почему кто-

то делает что-то? -- Турф нахмурился. --

Я не обязан сообщать тебе причину.

-- Значит, ты не знаешь почему, --
сказал Аларик. -- Я позову тебя, когда
придет время.

Турф вышел из строя и заметлил шаг,
чтобы оказаться подальше от Аларика.

Незнакомый Аларикү раб подковылял
к нему под градом грязи, летящей с
трибун.

-- Астартес, -- прошипел он сквозь
заячью губу.

Аларик взгляделся в лицо раба,
укрытое под рваным капюшоном. Оно было
обезображено каким-то кожным
заболеванием, так что видны были лишь
слезящиеся глаза.

-- Ты знаешь меня?

-- Твоя известность растет.

-- Кто ты?

-- Я видел тебя в Тхаале. Я бежал
оттуда, чтобы последовать за тобой.

Аларик устехнулся. В каждом из
тиров Упнериума устраивались какие-
либо развлечения для зрителей, и
преданные поклонники сопровождали самых

прославленных бойцов или спортсменов повсюду. Арены играли ту же роль на Дракаази, только в куда больших масштабах. Мысль, что он обзавелся поклонниками, показалась столь же жалкой, как и сам раб.

--- Возвращайся домой, в Гхаал.

--- Там больше нет дома. Я принес тебе подарок. --- Раб вытащил из-под одежды топор. Он явно был рассчитан на бойца ростом с костогесантника, с рукоятью чересчур широкой и тяжелой для обычной мужской руки. Он был яркий и сверкающий, с обухом в виде полумесяца, настолько острый, что крошка казалась прозрачной.

--- Из кузницы, --- сказал раб.

Аларик взял топор. Тот был идеально сбалансирован. Аларик редко говодилось держать в руках столь искусно сделанное оружие, даже в залах мастеров оружейников Титана.

--- Кто его сделал? --- спросил Аларик.

--- Городская кузница стоит на перекрестке дорог, --- ответил раб, --- две крепости в осаде друг у друга. Это все, что

он велел мне сказать.

--- Кто? Кто велел?

Плеть обвила горло раба и дернула его назад. Раба утащило прямо в гущу горгафских солдат, и Аларик знал, что через мгновения человек погибнет под их сапогами и клинками. Рабы вокруг Аларика напирали, подгоняемые солдатскими плетками, и Аларик потерял раба из виду.

Он оглядел свой топор. Это была, пожалуй, первая красивая вещь, встреченная им на Дракаази.

Танки перед ним взревели моторами, и двери медленно отворились.

На арене выстроились две огромные армии -- ровные ряды, реющие знамена. Полосу между ними патрулировали кровопускатели, рыча на передние шеренги, чтобы удержать их на месте. Стая демонов с топотом ринулась к рабам Веналитора и принялась распределять гладиаторов по местам, разводя их по обеим армиям.

Разумеется, сражение. Единственный способ, каким могли восславить Кхорна на

Горгафе.

--- Просто великолепно, --- сказал Веналитор, занимая свое место рядом с лордом Эбондраком на самом верху трибуны.

На каждой арене были места для лордов Дракаази, отделенные от черни, и на Горгафе это была крытая секция с закованными в кандалы демонами, укрощенными, чтобы прислуживать правителям планеты. Они жались к полу и престыкались, как побитые собаки, у ног Эбондрака. Эбондрак и Веналитор не обращали на них внимания. Они были здесь, чтобы наблюдать за игрой, а не для того, чтобы перед ними лебезили.

--- Воистину это так, --- ответил лорд Эбондрак, устраивая свое огромное тело рептилии на троне, сооруженном для него на трибунах. --- Лорды превзошли сами себя. Кхорн ждет с нетерпением.

--- И не только крови, --- сказал Веналитор. --- Я полагал, что для восхваления лучше всего подходит убийство, но, разумеется, война намного

привлекательнее для Повелителя Битв.

Эбондрак повернул свою громадную голову к Веналитору и сүзил глаза.

--- Ваше подобострастие разочаровывает, герцог, --- заметил он, угрожающе выстрелив раздвоенным языком поверх зүбов. --- Я был о вас лучшего мнения. Мне казалось, что у вас есть воображение.

--- Вы меня неправильно поняли, лорд, --- возразил Веналитор. --- Не дүмайте, что я поскромничал. Все лучшее, чем я владею, --- здесь.

--- Включая Серого Рыцаря?

--- Разумеется.

--- И вы готовы рискнуть им здесь?

--- Бог Крови не ценил бы меня столько высоко, не бүдь я готов рисковать всем, чтобы слүжить ему, --- ловко парировал Веналитор. --- Мало проку в том, чтобы не выпускать моего Серого Рыцаря с «Гекатомбы».

--- Я чувствую, у вас насчет него большие планы.

--- Как и у вас, лорд Эбондрак.

Эбондрак улыбнулся, обнажив свои

впечатляющие зѹбы:

--- Он постарается сбежать. Захочет
отомстить.

--- На это стоило бы посмотреть.

Ложу Эбондрака взяли в кольцо воины
из Этеиной Стражи. Публика в данный
момент не представляла особой опасности,
поскольку все глаза с нетерпением
обращались к боевым порядкам внизу. Рабы
были разделены на две армии, которые
удерживала на расстоянии масса
кровопускателей. Над передними
шеренгами развевались огромные знамена,
исходившие силой от начертанных на них
рун. В каждой из армий были десятки
тысяч людей, от бешеных культистов из
трупщоб Гхаала до племен из диких земель
Дракаази, и даже отборные гладиаторы из
личных казарм лордов вроде Веналитора.
Многие зрители узнали знаменитое
приобретение Веналитора, пленного
Серого Рыцаря, известного многим по
именем Аларик Покинутый, которому
было суждено умереть, сражаясь за титул
чемпиона Дракаази в Бел'Скане
несколькими неделями позже. Разумеется,

в случае, если он выйдет живым из Горгафа.

Там были жестокие мутанты высотой в три человеческих роста, недолюги со щупальцами и ненавистные псайкеры, закованные в цепи, которых выгнали перед армиями, чтобы они наверняка погибли первыми. Культисты Бога Крови выстроились целыми сектами, в своих лучших одеждах, снедаемые желанием умереть на глазах у своего Бога.

По сигналу лорда Эбондрака один из Эмеевых Стражников поднял боевой рог и выдул единственный нестройный звук. Знамена скрылись, и кровопускатели исчезли в дне кратера. Армии бросились друг на друга.

Публика бурлила от восторга. Они так долго были частью дьявольского механизма Горгафа. А теперь со стороны наблюдали, как другие сражаются ради их удовольствия, словно они были самими Кхорном, и наслаждались кровопролитием. Это было самое восхитительное зрелище в их жизни.

Передние шеренги сошлись с ужасным грохотом. В воздух взлетали тела. Головы отделялись от туловищ. Вспарывались животы. Люди наседали на мутанта, тянули его к низу, чтобы изрубить на куски. Живой прилив все прибывал, и трупы громоздились друг на друга, и вскоре армии уже сражались на вершине вала из мертвецов.

Аларик Покинутый был в самой гуще боя. Со сверкающим топором и в богатом украшенном доспехе, он производил куда более яркое впечатление, чем любой другой гладиатор. Он пробивал себе дорогу, расшибывая по сторонам и своих, и чужих. Другие рабы Веналитора следовали за ним: эльгар, кромсающий врагов на куски своим ценным мечом, горстка людей-убийц, добивающих раненых врагов на земле. Казалось, Аларик потерял наконец рассудок и стал послушен воле Кровавого Бога. Это был охотник за демонами, лучший воин Императора, ставший самым жестоким из убийц Дракаази во славу Кхорна.

Аларик пробивался к ближнему краю

арены. Монстр со щупальцами попытался схватить его и утянуть вниз, но Аларик наступил на него, раздавив грудную клетку еще до того, как отсечь щупальца взмахом топора. Один из пленных колдунов качнулся к нему, испустив молнии из глаз. Первая стрела угодила в Аларика, разрядилась о его доспехи и ушла в землю. В один шаг он очутился лицом к лицу с колдуном и обрушил лезвие топора на его череп. Ничего зрители Горгафа не любили сильнее, чем смотреть, как убивают хилых псайкеров. Некоторые начали скандировать имя Аларика.

Неподалеку от Аларика сражался знаменосец из его армии. Это был воин в доспехах из личной охраны одного из лордов Дракаази. Воин был тяжело ранен, из плечевого соединения его доспеха струилась кровь, разрубленный шлем тоже был в крови. Аларик оттолкнул его и выхватил знамя. Гладиатор высоко поднял его, чтобы весь стадион смог увидеть изображение стилизованных черепов, украшающее знамя. Аларик подбежал к краю трибун, уходящих вверх по склону

кратера.

Он швырнул знамя на трибуну. Множество солдат потянулись, чтобы поймать его.

--- Чего вы ждете? --- прокричал Аларик.

Толпа в ответ принялась еще громче выкрикивать его имя, зрители устремились вниз, мимо него, прочь с трибун, на арену.

Это была война, и быть просто зрителем вдруг оказалось мало.

--- Умный парень, --- сказал Эбондрак, глядя, как толпа вокруг Аларика ломает ряды и выливается на арену.

--- Милорд, --- начал Веналитор, --- это... это кощунство... оно...

--- Вы уже сказали достаточно, герцог, --- бросил Эбондрак. --- Командир?

Один из Змеиной Стражи, огромный и злобещий, укрытый за забралом черного шлема, повернулся к нему:

--- Милорд?

--- Убейте Серого Рыцаря, --- сказал Эбондрак.

Аларик сражался против людской волны. Голова его оказалась по поверхности человеческого моря, и он боролся за каждый вздох. Его собственное имя, повторяемое снова и снова, звучало подобно приглушенному гулу океана.

План его был несложным. Кхорн, наверное, одобрил бы его. Кровожадность горгафских воjak, глубоко укоренившаяся за поколения, нуждалась лишь в правильном толчке, чтобы они ринулись на арену и присоединились к побоищу.

Все, что нужно было сделать Аларику, — бежать. Он получил послание, и чтобы понять его значение, он должен был вырваться с этой арены и скрыться в Горгафе.

Аларик продирался сквозь толпу, перелезая через тела, пока не добрался до

верха стены, ограждавшей арену. Он подтянулся и очутился на трибуне, ярусам уходящей вверх по стенам воронки, в которой размещалась арена. Сражение безумствовало под ним, все боевые порядки сметались в этом урагане жестокости.

Лорды разозлятся. Крови, конечно, будет много, и Кхорн получит свое, но всеобщая свалка — это совсем не то, чего хотели повелители Дракаази. Бунт Аларика был оскорблением для правящей системы планеты.

Внезапно перед Алариком очутился лорд Эбондрак, шествующий позади строя Змеиной Стражи.

Сердце Аларика упало. Все, что он должен был сделать, пропало. Эбондрак не входил в его планы.

— Серый Рыцарь! — проревел Эбондрак. — Отвергнутый Богом Трунов! Марионетка Кхорна! Такого отлучения ты ищешь? Встретиться со мной лицом к лицу и убить меня в моих же собственных владениях?

Змеиная Стража наступала, обнажив

черные мечи.

Аларик не удастся отомстить. Эбондрак не будет свергнут и не падет от его руки. Но он человек, а это означает драться до конца.

Аларик бросился на пол. Эбондрак выдохнул облачко черного пламени, которое опалило Серого Рыцаря с одной стороны, и он откатился подальше, пытаясь сбить огонь, пока тот не добрался до тела сквозь доспех. В ушах его стоял такой шум, будто вокруг бушевал огненный ураган. Змеиные Стражники продолжали наступать прямо сквозь огонь, их доспехи защищали от него.

Аларик не мог драться с Эбондраком, его бы тут же уничтожил черный огонь.

Он готовился умереть.

Юстикар вскочил на ноги. Змеиные Стражники были уже рядом, и он набросился на них, снеся один из черных безглазых шлемов своим топором. Другой ринулся вперед, пытаясь повалить его, но Аларик ударил его коленом в лицо и отшвырнул прочь.

— На что надеешься, ты, маленькое

существо? — пророкотал Эбондрак. За его
клубками клубился черный огонь. Он грозно
навис над шеренгой Змеиных Стражников,
охраняющих его, и скинул мантию,
распахнув крылья во всю ширь. — Чего ты
рассчитывал добиться?

Змеиная Стража сошлась вокруг
Аларика и подняла мечи, словно палачи,
ожидаящие лишь приказа, чтобы лишить
его головы.

— Убив меня, ты убьешь Дракаази.
Верно? — Эбондрак жутко усмехнулся
сквозь ярость. — Так ты рассуждал?

Внезапно Эбондрак перевел взгляд за
спину Аларика. Рев позади усилился,
словно на арену обрушилась новая волна.
Юстикар рискнул оглянуться.

Десятки тысяч воинов Горгафа
карабкались на трибуны вслед за ним. Над
их головами реяло то самое знамя,
которое бросил им Аларик. Они хотели
сражаться и, быть может, умереть, и гля
этого им требовался самый лучший на
арене противник. Все сильнейшие
гладиаторы увязли в толчее внизу, и
осталась лишь Змеиная Стража.

— Убить его! — закричал Эбондрак, в то время как стихийное войско бросилось в атаку. — Соткнуть строй!

Меч опустился.

Аларик был быстрее.

Он разрубил топором забрало шлема, нависшего над ним, и вознал локоть в горло Змеиного Стражника, стоящего позади. Его предполагаемый палач упал с разрубленной головой, и второй стражник повалился тоже, поскольку Аларик отрубил ему ногу.

Эбондрак выдохнул. Пламя поверхности головы Аларика полетело в толпу, атакующую Змеиную Стражу. Люди исчезли в полосах черного огня.

Аларик едва сознавал, как солдаты подняли его себе на плечи, хотя люди горели и гибли под мечами Змеиной Стражи. Он увидел знамя, по-прежнему реющее высоко, и понял, что и сам, подобно этому знамени, стал символом мстителя и войны для этих людей. Избращенные создания не желали ничего иного, как последовать за Алариком к собственной смерти, потому что знали, что никто на

Оракаази не сможет умереть так славно, как костодесантник.

Где-то посреди сражения Эбондрак сгрёб несколько горгафских солдат и закинул себе в глотку, чтобы унять ярость. Лорды полностью утратили контроль над ареной Горгафа. Он с отвращением отвернулся от побоища. Взбунтовавшиеся солдаты были для него слишком толкой добычей. Аларик исчез в мятежной толпе, и не осталось больше никого, достойного быть убитым лордом Эбондраком.

Аларик смотрел на разгорающееся пламя и растущие по краю арены горы трупов, пока толпа не вынесла его сквозь сумрак арки наружу, в город войны Горгаф.

Ночи Горгафа были очень холодны. Они добивали раненых гнем, так что сражаться на следующее утро могли лишь достойные и подготовленные.

Аларик не ощущал холода так, как остальные люди. Он знал, что такая ночь способна убить слабого, но для него это ничего не значило. Он даже хотел бы

чувствовать холод и бояться его, поскольку это было то, что он мог понять, мог осмыслить. Это был враг, которого можно победить: найти укрытие, развести костер. Дракаази была врагом, с которым он не мог поступить так. Здесь не было легких решений. Если бы он мог чувствовать холод, то, по крайней мере, мог бы испытывать некоторую гордость оттого, что еще жив.

Если бы Эбондрак умер, что бы это дало? Сам лорд навел его на эту мысль. Если дракона не станет, его место займет кто-нибудь другой, возможно, Веналитор, или Арзутракс, или еще какой-нибудь древний кошмар Дракаази, про который Аларик даже не слышал.

Аларик добрался до осажденных крепостей через несколько часов после того, как армия оставила арену Горгафа и перенесла сражение на улицы города. Он покинул войско, направившись к двум крепостям. Его не интересовало, что будет с мятежниками. Наверное, бунт уже утихает, мстя за сорванные горгафские игры.

Аларик осторожно шел по траншее. Она была отрыта десятилетия назад, когда две крепости явно воевали между собой, и их повелители приказали копать траншею, чтобы подобраться к противнику и захватить его крепость. Линии осады пересекались, нахлестывались друг на друга в паутине туннелей и траншей, и там еще сохранились следы боев: старые поломанные кости, торчащие из черной земли, россыпи пустых гильз, превратившихся в куски красно-бурой ржавчины.

Каждая крепость представляла собой цилиндр, оцетинившийся ржавыми орудиями и помеченный множеством вмятин от осадных машин, чьи остатки валялись здесь же. Аларик почти слышал грохот орудий и крики утирающих. На миг он задумался, сколько же погибло здесь, сражаясь на этой маленькой войне среди грандиозной битвы Горгафа. В этом городе, казалось, уже нет места для новых смертей.

Перед ним стоял храм, возведенный

на том месте, где линии осаждающих впервые сошлись. Он был выстроен из гильз огромных артиллерийских снарядов, превращенных в рифленые колонны, а из пуль от станковых орудий получились зубья для скорчившихся на крыше горгулий.

Сквозь выбитые окна Аларик смог разглядеть заброшенные кузнечные горны и наковальни, груды бракованных мечей и ржавых заготовок. Дверь в кузницу свободно раскачивалась взад-вперед, демонстрируя темноту и холод внутри. Храмовый алтарь использовали в качестве наковальни, и он был весь в глубоких зарубках. Аларик осторожно вошел внутрь. Он почувствовал запах дыма и расплавленного металла и, казалось, услышал звон молота, кующего новый меч.

Место было заброшено, причем уже давно. С того момента, как Аларик получил топор у выхода на арену, он в глубине души надеялся, что это кузнец, разговаривавший с ним на Карникале, пытается подать ему знак. Он не знал даже, союзник этот кузнец или враг или вообще плод его воображения. Однако скорее

это был потенциальный союзник, а Аларик понимал, что такой человек за пределами «Гекатомбы» ему необходим.

Неужели он в самом деле надеялся найти что-то здесь? Уж конечно, не более чем надеялся, что сумеет убить лорда Эбондрака в одиночку.

В сумраке покинутого храма что-то блеснуло. Аларик отложил в сторону несколько незаконченных клинков и увидел молот, прислоненный к алтарю наковальне. Его обух сверкал ярким серебром и был покрыт гравировкой — комета, несущаяся к планете, кулак в латной рукавице с зажатой в нем молнией, дракон с мечом в сердце. Аларик поднял оружие и ощутил его тяжесть. Оно было сделано столь же искусно, как и топор. Аларик вспомнил брата Дворна, который был бы счастлив заполучить столь великолепную вещь, и задумался, удалось ли Дворну и другим его братьям по оружию выбраться с Сарнис Майорис живыми и свободными.

На одной стороне молота, той, что должна разить врага, было изображение

череп. Один глаз был пустой, в другом горел искусно выгравированный огонь. Аларик долго смотрел на рисунок, пытаясь понять, что он означает.

Это, видимо, послание. Должна была быть цель, ради которой он нашел это место, рисковал жизнью, сбежав с арены. Одноглазый череп должен что-то означать, даже если значение это ускользало от Аларика.

Возможно, череп олицетворял собой Аларика. С Ошейником Кхорна на шее он был наполовину слеп.

--- Молота Демонов не существует, --- произнес Аларик вслух. --- Не существует священного оружия, дожидаящегося, когда его пустят в ход. Он --- это я. Я должен победить эту планету. Я Молот.

Что, если Молот Демонов --- просто очередная из хитростей Хаоса? Почитатели Хаоса запросто могли устроить такую мистификацию только для того, чтобы дать отчаявшимся людям хоть какую-то надежду, которую потом можно у них отнять.

Аларик хотел верить в свою миссию.

пусть даже это будет всего лишь способ
достойно умереть на Дракаази, но ему не
на что было опереться в этой вере.

Внезапный звук вырвал Аларика из
раздумий. Снаружи что-то двигалось.
шаги по битому щебню, перестук
потревоженных камней. Аларик взял топор
в одну руку и молот в другую, уверившись,
что, судя по их балансу, оба они откованы
одним мастером.

Он услышал еще шаги, голоса и звон
обнаженных мечей.

Аларик напрягся. Он встал спиной к
алтарю и лицом к двери, так он сможет в
несколько прыжков преодолеть это
пространство, сокрушить молотом первое
же спрятанное за забралом лицо, которое
увидит, и подрубить следующему воину
ноги снизу топором. Он был готов.

Одна из стен храма рухнула в
грохоте камней и скрежете рвущегося
металла, и по обломкам прямо в храм
въехал «Рино». Аларику пришлось
перепрыгнуть через алтарь, чтобы не
попасть под его гусеницы. Боковой люк
открылся, из него выскочили два Змеиных

Стражника, но не в массивных доспехах телохранителей Эбондрака, а в кольчугах и коже, лица закрыты кожаными масками, в руках плети, сияющие ярким серебром. Они затахнулись ити на Аларика. Он позволил одной плетке дважды обвиться вокруг рукояти топора и вырвал ее из рук воина, но другая хлестнула его по плечу, и жгучая слепящая боль пронзила Аларика. Он рухнул на колени, вслепую размахивая молотом, слышал хруст костей, но не видел, во что попал.

Змеиные Стражники ринулись в двери и окна храма. Их было множество. Другие выскакивали из «Руно», размахивая плетками. Аларик отбивался, подпуская их на расстояние удара, сбивал с ног, но их было слишком много.

Он упал на четвереньки, боль вбивалась в него, словно огненные стрелы. Он достал солдата с плетью молотом, разгребив тому колено, и затем, когда тот, корчась, упал, снес ему голову. Он рубанул другого по корпусу и с трудом поднялся на ноги, но у Змеиных Стражников, окруживших его, были щиты

с изображением белых драконов, которыми
они отшвырнули его обратно, когда он
попытался прорваться.

Он лежал на спине. Тело его
продолжало сражаться, но что-то в
дальнем уголке разума уговаривало —
нужно сдаться. Это была та часть его
самого, которую высвободил Ошейник
Кхорна, — скрытый тряс, вынырнувший
наконец на поверхность, чтобы сказать
ему, что он все равно проиграет.

Аларик поднялся снова, в последний
раз, заставляя труса утолкнуть. Он
взревел, будто зверь.

Холодная тяжесть обрушилась ему на
спину, и тут же стало горячо в груди.
Аларик глянул вниз и увидел острие
черного меча, торчащее из его грудной
кости. Он попытался оглянуться и
мельком заметил Этеинового Стражника,
нависшего над ним. Аларик попробовал
соскользнуть с клинка, но тот не
шелохнулся. Боль наконец дошла до
сознания, и мир потускнел.

Клинок сломался, и Аларик осел на
пол. Обломок меча по-прежнему торчал из

его зрѣди.

Не имело значения, сдался он или нет. Боль победила, и Аларик потерял сознание.

--- Я вижу, ты поразмыслил над тем, что я сказал. --- Голос Дүренгуна был тихим и спокоен, в нем не было тех резких ноток, которые появлялись, когда капеллан с кафедры напоминал Серым Рыцарям об их долге перед Императором.

--- Да, --- подтвердил Аларик.

Вокруг он видел сдержанное великолепие Часовни Мандүлиса. Она была выстроена из темного камня, на колоннах, поддерживавших потолок, вырезанные изображения великих магистров прошлого, павших в борьбе с демонами. Однако привычных гранитных стен с начертанными на них именами погибших Серых Рыцарей не было, часовня была открытой, и за ее колоннами ступенно виднелась бескрайняя золотая пустыня под темно-синим сутеречным небом. В небе перетигивались странные звезды --- те изменчивые созвездия, что просачивались

из Ока Ужаса.

Аларик сидел на одной из каменных скамеек. Дүрөндүн устроился на пару рядов впереди, судя по всему, как простой толющийся, поскольку на нем не было отглаженного черным силового доспеха, что было отличительным знаком капеллана. Аларик понял, что он и сам без доспехов. На нем был жутко измятый нагрудник в виде распростертых крыльев, а из груди торчало острое черного меча.

--- У? --- спросил Дүрөндүн.

--- Ты был не прав.

--- В самом деле?

--- Кое с чем невозможно бороться.

--- Интересно. Ты полагаешь, что эти великие магистры тоже так думали? Что Мандүлис мог повстречать врага и сказать: «С этим я сражаться не могу»?

Аларик взглянул на колонну с изображением Мандүлиса. Великий магистр был вооружен мечом, рукоять которого напоминала огненную стрелу. Аларик пытался подражать действиям Мандүлиса, убившего демон-принца Гаргатүлота, но теперь ему казалось, что

это было в какой-то иной жизни.

--- Я не великий магистр, --- ответил Аларик.

--- Нет, если собираешься так просто сдаться.

--- Я не сдаюсь, капеллан.

--- Тогда что, Аларик? Какое из качеств поможет тебе одержать победу, если не готовность Серого Рыцаря к бою?

--- Воображение.

Дурендин растаял. Непривычно было видеть старика смеющимся.

--- В самом деле? Как это?

--- Это осознание того, что сражаться можно разными способами.

--- Понятно. Значит, ты думаешь, что стрел и меча недостаточно, и ищешь другой путь.

--- Да, я понял это, столкнувшись с Эбондраком. Я не могу сражаться с ним так, как с любым другим противником. Только не со всей этой планетой разом. Даже если я сумею победить, каждая капля пролитой мною крови станет их достижением. Нужно найти другой путь.

--- Какой?

— Не знаю. — Аларик откинулся на спинку, чувствуя, как сила утекает из него.

— И ты думаешь, что я смогу подсказать тебе ответ?

— Я не знаю, что я думаю.

Дурендин поднялся и разгладил свои ритуальные одежды. Он прошел к алтарю и взял с его каменной плиты жаровню. Лик Императора взирал сверху на капеллана, зажигавшего одну за другой свечи и курильницы вокруг алтаря. Это был древний ритуал, символизовавший огонь, возгоревшийся в душах столь многих Серых Рыцарей со времени основания часовни, и напоминавший живым Серым Рыцарям, что души их боевых братьев собираются вместе, чтобы сражаться рядом с Императором до конца времен.

Аларик представил себе эти души, летящие будто светлячки на погребальный костер, рвущиеся в бой, и ему стало жаль их. Впервые ему пришло в голову, что, возможно, их жертва в конечном счете напрасна.

— Я не могу дать тебе ответ.

Аларик, — сказал Дурендин. — Думаю, ты пришел ко мне, скорее надеясь, чем рассчитывая получить его, и я должен разочаровать тебя. На меня возложено бремя капеллана, потому что я твоя полная противоположность. Я вижу лишь путь Серых Рыцарей, нескончаемую битву с Хаосом. Все остальное должно рассматриваться через призму этого. С точки зрения капеллана, не может быть ни сомнения, ни компромисса. Ты одинок, юстикар, как и все мы.

— Тогда не думаю, что я смогу сделать это, — ответил Аларик. — Мой долг на Дракаази ясен. Хаос должен быть наказан. Правосудие Императора должно свершиться, но я один, а лордов Дракаази так много, и они так сильны. В точности как сказал Веналитор, я могу либо погибнуть там, ничего не добившись, либо сражаться, преумножая славу их Кровавого Бога. Я не могу победить.

— Значит, такова твоя судьба, Аларик. Великий магистр, разумеется, никогда не признал бы этого, но как ты сам сказал, ты не великий магистр. А

сейчас тебе лучше уйти. Твоя кровь течет
на пол моей часовни, а это дурной знак.

Аларик опустил взгляд на свою грудь.
Рана кровоточила, кровь вытекала
толчками в такт ударам его сердца. Она
струилась по скамье и растекалась
лужицей у ног.

--- Я утираю?

Дурендин оглянулся на него, но
Аларик не смог прочесть выражение его
лица.

--- Если бы я сказал «да», что бы ты
почувствовал?

--- Облегчение, --- ответил Аларик. ---
Выбор был бы сделан за меня.

--- Но Дракаази осталась бы прежней,
поэтому я советую тебе пожить.

--- Я посмотрю, что можно будет
сделать.

--- Удачи, юстикар. Возможно, я смогу
встретиться с тобой снова, я имею в виду
настоящий я, там, на Титане. Подозреваю,
что мне будет очень интересно узнать об
этих разговорах.

--- До свидания, капеллан.

Дурендин отвернулся, черты его

начали расплываться, и вскоре он остался без лица. Лица великих магистров тоже исчезли, камень колонн сделался гладким, без единой отметины. Одна за другой звезды за пределами часовни стали гаснуть, и Часовня Мандулиса растаяла в пустыне.

Аларик сделал глубокий болезненный вздох, и траг рассеялся.

Аларик очнулся. Он лежал на спине, глядя в потолок. Он несколько раз моргнул, чтобы глаза привыкли к свету. Уже не впервые на Дракаази он спросил себя, уж не умер ли он.

Свет исходил от люстры, подвешенной к потолку, расписанному фресками на батальные сюжеты. Груды тел были изображены у ног воинов, чьи доспехи украшали знаки Кхорна. Небо было затянуто налившимися кровью тучами, и демоны-нагальщики слетались пировать на телах живых и мертвых. Вдали сражались титанические армии.

Это было творение гения. Художник мог бы стать одним из величайших мастеров своего времени в любом из миров Империи, возможно, даже добиться признания в целом секторе. Вместо этого

разум творца картин поработил Хаос и
иссушило безумие, и нечестивые шедевры ---
единственное, что от него осталось.

Аларикү захотелось узнать, кто был
этот человек. Был ли он безумен с самого
начала, талантливый и страдающий,
ищущий успокоения в нашенствании
варна? Или же был просто одним из
великого множества граждан, захваченных
в плен войсками Дракаази? Аларик
представил неизвестного художника,
бредущего в огромной толпе перепуганных
сограждан, ожидающего смерти, быть
может, молящего о спасении или
пытающегося хоть как-то утешить своих
близких. Потом пришла смерть, но не для
него. Слуги Дракаази прознали про его дар
и решили, что он будет жить дальше --- в
рабстве, и разрушали его разум, пока
живописания кровопролитий и войн не
стали единственным, что он мог еще
создавать. Должно быть, он не раз
пожалел, что не умер. Может, он все еще
живет где-нибудь на Дракаази, еще
создает свои ужасные шедевры во славу
Кхорна.

Аларик долго лежал неподвижно. Лишь милостью Императора он сам не умер и не сошел с ума. Он размышлял о том, насколько легко будет сломать его. Для этого понадобится больше времени, чем для соблазна художника, создавшего фрески наверху, но насколько больше? Если судить по меркам галактики, наверное, ненадолго.

Аларик попытался сесть, но боль внутри, словно горячая красная нитка, пронзила нутро. Он задохнулся и упал обратно. Под ним была какая-то твердая поверхность, и Аларику подумалось, уж не потоп ли это для тел в соборе Бога Крови и не умер ли он наконец.

Аларик повернул голову. Он лежал на большом деревянном столе, накрытом, словно к пиру. Бронзовые тарелки и чаши были сдвинуты на один край, чтобы можно было положить сюда его. Это был один из нескольких столов в великолепном пирашественном зале, мрачном и чересчур пыльном, как все, что Аларик видел на Дракаази. Стены были заграпированы шелковыми красно-черными полотнищами.

свог поддерживали пилястры из черного
мрамора. Пол на первый взгляд тоже
казался мраморным, но при ближайшем
рассмотрении становилось ясно, что он
выстлан надгробными плитами, столько
разнообразными по стилю, что их, по-
видимому, должны были доставить сюда
со множества разных миров. Глазам
Аларика предстали благочестивые
надписи на высоком готике, имена
обесчещенных мучеников.

Алтарь Кхорна стоял в конце зала.
Это был огромный обломок камня
неправильной формы, весь в черных пятнах
и древних зарубках: колода палача. За ним
находился символ Кхорна, начертанный на
теди и раскрашенный красным лаком. Это
было изображение черепа, настолько
стилизованное, что напоминало просто
перевернутый треугольник с крестом на
нижней вершине, тем не менее от него
исходило такое ощущение злости, что
становилось больно смотреть. В полу
перед колодой были сделаны канавки для
стока крови. Плаху все еще использовали
по назначению.

Аларик проверил повреждения в своем теле. Это принесло успокоение, поскольку было частью его подготовки. В нем еще осталось достаточно от Серого Рыцаря, чтобы вести себя, как полагает солдат. Он ощутил привычную какофонию боли от множества мелких ран. Хуже всего было с грудью. Затруднено дыхание, и одно из сердец заглохло. Он мог двигаться и дышать, если потребуются, но это было серьезное ранение даже для костодесантника, и на Титане его бы отправили в аптекарию для восстановления. На Дракаази ему придется сражаться так.

Одна из портьер колыхнулась. За ней Аларик мельком разглядел очередное пышное убранство, величественный зал и парадную лестницу, уставленную медными статуями.

В пиршественный зал вошел Хаггард. Он настолько не соответствовал этому месту, растрепанный и грязный, как все рабы, в этом своем покрытом пятнами хирургическом фартуке, что Аларик на мгновение усомнился, есть ли он тут на

самом деле.

--- Очнулись, --- сказал Хаггард.

--- Похоже на то.

--- Как вы?

--- Жив.

--- На вас было просто страшно
смотреть, --- продолжал Хаггард. --- Легкое
не работает. Одно из сердец тоже заглохло.
Позвоночник цел --- это самое главное. В
нем засели обломки металла с той пальцы
длиной. Только волею Императора ни один
из них не задел спинной мозг.

--- Спасибо, Хаггард, --- сказал
Аларик. --- Я не выжил бы без вашей
помощи.

--- Не благодарите меня, --- возразил
Хаггард, --- пожалуйста, не благодарите
меня. Я не знаю, что будет дальше.

Аларик снова попробовал сесть. На
этот раз он победил боль. Часть швов,
грубо наложенных Хаггардом, разошлась, и
по груди побежала свежая кровь. Он увидел,
что на нем все тот же доспех, в котором
он сражался в Горгафе, снят только
нагрудник. Рана на груди была огромной и
страшной. Никто, кроме костодесантника,

не выжил бы после такого.

--- Что бы ни случилось, Хаггард, я лучше встречу это живым, --- сказал Аларик.

--- Это я вытащил из вас. --- Хаггард протянул ему обломок меча Этеинового Стражника, острое и крошки ярко блеснули в свете свечей. --- Вы же на самом деле не думали, что сможете убить Эбондрака, правда?

--- Наша встреча была незапланированной, --- ответил Аларик. --- Сомневаюсь, что вообще кто-либо на этой планете может убить его. --- Он взглянул на обломок в руке Хаггарда. --- Можете спрятать это среди вашего медицинского барахла?

--- Постараюсь, хоть это будет не просто, --- заметил Хаггард, опуская обломок в один из карманов грязного фартука, где он держал свои кустарные хирургические инструменты.

--- Сохраните его до моего возвращения на «Гекатомбу». Кстати говоря, где я?

--- По-прежнему на борту, --- пояснил

Хаггард. — Это покои Веналитора.

— Здесь? Корабль не настолько велик.

Хаггард пожал плечами:

— Законы физики здесь чудят. Если Веналитор хочет растянуть пространство, чтобы иметь покои, походящие герцогу, он может это сделать. Послушайте, юстикар, ведь это Веналитор притащил меня сюда, чтобы вы остались живы. Что бы он ни затевал, вы нужны ему для этого живым и в сознании. Он собирается наказать вас.

— Но он не знает, что я пришел в себя.

Хаггард смотрел в пол:

— Знает, юстикар.

Цоканье когтей сцефилигов по полу невозможно было с чем-то спутать, как и тяжелые шаги по мраморной лестнице. Почетный караул из сцефилигов вбежал в зал и утащил Хаггарда. Хаггард не сопротивлялся.

Затем вошел герцог Веналитор. Его окружали надсмотрщики-сцефилиги с шокератами. Взмахом руки он отослал их, и они засеменили прочь. Аларик успел увидеть, как за спиной герцога Хаггарда

зонам вниз по ступеням.

--- Утак, юстикар, --- начал
Веналитор.

Он тщательно обустроил свои покои. Мрачное великолепие его залов было по составу его собственному, в этом черном красном господстве и со множеством мечей за спиной. Это место, как и сам Веналитор, было воплощением наглости.

Аларик не ответил. Веналитор явно продемонстрировал уверенность, отослав сопровождающих его надсмотрщиков. Аларик был ранен и безоружен. Если они станут сражаться, Веналитор убьет его, и герцог хотел напомнить Аларiku об этом.

Веналитор прошел мимо Серого Рыцаря и преклонил колени перед алтарем Кхорна, шепча слова короткой молитвы.

--- Бог Крови, --- сказал он, обернувшись к Аларiku, --- слушает. Если ты заслужишь его уважение, как это сделал я, он тебя услышит. Я прошу у него силу, чтобы побеждать, и мне ее даруют. Я прошу армии, и они встают под мои знамена.

Себя называют Алариком Покинутым, ты знаешь, потому что твой Император покинул тебя. Ты просил его избавить тебя от Хаоса, от Дракаази, и он не ответил тебе. Он всего лишь трун, неспособный услышать твои молитвы, Серый Рыцарь. Это высшая степень предательства. Мой господин даст тебе все, что пожелаешь, если только ты заслужишь его внимание.

Аларик слез со стола и встал. Он нетвердо держался на ногах, но делал все возможное, чтобы не показать этого.

Теперь он мог сразиться здесь и умереть. Тогда, по крайней мере, все это закончится. Во всяком случае, ему не придется больше выслушивать богохульные речи Веналитора.

— У тебя есть шанс, Аларик, — продолжал Веналитор.

— Ты предлагаешь мне присоединиться к вам? — Аларик улыбнулся. — Предположить такое можно лишь от полной безнадежности.

— Ты видел отребье из городов Дракаази, — невозмутимо продолжал

Веналитор. -- Ты общался с еще худшими ничтожествами на «Гекатомбе»: эти убийцы, эти сломленные люди, ужасные отбросы твоего Империята. Такова судьба подавляющего большинства тех, кто попадает сюда. Кхорн презирает их, и они остаются гнить заживо или утирают, чтобы утолить его жажду крови. Те, кому повезет, становятся жертвами, но ты... ты другой. Ты не выше этого сброды. Ты еще даже не понимаешь, кем мог бы стать на Дракаази. Кровавый Бог готов услышать тебя, если только ты захочешь принять его. -- Веналитор указал на алтарь. -- Это так просто, Серый Рыцарь, и у тебя нет другого выбора. Что бы ты ни сделал, как бы ни старался, ты все равно утратишь во имя Бога Крови. Единственный способ избежать этого -- склониться однажды перед истинным богом.

-- Значит, я утру, -- ответил Аларик.

-- Несколько капель крови, -- настаивал Веналитор, -- вот все, что ему от тебя нужно.

-- Ему придется выжать их из меня.

Веналитор покачал головой:

--- Ты пытаешься оскорбить меня. Ты даже попытался скрестить мечи с лордом Эбондраком. Бог Крови смотрит на такую дерзость и улыбается. Твоя искренняя вера в то, что ты сможешь победить меня, --- это показатель душевной силы, необходимой чемпиону Хаоса. То, что ты еще жив, доказывает, что ты сильный боец. Ты мог бы править этой планетой, Аларик. Тогда ты смог бы сделать с Эбондраком все, что тебе угодно. Ты даже смог бы возложить меня на этот алтарь и располосовать с головы до пят, если только это будет ради Кхорна.

--- Никогда, --- бросил Аларик, --- никогда, пока я жив. Тебе придется просто принести меня в жертву, как и весь свой прочий сброд.

Веналитор улыбнулся:

--- Полагаю, в тебе есть некоторое благородство. Холуи Императора хорошо тебя выучили, надо отдать им должное. Победа так много значит для тебя, ты стремишься к ней даже в самой тупиковой ситуации. Для тебя смерть здесь станет

победой.

— Мое служение не позволяет проигрывать, — ответил Аларик. — И оно не оканчивается со смертью. Тебе не победить этого, герцог Веналитор.

— Перед Сартис Майорис у тебя тоже был долг, не так ли?

Аларик не смог ответить.

— Знаешь, что мы сделали с этой планетой?

Аларик хотел сказать что-нибудь, чтобы заставить Веналитора замолчать, что-то сокрушительное, но сказать было нечего.

— Мы отделили мужчин от женщин, — с ухмылкой продолжал Веналитор, — и убили всех женщин на глазах у мужчин. Мы убивали их жестоко, всеми способами, какие ты можешь вообразить, и еще некоторыми, какие не можешь. Потом мы позволили мужчинам продолжить бой. Половина из них жаждала отомстить, а другая половина хотела просто умереть. Горе в их глазах было словно гимн в честь Кровавого Бога. Их безумие было восхитительно. Столь

многие из них молили Бога Крови забрать их к себе, лишитъ рассудка, что я сформировал из них новую армию и повел ее на следующий город. Твой долг был предотвратить это, юстикар. Полагаю, будешь честным признать, что ты проиграл.

--- Твои зверства не новость, --- сказал Аларик, стараясь, чтобы голос его звучал ровно. --- Мы не можем спасти каждый мир. Мы можем лишь сражаться.

--- До смерти?

--- До смерти.

--- Но ты не умер. Ты здесь. Сарнис и Майорис погибли, но ты выжил. И какой же долг ты тогда исполнил?

--- Твоими словам не поколебать меня, Веналитор. Я Серый Рыцарь.

--- Уже нет. Ты стал чем-то иным, куда меньше, в тот миг, когда я сумел взять тебя живым. Но крайней мере, твоему другу хватило порядочности умереть при первой же возможности. Ты же цепляешься за жизнь, делая вид перед своим Труном-Императором, что в твоём поражении заключается какая-то победа, и

не замечаешь свой единственный шанс на
искупление, шанс, дарованный тебе
Кхорном.

Аларик огляделся, подыскивая оружие.
Ничего подходящего не было. Значит,
придется голыми руками.

— Я искуплю, Веналитор. Здесь и
сейчас я все искуплю.

Аларик бросился на Веналитора.
Герцог спокойно стоял у алтаря и лениво
цедил слова, но все же он был наготове.

Рука его схватила Аларика за горло.
Другой рукой он отбил кулак Аларика.
Веналитор поднял Серого Рыцаря в воздух
и бросил обратно на стол. Стол сломался
под его тяжестью, позолоченные тарелки
и кубки разлетелись по сторонам. Рана на
грудь открылась, и на мгновение Аларик
ослеп от боли.

— Так ты действительно желаешь
умереть? — спросил Веналитор.

Аларик вскочил. Из раны на груди
струилась кровь. Веналитор повел рукой, и
кровь свилась в усики, обвишиеся вокруг
шеи Аларика. Он сорвал их с себя, но когда
снова поднял глаза, Веналитор уже стоял

перед ним. Герцог схватил юстикара за шею и плечо и сделал подсечку. Аларик полетел вперед, и Веналитор направил его к колоде алтаря. Голова Аларика с шумом впечаталась в камень, в ноздри ударил запах запекшейся крови.

Веналитор выхватил из-за спины меч, короткий, с кривым клинком, сверкнувший в свете свечей, словно бритва. Он вонзил его Аларику в спину.

Веналитор знал, как заставить человеческое тело испытать боль. Острие меча попало в нужное место, и нервные окончания вспыхнули огнем, содрогаясь в агонии. Аларик не мог пошевелиться, он лишь корчился на алтаре от нахлынувшей боли.

Он справился с ней. Веналитор выдернул клинок и позволил Аларику соскользнуть на пол. Потом герцог страхнул капли крови с кончика меча на алтарь, они задымились, и медная икона Кхорна засияла в знак благодарности.

--- Я не убью тебя, юстикар, --- сказал Веналитор. --- Ты слишком ценен для меня на аренах и можешь еще принести Богу

Крови кое-какую пользу. То, что ты отказываешься принять Его волю сейчас, не означает, что Он будет отвергнут и впредь. Просто сначала я должен сломить тебя. В конечном счете какая разница?

В зал вбежали нагсотрицики. Какое-то время Аларик сопротивлялся, разбрасывая их по сторонам, швыряя об пол и ломая тоненькие ножки, но постепенно их шокеры достигли цели, и его заставили опуститься на колени, хотя он еще продолжал сражаться.

Веналитор наблюдал. Сцефулигов, которых можно обратить в рабство, хватало, и вовсе не было нужды рисковать жизнью ценного гладиатора. Аларик упал на четвереньки, и к шее над железным ошейником был приставлен шокер, прижавший его лицо к могильным плитам пола.

— Я знаю, кто ты такой, Серый Рыцарь. Знаю про Гаргамүлота и Хаэроню, про Валинова и Торганел Квинтус. Мне известно, на что ты способен. Все это не поможет тебе теперь.

Сцефилиды сновали по Аларикү, будто муравьи по тропу. Они заковали ему руки и ноги в кандалы и перевернули лицом кверху, чтобы взвалить себе на плечи.

--- Бросьте его под палубы, --- сказал Веналитор.

Один из сцефилидов, старый и весь искореженный, стоял в стороне от свалки. Пока остальные тащили все еще сопротивляющегося Аларика из зала, он повернулся к Веналитору.

--- Под палубы, герцог? --- спросило существо. Оно так долго использовало человеческий язык, что его жвала воспроизводили все звуки почти правильно.

--- Ты слышал меня, старший надсмотрщик.

--- Вы имеете в виду, в...

--- Не в жилой отсек, --- рявкнул Веналитор. --- Откроешь камеру, бросишь его внутрь и снова запрешь. Это мой приказ.

--- Разумеется, мой герцог. Есть еще один вопрос.

--- Какой?

Война началась с ловчих демонов. Они нанесли первый дерзкий удар, в знак демонстрации превосходства. Вероятно, они вовсе не собирались убивать Веналитора, но хотели показать, что могут настичь его повсюду и в любой момент. «Гекатомба» не была безопасным местом — когда речь шла о зле столь древнем, как Арзутракс.

Веналитор отправил Узвечную Ярость, военный культ, практикующий членовредительство и посвященный оттачиванию воинского мастерства, проникнуть в цитадель Тринадцатой Рęki. Тринадцатая Рэка, возвратившись после неудачной попытки разложить войско Веналитора на Сартис Майорис изнутри, обосновалась в грязи огромного сплетения мертвых органов, из которых состояла очистная система под Карникалем. Фанатики из Узвечной Ярости осадили цитадель, ночь за ночью пробираясь сквозь клубки засохших органов и болота гниющей грязи, в то время как

бестолковый сброд из Рүки оборонялся при помощи отравленных стрел и дьявольских ловушек.

В конце концов Ярость добралась до самого сердца крепости и провела ритуал, вновь вдохнувший жизнь в органы, которые были мертвы все долгие годы существования Карникаля. Из Ярости уцелели немногие, в то время как вся Рүка утонула в нечистотах или растворилась в пищеварительных соках. Их останки были исторгнуты в кровавые каналы и осели донным илом в реке между Карникалем и Аэлазадни. Бесславный конец, как раз для такого жалкого культа.

Открытое сражение произошло на равнинах между Гхаалом и Горгафом, в мрачном и безжизненном месте. Союз култов, верных Арзутраксу, бился с армией сцефилигов, состоящей из кланов, надеявшихся поступить на службу к Веналитору. Герцог Веналитор был для них избавителем, пророком Хаоса, пообещавшим вывести их с положения животных.

Арзутракс победил. Сцефилигов

перевели, и многие культы разобрали себе
их головы и конечности как трофеи и
свидетельства своей преданности.
Парадным маршем они дошли до Тхаала,
где представили эти части тел
Арзутраксу. Арзутракс явился взглянуть
на их подношения и благословил ленивым
взмахом вялой лапы.

Дракаази вигела немало подобных
войн. В сущности, они были частью ее
системы богослужения, поскольку
агрессоры в конечном счете сражались за
признание Кхорна. Хотя, как правило,
войны происходили вдали от арен и
алтарей, подальше от глаз, грязные
тайные стычки и глинный список убийств.
Большинство лордов Дракаази достигли
своего положения путем устранения
соперника в таких войнах, и все они
пережили нападения завидующих их
положению конкурентов. Именно так
достигалась власть: через агрессию и
уничтожение. А под покровительством
Кхорна теждоусобицы лордов Дракаази
всегда отличались неприкрытой
жестокостью.

Теперь времена изменились. Лорд
Эбондрак потребовал от лордов Дракаазии
сообща создать огромное войско, чтобы
завоевывать миры для Кхорна, вслед за
Тринадцатым Черным крестовым
походом. Это исключало открытые
конфликты между лордами. Но раз уж
Эбондрак нашел своим лордам какую-то
работу, крови прольется куда больше, чем
в любой сваре, затеянной ими между собой.

В этом-то и был вопрос.

Было настолько темно, что даже усиленное зрение Аларика не могло разглядеть ничего. Это было неестественно. Что-то будто выпило весь свет.

Аларик вслепую двинулся сквозь тьму. Рука его нащупала пол из полированного металла. Это была первая чистая поверхность, обнаруженная Алариком на «Гекатомбе».

В ответ зазвучала музыка.

Вначале она была тихая, странный мелодичный звук, печальный, но красивый. Последней музыкой, которую слышал Аларик, были стенания Аэлазадни. Здесь было нечто иное. Оно напоминало тысячеголосый хор. На миг у Аларика возникло ощущение, что он вторгся на территорию чего-то древнего и

священного, и он испытал стыд за то, что предстал перед этим существом столь побитым и израненным.

Однако это была «Гекатомба». Это была Дракаази. Здесь не было ничего прекрасного. Аларик старался повторять это снова и снова, а вокруг него начали зажигаться огни.

Он находился в помещении из золота и серебра. Повсюду сверкали россыпи драгоценных камней. Помещение было просто огромным. Должно быть, оно занимало все пространство до самого киля и даже больше — очередная манипуляция пространством и временем внутри корабля. Асимметричные колонны, узловатые, словно перевязанные канаты, поднимались вдоль стен, поддерживая провисший потолок, похожий на падающее в зал золотое небо. Темно-синие панели на золотых стенах были украшены знаками, столь совершенными, что они светились, когда Аларик смотрел на них, сила струилась из каждого их изгиба яркими потоками. Все помещение как бы легонько колебалось, шло рябью, словно в такт

чьему-то древнему дыханию.

Аларик остановился. Он натужно кашлянул и выплюнул сгусток крови на золотой пол. Бриллианты и сапфиры подмигивали ему сквозь кровь.

Он никогда не видел ничего подобного. Все здесь было почти живым — узлы колонн, похожие на корни старых деревьев, биоморфные очертания стен и потолка, напоминающие огромное золотое горло.

Музыка звучала из дальнего конца зала. Аларик сделал пару шагов в том направлении. Пол под его ногами едва заметно пружинил, колонны склонились над ним, словно он оказался внутри огромного существа, отреагировавшего на его присутствие.

Впереди помещение расширялось, образуя сферическое пространство, главное место в котором занимала ступенчатая пирамида, увенчанная огромным осколком сверкающего белого кристалла, из которого и лилась песня. Другие кристаллы были развешаны по стенам, резонируя с первым и наполняя помещение светом. На вершине пирамиды возвышался

величественный трон, вырезанный из
камня, похожего на темно-синий трапез, и
покрытый затейливой золотой вязью. На
пирамиде стояла фигура в синем одеянии,
расшитом золотой нитью. Жаровни
вспыхнули синим огнем, и песня зазвучала
громче, возвещающая о присутствии Аларика,
сияние достигло ослепительного крещеного.

Аларик мельком заметил галерею,
расходящуюся от зала с пирамидой. Это
место было намного больше, чем вся
«Гекатомба». Почему-то это не удивляло
его.

Фигура глянула вниз. Из-под
капюшона взметнулись языки серебряного
пламени.

--- Кто ты? --- спросило существо
голосом сухим, словно шипение змеи.

--- Юстикар Серых Рыцарей Аларик.

--- Понятно. Можешь встать на
колени.

Аларик остался стоять.

--- Нет? Очень хорошо. Поначалу мало
кто из них становится на колени, но со
временем --- все.

--- Из кого --- из них?

— Уз вас, разумеется, рабов, мой
мелочи, которую скармливают мне, словно
я должен быть за это благодарен, словно
это как-то компенсирует всю жалкость
моего положения. — Фигура обвела рукой
ослепительное великолепие зала. — Ты же
видишь, с чем мне приходится работать.

Аларик устало хотел сорвать с
шеи Ошейник Кхорна, чтобы душа его
могла подсказать, с чем он столкнулся, но
он уже пытался это сделать и не смог
снять его голыми руками без того, чтобы
при этом не сломать себе шею.

— Итак, о чем же ты мечтаешь?

— Мечтаю? — Аларик помедлил. Он
мечтал о многом. Внутри него накопилось
столько гнева и страдания, что он не мог
отделить одно от другого. — Я хочу
бежать.

— Нет, это слишком примитивное
желание, потребность в свободе ничем не
лучше голода или жажды. Нет, чего ты
действительно страстно жаждешь? —
Фигура поднялась с трона и спустилась с
пирамиды на пару ступеней. — Мести?
Завоеваний? Ускүпления? Я привык

исполнять желания, Аларик, юстикар Серых Рыцарей. Говорят, привычка --- вторая натура. Когда они понимают это, то всегда просят меня о чем-то, но, разумеется, никакие желания невозможно исполнить, пока я тут, разве что ты пожелаешь, чтобы из тебя выпустили дух, чего, как я понимаю, ты не сделаешь.

--- Многие пытались, --- парировал Аларик.

--- Но тебе заметно.

--- Значит, вот чем все закончится.

--- О да.

Аларик сжал кулаки. Он был не в том состоянии, чтобы гратся, измученный после стычки с Веналитором и борьбы со сцефилидами, но Серые Рыцари никогда не сдаются на милость победителя.

--- Хочу предупредить, что меня не так-то просто убить.

--- Убить? Юстикар Аларик, я думал, что в этой помятой голове будет побольше мозгов. Ты и я похожи тем, что Веналитор использует нас, вместо того чтобы бросить наши черепа к трону своего бога. Нет, он не хочет, чтобы ты был

убит.

Фигура отбросила капюшон. Под ним оказалось человеческое лицо, лишенное кожи, с серебристыми прядками мускулов. По нему пробежал серебряный огонь. Глаза казались горящими синими точками. Крошечные рты открывались в его плоти, борточка заклинания, создающие вокруг существа ауру силы.

--- Он хочет, чтобы ты стал одержимым, --- сказал Раэзазель Лукавый.

Герцог Веналитор следил за битвой из своего жилища, кровавые события мерцали на огромной пластине хрустала, занимавшей одну из стен его совещательных покоев.

--- Покажи мне «Бегствие», --- велел Веналитор.

Картинка стенилась, теперь она показывала самый молодой из городов Дракаази. «Бегствие» представлял собой скопище кораблей и обломков кораблекрушений, соединенных друг с другом канатами в единый гигантский конгломерат, плавающий по южному

океану планеты, где обитало множество изгнанников и еретиков. Ходили слухи, будто «Гекатомбу» когда-то отрезали от «Бегствия» и что она, возможно, была самым первым кораблем, ставшим частью «Бегствия», и плавает теперь отдельно, будто вырванное сердце мертвого города. Веналитор не опровергал эти слухи.

«Бегствие» служило связующим звеном между сушей Дракаази и цивилизациями в морских глубинах. Там жили существа, произошедшие от сцефилидов, и лорды Дракаази, сокрывшие свои владения от глаз обитателей поверхности, например Түргал Щүпальца.

Морские мутанты тайком вылезли из воды, чтобы убивать и брать пленных, и утопили всех обитателей огромного храмового судна, доминировавшего на окраине «Бегствия». Храм был посвящен Аргүтраксу, там служило его демоническое духовенство, а у мутантов имелись жабры и перепонки на руках, и они откликнулись на призыв Веналитора к своим союзникам в глубинах.

Жрецов Аргүтракса, шестипалых

мүтантов, ұтащили вниз и ұбили. Великолепный корабль пробили ниже ватерлинии, и он начал тонуть, увлека за собой жилища множества изгнанников. Уконы варна сыпались в грязную воду.

Картинка сменилась. На этот раз она показывала место сбора одного из союзных с Веналитором культов, Эбеновой Рүки, — шайки воздушных пиратов, обращенных в веру Кхорна агентами Веналитора. Они собирались высоко в горах, где были пришвартованы их летающие корабли и дирижабли, и были готовы присоединиться к межпланетному крестовому походу Эбондрака.

Едва над горой поднялось солнце, часовые Эбеновой Рүки протрубили тревогу. На флагштоке в середине их посадочной площадки, где прежде реяло знамя, благословленное сатиром Веналитором, теперь болталось тело их вожака, Гарьягана Краснорүкого. У Краснорүкого больше не было лица, вместо него на голове спереди зияла огромная кровавая дыра. Рүки у него тоже были отрезаны, без сомнения, они добавились к

профеем ассасина, подосланного
Арзутраксом.

--- Значит, война продолжается,
милорд, --- сказал старший надсмотрщик.
Древний сцефилиг терпеливо ожидал в
дальнем конце зала. Это было стышленное
существо, прожившее так долго потому,
что всячески угождало лордам Дракаази и
предлагало им свою полную покорность.

--- Продолжается, --- подтвердил
Веналитор. --- Она окончится, лишь когда
один из нас будет мертв.

--- Как же мы сможем победить?

Веналитор взглянул на него:

--- Я пожертвую всем, что у меня
есть, ни больше ни меньше.

--- Лорд Эбондрак, должно быть, будет
против.

--- Но скүдоүтию и впрямь можно так
подумать, но правда в том, что Эбондрак
обожает силу, как и все мы. Когда с
Арзутраксом будет покончено, я окажусь
на ступеньку ближе к Эбондраку, а не
дальше.

--- Тогда какова будет ваша воля? ---
Старший надсмотрщик подогнул ноги и

сел. Это было равнозначно низкому поклону, который сцесфилиг исполнить не мог, поскольку был слишком горбат.

--- Пока делай все тихо, --- сказал Веналитор. --- Используй солдат, про которых можно будет сказать, что они действовали по собственной инициативе, и гибель которых не будет для нас серьезной потерей. Убивай сначала дальше окружение Аргутракса, союзников его союзников, те подпорки, на которых держится его могущество. Он полон злобы и ненависти. Он попытается нанести мне удар как можно более открыто. Демон навлечет на себя гнев Эбондрака раньше, чем это сделаю я, а когда это случится, он будет открыт для смертельного удара.

--- Да будет так, милорд.

--- Держи меня в курсе насчет Серого Рыцаря, --- добавил Веналитор. --- Когда Разазель овладеет им, он убьет Аргутракса.

--- Разумеется.

Старший надсмотрщик покинул зал, чтобы заняться своими бесчисленными обязанностями, оставив Веналитора

созерцать растекающуюся тень.

Аларика ударило спиной о стену. Он
сполз на пол, и осколки золота осыпали его.
У костюгесантника кружилась голова.
Картины из жизни демона обрушились на
него, словно оружейный огонь.

Он заставил себя дышать, привел в
порядок мысли и подавил в себе слабость,
этот человеческий инстинкт,
призывавший его бежать.

Над ним парил Разазель Лукавый. Из
одежд выпростались серебряные крылья. По
телу его пробежал огонь, и тысячи ртов в
его сияющей плоти согласно пели.

— Ты знаешь, что я могу дать тебе
все, что пожелаешь, — сказал Разазель
сонней голосов. — Ты сильнее, чем другие.
Ты думаешь, что сможешь распознать
ложь. Возможно, ты прав.

Аларик поднялся на ноги. Он
чувствовал себя маленьким и слабым.
Никогда он не был настолько во власти
другого существа.

— Ты жаждешь смерти, Серый
Рыцарь? — спросил Разазель. — Я могу

гать ее тебе.

Аларик заставил себя дышать ровно. Он Серый Рыцарь. Он уже встречался с ложью Хаоса и загонял ее обратно во тьму силой правды. Демоны тоже уже пытались сделать его одержимым, и ни одному из них не удалось проникнуть в его разум.

Однако ни один из них не нападал на него, когда он настолько беззащитен.

--- Я жажду свободы, --- сказал Аларик.

--- Ты можешь обрести ее.

--- Свободы от тебя.

Разазель склонил голову набок, глядя на человека с недоумением, словно обнаружил какую-то редкую разновидность сумасшествия.

--- Тогда, --- ответило существо, --- тебе придется кое-что принять от меня.

Из сгустка золотой энергии появилась рука, схватила Аларика и прижала его к стене. От Разазеля исходила сила, она пылала в кристаллах, превращала позолоченные стены в полотнища расплавленного света. Аларик сопротивлялся, чувствуя, как рука стыкается вокруг его разума. Под веками

мүльсировала тупая боль.

— Я облекусь в твою плоть и покину эту тюрьму, юстикар Аларик. Я исчезну из этого мира и стану одним целым с твоим богом. Это то, чего жажду я. То, что предложил мне Венамитор, послав тебя сюда, потому что даже слуги Бога Крови чтят ложь.

Аларик сопротивлялся как мог. Даже для того, чтобы просто дышать, требовались все оставшиеся у него силы, но он не впустит Раэзазеля, никогда! Он лучше умрет. Это будет его последней службой Императору. Врагу никогда не выставить во главе своего войска одержимого Серого Рыцаря, никогда... если только Раэзазель не окажется сильнее.

Пылающее лицо Раэзазеля плавало совсем низко над Алариком. Серебряная рука протянулась и коснулась его головы.

Аларика заполнила холодная боль.

Раэзазель показывал, что он может сделать с ним: наполнить мучениями на тысячелетия. Он уговаривал Аларика сдаться.

— Только не мой разум, — прошепел

Аларик сквозь зубы. — Нет худшей боли, чем горечь поражения. Нет горшеи муки, чем невыполненный долг. Я принадлежу только Императору, и никому, кроме него.

Разазель отпустил Аларика.

— Состояние твоей души не имеет значения, — сказал он. — Если понадобится, я выверну ее наизнанку!

Аларик попытался подняться. Демон обрушил на него ужасы.

Разлагающиеся трупы смотрели с пола и стен. Аларик видел тысячи трупов. Он не поставит его на колени.

Они обрели лица его грузей, его боевых братьев и всех, кому он когда-либо доверял.

Аларик потерял много грузей. Казалось, что все, кому Аларик доверялся, погибают. Он почувствовал, как кольцо силы вокруг него сжимается, отдаляя его от этих лиц, но остался тверд.

Горели миры. Галактика страдала, и звезды гасли. Загробный хохот наполнил вселенную.

Аларик сопротивлялся.

Он вызвал в памяти картины побед.

Аларик знал, что Хаос можно победить. Быть может, на это уйдет все время, отведенное галактике, но это случится. Каждому губительному видению, которые насылал на него Раэзазель, Аларик противопоставлял что-нибудь прекрасное: уничтожение флота Хаоса в битве при Гецсимании, лорда Солара Махариуса, вернувшего тысячу миров из галактической тьмы, победу над Ангроном в Первой Войне за Армагеддон. Аларик вспоминал все победы из книг по истории и вдохновляющих проповедей, какие только знал.

«Мы слабы и глупы, — повторял Аларик отчаянно. — Мы молоды и слепы. Однажды мы утрем, но мы горели ярко, и галактика, столь многое забывшая, запомнит нас».

Раэзазель разочарованно зашипел. Видения ужасов исчезли. Аларик сполз по стене, скаля зубы, словно помешанный.

— Ты не запугаешь меня и не заставишь подчиниться, демон. Я костодесантник. Мы не знаем страха.

— Значит, придется научить тебя, —

огрызнулся Раэзазель.

Ментальная сила демона подняла Аларика с пола. Рыцарь отбивался, но Раэзазель подлетел ближе на крыльях света и возложил руку ему на лоб.

Серебряные и золотые нити сплелись вокруг головы Аларика и проникли под кожу. Аларик взревел и попытался вырвать их, но они были уже внутри него.

Он чувствовал, как они пробираются внутрь черепа, в мозг. Синапсы его дали сбой, и на него нахлынули нестерпимые холод и жара, тошнота, боль, стяжение. Мир закружился вокруг, поскольку чувство равновесия тоже вышло из строя.

Он ударил Раэзазеля свободной рукой. Серебряные ребра хрустнули. Этого было недостаточно.

Тысячи ртов смеялись над ним.

Сознание Аларика плавилось, как золото.

В те времена, когда даже Аргутракс был юным, Раэзазель Лукавый исполнял желания.

В мозгу Аларика возникло видение

бесформенного существа, просто
закорючки из психического вещества в
варне. Он знал, что это упрощенный образ,
искаженный, чтобы он мог быть понят
человеческим разумом. Устройство варна
по-прежнему не вмещалось в его разум.

Молодой дедон, чуть больше
головастика, плывущий по бездумной
бесконечности варна, напитывался
страданиями и ненавистью юных рас,
населяющих вселенную. От них он
научился хитрости и злобе, их
мимолетные радости и краткие
мгновения любви он воспринимал как
ерунду, каковой они на самом деле и были.
Живые существа в галактике были не
более чем клубками лжи, сплетенной,
чтобы не дать им осознать свою
собственную отвратительную натуру.

Ложь была основой разума. Для
мертвых рас ложь была реальностью.
Сила лжи могла вознести империи из
грязи и снова низвергнуть их. Ложь могла
подвигнуть людей, зеленокожих, эльдаров и
прочих на героизм и преданность... и на
ненависть, геноцид и зло. Ложь была силой.

Обман был реальностью.

В варне существовал Бог Лжи и не могло быть больше могучей силы. Мощь придавала ему лживость самой вселенной, старой как мир, и Раэзазель был лишь малой частицей его. Это был Тзинч, и это было ничто, поскольку это чистейшее олицетворение Хаоса было столь бесконечно изменчивым, что его невозможно было зафиксировать как что-то. Само его существование было ложью, потому что Тзинч не мог существовать. Из этого парадокса вытекала такая сила, что у вселенной мог быть лишь один законный властелин, и это был Тзинч.

Образ Тзинча был ужасен, он вызывал у Аларика омерзение, но к этому отвращению примешивалась преданность Раэзазеля этому существу, и получающееся в итоге чувство было совершенно чуждо разуму Аларика, являясь извращением всего человеческого.

Понимание Раэзазеля росло. Тзинч желал власти, и в то же время он желал отсутствия власти, анархии и беспорядка, поскольку для Тзинча желать чего-либо

значало отрицать само существование
этого.

В варне обитали и другие боги.
Одним из них был Кхорн, Бог Крови, но
Раэзазель знал, что только Тзинч может
извлекать силу из такой
фундаментальной составляющей
вселенной, как ложь, и поэтому служил
ему.

Раэзазель отыскал пути в реальный
мир, где обитали молодые расы. Это был
путь через беззащитные разумы, через
обнаженные души псайкеров, столь ясно
различимые из варна, что Раэзазель мог
пройти по мостику между измерениями и
завладеть их телами. Он трудился во
славу Тзинча, подстрекая других
поклоняться Богу Лжи и создавая опору его
власти, но также разрушая структуры
власти везде, где находил их,
распространяя хаос и анархию, ибо только
Тзинч мог желать власти и хаоса
одновременно. Порой он даже сражался с
другими последователями Тзинча, чтобы
божественный парадокс не исчез.

Времена бушевали в мозгу Аларика.

словно ураган. Он старался удержать свой разум от распада под натиском воспоминаний Раэзазеля, боясь, что окончательно исчезнет и от него не останется ничего, кроме лживых вымыслов демона.

Культы Тзинча молили о помощи. Временами Тзинч действительно посылал им помощь. В других случаях он посылал им Раэзазеля. Были культы, которые призывали слуг Тзинча и открывали проходы, через которые Раэзазель мог проскользнуть, и он воплощался в реальном мире во всем своем пугающем серебряном великолении. Все, кто поклонялся Тзинчу, в конце концов страдали за это, поскольку их бог сулил им спасение и помощь, а значит, это неизбежно должно было показаться ложью. Раэзазель часто был источником этих страданий — то как ассасином, то кукловодом, организующим трагедии и крах с таким вниманием к мелочам, какого человеческий разум не в силах был постигнуть. Он изменял целые империи и манипулировал ими, чтобы погубить одного-единственного человека, и

мог при помощи самых жалких личностей
прокинуть цивилизации огнем
легчайшим прикосновением.

Разазель лгал. Раздавал обещания.
Он стал мастером по выведыванию
желаний тех, кто взывал к Тзинчу, и
исполнял их таким образом, что
возжелавшие становились окончательно
проклятыми. Перед самым концом они
всегда приходили к пониманию лжи и
осознавали, что не Тзинч, а они сами
погубили себя, — еще один парадокс.
Разазель был мастером своего дела.

Стенялись эпохи. Биологические виды
возникали и гибли, и человечество среди
них итело далеко не самый мощный
потенциал. Галактикой правили сперва
огни, потом другие, они верили в ложь,
будто истинная сила находится где-то в
реальном мире. Пришла пора, когда
человечество доросло до того, чтобы
повелевать вселенной. Это время называли
Темной Эрой Технологий, а затем люди
снова потерпели крах в войнах Эпохи
Раздора. Это было не самое впечатляющее
падение, хотя и оно позволило ярко гореть

серебряным огнем Тзинча. Но в этот раз все случилось иначе, чем всегда. Человеческий род возродился. Один из людей возвысился на Земле, которая была колыбелью человечества, и начал объединять всех, кто уцелел из этого вuida. Он едва не преуспел, этот Император, но сила его тоже была лишь пустой ложью в сравнении с силой Варна. И Варн использовал все свои возможности и попытался использовать это новое объединение человечества, чтобы захватить власть над ним, а через него и над материальной галактикой.

Тзинч тоже сыграл свою роль. Император был ложью, и Тзинч получил огромное удовольствие, разоблачая ее перед теми, кто восставал против Него. Разазель был там, на Просперио и Устван Пять. Он был даже на Земле, когда последние шарады были разгаданы, когда победивший Император обрек свои народы на десять тысяч лет кромешных невзгод. Разазель много работал над Ересью Хоруса, рассказывая демон-принцам про Тзинча и напештывая обещания силы и

свободы, как делал это всегда. Когда силы изменников отступили в Око Ужаса, Раэзазель знал, что это просто еще одна ложь. Хаос не ушел из галактики. Когда они вернутся и станут править ею, Эра Империи покажется лишь мигот в истории галактики. Но потом что-то пошло не так.

Ересь была столь чистой, беспримесной, что почти завладела Алариком. Он должен был снова и снова повторять себе, что Раэзазель — демон и все, что он показал ему, — ложь.

Аларик узнал залитый кровью мир, на который потом перебрался Раэзазель. Восьмиконечная звезда была вырезана на его поверхности, образуя каналы, заполненные кровью. Звезда соединяла его крупнейшие города: корону из хрустальных шпилей, огромного паразита и бесчисленные трущобы.

Раэзазель пришел в мир Дракаази, где сошлись многие линии судеб. В прошлом там сражались титанические демоны, заливая планету кровью, следы которой видны были до сих пор. Кхорн

победил, и впервые Раэзазель Лукавый был взят в плен.

Кхорн презирал ложь, презирал судьбу и магию и все остальное, что было частью Тзинча. Раэзазеля перекрыли путь в варп. Он жил здесь уже тысячу лет, выхватывая обрывки из непрерывной кровавой трагедии, — соблазнил слуг Кхорна, обещая им еще большие кровопролития, а потом сводя с ума. Собственные демоны Кхорна охотились за ним, но это были низшие существа, и обычно они пожирали друг друга в своей неизменной жажде крови, обращенные против своих же собратьев блестящим умом Раэзазеля. Раэзазель Лукавый был самым ненавидимым существом на Дракаази, в этом самом ненавидящем мире.

Потом появился герцог Веналитор. Честолюбивый чемпион Кровавого Бога, он был блестящим фехтовальщиком и честолюбивым военачальником. Как и многие другие лорды и чемпионы до него, он разыскал Раэзазеля Лукавого, и, как всегда, Раэзазель спросил, чего Веналитор хочет.

Веналитор ответил, что хочет иметь достойного противника. Искусство фехтования было его личной формой служения богу, и ему нужна была подходящая мишень, чтобы оттачивать свое мастерство. Раэзазель предлагал ему лучших на Дракаази бойцов, зная, что в соперничестве с ними Веналитор либо погубит себя, либо сойдет с ума от побед или поражений. Однако Веналитор убивал всех, кто оказывался перед ним. Наконец Раэзазель, понимавший, что верить должны в любую ложь, предложил в качестве противника себя, зная, что серебряные огни Тзинча ярко горят в нем и что ни один смертный не может победить его.

Веналитор нанес Раэзазелю такую глубокую рану, что демон на кратчайшее мгновение познал страх. Потом он еще раз на миг увидел варн и множество лиц своего повелителя Тзинча, смеющихся над ним. Раэзазель тоже был обманут. Разумеется, ведь это являлось частью божественного парадокса. Побежденный, Раэзазель упал без сил, но Веналитор не

убил его. Вместо этого его забрали на «Гекатомбу», заперли за дверь, запечатанной самыми могущественными охранительными знаками, и связали древней клятвой демонов, заставив признать Веналитора своим победителем и хозяином.

Теперь, столетия спустя, в его клетку был брошен юстикар Серых Рыцарей Аларик.

Все эти сведения за долю секунды были впечатаны в разум Аларика.

Он падал. Сотворенная Разазелем вселенная простиралась вокруг, черная и бесконечная. Более слабый человек немедленно лишился бы рассудка, потрясенный своей ничтожностью перед нею. Аларик говорил себе, что где-то есть Император, перед которым у него некий долг. Этого было достаточно.

В черноте под ним разворачивался мир. Голые скалы, испещренные кратерами, все приближались и приближались, пока планета не заслонила собою все.

Аларик врезался в нее. Земная твердь пошла рябью, будто нечто живое, отреагировавшее на его падение. Земля сомкнулась над ним, теплая и рыхлая, и Аларик стало нечем дышать. Потом она выплюнула его обратно.

Аларик пытался отыскать что-нибудь реальное. Он был в мире, созданном Разазелем. Демон проник в его мозг и протянул свои нити в его воображение и память, чтобы сотворить это место.

Это ему удалось. Никогда ничего подобного не происходило с Серым Рыцарем. Разазель Лукавый сказал, что сделает его одержимым, и Аларик был лишь в нескольких шагах от этого. Из-за Ошейника Кхорна, подавляющего его психическую защиту, у Аларика остался только его разум.

Под ним росла трава. Он поднялся на ноги, и она растеклась вдаль, словно зеленое пятно. Вдалеке равнина переходила в холмы и горы. Глубокие шрамы на теле земли, заполненные водой, густые кроны клонящихся к ним деревьев по берегам. Побегу, будто лагони,

тянулись к небу, окружая Аларика
густыми джунглями. Лианы обвивали
древесные стволы, черные от времени и
плесени. Земля под ногами стала мягкой за
многие века роста и увядания. Появились
первые живые существа этого мира,
существующего в его мозгу: разноцветные
летающие насекомые, хищники,
крадущиеся среди ветвей, птицы
ослепительно ярких расцветок. Звук
этого места окутали его, словно плащ:
ветер в кронах деревьев, вой и далекое
рычание зверей.

По небу плыли полосы облаков.
Далеким горам были увенчаны снегом.
Аларик услышал неподалеку шум водонагра.

Стоя на лесной поляне, он оглядел
себя. На нем по-прежнему были остатки
госпехи, в котором он сбежал с арены
Торгафа. Он был все тот же. Как бы то ни
было, Аларик существовал. Это было
единственное, в чем он мог еще быть
уверен.

--- Разазель! --- вскричал Аларик. ---
Демон! Серые Рыцари никогда не
склонялись перед колдовством и я не стану

первым!

Ответом ему был лишь мягкий шум джунглей. Аларик огляделся, замечая, насколько потемнел лес, становившийся все гуще. Можно было остаться здесь навеки, в страхе прячась от засевшего внутри Аларика демона. Или можно было отыскать его и сразиться с ним.

Аларик раздвинул ветки, преграждавшие ему путь. Жаль, что у него нет оружия, но об этом он будет думать потом. А пока что он должен спешить.

Аларик дошел до водоема. Там нагнал с разбитого черепа какого-то гигантского существа, пролежавшего здесь, казалось, тысячи лет, окаменевшего и затерявшегося в джунглях. Вода, струившаяся из проломленного черепа, была чистой, и в ней плескалась серебристая рыбка.

Череп был огромным. И не единственным -- у мертвого существа было еще много, очень много черепов, прикрепленных к чудовищному хребту

таким образом, что они образовывали густо поросший лесом гребень, уходящий вдаль. Все черена были разными, они скалились в жуткой ухмылке или зияли множеством глазниц. Когда существо было живым, оно представляло собой огромную, многокилометровой высоты колонну из богомерзких лиц.

--- Гаргатүлот, --- выдохнул Аларик.

Демон-принц возродился на Шлейфе Святого Эвиссера и выстроил последовательность событий, настолько сложную, что Аларик оказался ее частью. Все это было сделано для того, чтобы вызвать Гаргатүлота назад из варна, куда он был изгнан, и лишь Аларик и инквизитор Лигейя смогли уничтожить демона в тот миг, когда он явился в реальный мир.

--- И это все, на что ты способен? --- крикнул Аларик небесам, зная, что Раэзазель услышит его. --- Напомнить мне о былой победе? Это ты собираешься мне предложить, Раэзазель? Серый Рыцарь не станет греться в лучах былой славы, покуда существует ваш род! То, что

Гаргатүлот вообще существовал, было неудачей всего моего ордена. Ты в самом деле хотел обратить меня этим?

Ответа не было.

Аларик сделал копье из прямой палки и острого обломка кремня. Но крайней мере, теперь он был вооружен. С оружием в руке он чувствовал себя в большей степени Серым Рыцарем, чем человеком, которого прихоть демона влечет по закоулкам его собственного разума. Он взобрался на хребет Гаргатүлота и увидел вдалеке горы и блестящую ленту реки, несущей свои воды к темной кляксе океана на противоположной стороне горизонта.

Вершина заснеженной горы вздрогнула и испустила клубы темно-серого дыма. Мгновениями позже до Аларика долетел звук, сердитый рокот из-под земли. Земля дрожала. Небо потемнело.

— Вот, значит, как, — сказал Аларик.

В океане вздымались приливные волны, по листьям застучал ливень.

Раззазель терзал Аларика долго. По джунглям неслись потоки, швыряя его о

скалы и стволы деревьев. Землетрясения
рвали землю на части, и он много раз едва
не проваливался в разверзшиеся, пылающие
недра земли. В джунглях рыскали
хищники, и Аларик отбивался от них.
огромного ящера он поразил копьем в
глотку, а похожей на огромную кошку
монстру в рукопашной сломал шею.
Хищные птицы пикировали на него, и
Аларик хватал их за крылья и убивал
ударом о землю. Ядовитые змеи уступали
ему в быстроте, и он взмахивал их
длинными телами, словно плетью.

Спустилась ночь. Горящие метеоры
падали с неба, поднимая над джунглями
столбы горячего непа. Джунгли тоже
изменились, они наступали, протягивая к
нему затишлые руки. Аларик сражался со
всем этим, дерзко прорываясь из мира
Раззазеля.

Однако он устал. Тело его
предположительно не было реальным, это
была лишь проекция его самого, отражение
его сознания, но все же оно несло на себе все
его раны и ушибы. Раненая грудь все еще
кровоточила. Ожоги от расплавленного

золота горели. Он был измучен и изранен и не был уверен, осталась ли в нем хоть половина силы и стойкости настоящего Серого Рыцаря.

Ему начали являться видения, лица в небе. Он слышал голоса, обращавшиеся к нему, полуреальные фразы, наугад выдернутые из его прошлого. Видимо, все они были реальными здесь, собранные Раззазелем, чтобы мучить его.

Он брел вперед, полуслепый от усталости. Когтистые руки тянулись из темноты и рвали его кожу. Метеор врезался в землю настолько близко, что его сбilo с ног. Он пополз дальше, извиваясь в грязи. Обжигающий дождь хлестал его. Он ослеп и оглох. Молния взорвалась над ним, и он уже не знал, куда ползет.

Рука его нащупала полированный камень. Он выполз из грязи и повалился, задыхаясь, на холодную плиту. Он мог бы долго лежать там, позволив еще оставшейся энергии вытекать из него вместе с кровью, пока не лишился бы сознания. Но что-то полужабытое велело

стѹ продолжатъ нѹтъ.

Онъ увидѣлъ впереди каменные стѹпени. За стѹпенями вставали колонны храма с лепным фронтоном, изображающим битву. Перед колоннами на самой верхней стѹпеньке стояла огромная статуя человека в тяжелом, богато украшенном доспехе. У человека было широкое благородное лицо, на великоленном боевом доспехе были начертаны благочестивые изречения. В руке человек держал алебарду.

Это была статуя Аларика. Это был его храм, возведенный в Варне в его честь за все те черепа, что он добыл на Дракаази, и, возможно, за всех существ и всех демонов, которых он когда-либо убил.

Он вскарабкался по стѹпеням. Молния снова прорезала ночь, и дождь обрушился на него. Но крайней мере, это было убежище.

Между колоннами кто-то стоял. Из-за фигуры струился тусклый свет жаровни, отражаясь от золотых подношений Аларикѹ Покинутому. Добравшись до верхней стѹпени, Аларик смог разглядеть фигуру как следует.

Юстикар Танкред, огромный, словно
менгир, в своих терминаторских доспехах,
склонился над Алариком. Он улыбался.

--- Рүкү, Аларик, --- сказал он. --- Все
позади.

Аларик очнулся на вершине скалы, высоко вознесенной над бушующим океаном. Он не узнавал этот мир. Быть может, это была другая часть той самой планеты, которую Раэзазель создал в его мозге.

— Видишь, что они сделали с тобой? — спросил Раэзазель. Демон стоял за спиной Аларика. Человек поднялся, и Раэзазель взлетел. — Ты когда-нибудь выступишь из рук свои оружия смерти, чтобы понять это?

— Прекрати это колдовство! — закричал Аларик.

Ветер, остро пахнущий морем, засвистел в ушах и унес его слова прочь.

— Что такое человек, — сказал Раэзазель, — если он ничего не значит для своих товарищей? Если он на острове,

отрезанный от всех остальных? Что это за существование, Аларик? Все, кому ты доверял, все, кто верил тебе, утирают. Это смертный приговор. Посмотри, что они сделали с тобой.

Аларик взглянул вниз с края утеса. Гладкая скала обрывалась почти вертикально у самого берега. Это была бесконечность пустынного полуострова, лишенного какой-либо жизни. Аларик был совершенно одинок.

— Я предлагаю тебе человеческую жизнь, — сказал Раэзазель. — Реальную.

— Мне нужно лишь знать, что мой долг исполнен!

— Когда это будет? Когда всему Хаосу придет конец и варн будет уничтожен? Такого не может быть, и ты знаешь это не хуже меня. Какой смысл сражаться в битве, у которой не может быть конца, когда ты должен пожертвовать всем, что делает человека человеком? Человеческая жизнь, Аларик, счастье, исполнение желаний. Я показал тебе, кто ты теперь. Позволь же показать, каким ты можешь стать.

свободный от своего Умпериума, от долга, который ты не можешь исполнить. Позволь показать тебе покой и удовлетворение.

--- Исчезни, демон. Забирай свой ад и гори в нем сам.

--- Найдется ли другой такой узник, столь любящий свою тюрьму? Забудь об этом, Аларик. Обо всем, что отличает тебя от других. Нельзя ожидать от человека того, что выше человеческих возможностей. Откажись от этой сказки и живи.

Разазель был прав. Аларик был совершенно одинок, оторванный от человеческой расы, которую поклялся защищать.

Он еще раз заглянул в свой разум и решил, что цена, которую придется заплатить, невелика. Каждый, кто служит человечеству, должен пожертвовать чем-то ради долга. Это была жертва Аларика.

Он оглянулся на Разазеля. Потом шагнул с края утеса и полетел вниз.

Он упал в океан, и океан стал
воздухом. Это была пустота, ни света, ни
тверди, лишь свист ветра в ушах.

--- Бери то, что ты хочешь, ---
произнес в его голове голос Раэзазеля. ---
Бери же. Для чего существовать, как не
для этого?

Холодная пустота рвала Аларика на
части. У нее были легяные пальцы.
Аларикү хотелось приземлиться где-
нибудь, оглядеться и отыскать Раэзазеля,
чтобы понять, в чем состоит очередная
уловка.

Внизу появилась земля. Аларик с
грохотом рухнул на нее. Она была сухая и
песчаная и уходила в бесконечность.
Первым делом нужно было увидеть, где он.

Солнце вспыхнуло перед глазами,
словно белый цветок. Аларик огляделся, но
во все стороны тянулась унылая равнина.
Он искал какие-нибудь приметные
ориентиры.

Вдалеке виднелись очертания города.
Это был красивый имперский город, с
контрфорсами и гранитными орлами,
знакомыми ему по крепости Титана. Он

внезапно очутился там, у знакомого порога.

--- Получи то, чего ты хочешь, --- сказал Раэзазель.

«Сила, --- подумал Аларик, --- сила, чтобы покорять и исполнять свой долг. Сила сокрушать зло».

Он был королем. Его трон окружала свита, склоняясь перед ним, сотня дворян Империи и представители всех Агентов. На пальце у него был знак инквизитора, в руке документ, подписанный заглавным «И» и каплей крови. Это давало ему власть над целым миром и над любыми другими тиратами, какие он только сумеет вообразить.

--- Чтоб ты сдох, --- сказал Аларик. --- Ты и все ваше отродье.

Он стоял во главе городского войска. Только теперь это был не город, а королевство, одно из многих в этом мире, присягнувших ему на верность. Он был в доспехах, великоленных, как у примарха, а вокруг него стояли костодесантники, легионы и легионы их, миллионы костодесантников, и они почитали его как

короля и брата. Не было ничего, что они не смогли бы совершить.

— Ты можешь получить все, что пожелаешь, — сказал Разазель. — Это возможно. Нет ничего в пределах человеческого воображения, что не может быть даровано тебе.

— Ты предлагаешь мне власть? — прорычал Аларик. — Думаешь, я продамся тебе за это?

— Ты не можешь отринуть свои желания, Серый Рыцарь. Посмотри вокруг. Ты имеешь все, что захочешь. И даже более того.

Аларик пожелал молнию в руке, чтобы поразить ею демона, и получил ее. Он захотел, чтобы Разазель очутился перед ним, готовый к смерти. Демон стоял перед ним на коленях. Все, что нужно было сделать Аларику, — это взять то, что он хотел.

— Я хочу все это, верно, — сказал Аларик. — Это приходит мне на ум потому моей воли, как ты прекрасно знаешь, но есть одна вещь, которую я хочу больше всего, одно жгучее желание,

которое ты не можешь исполнить.

--- Назови его, --- потребовал
Раэзазель.

--- Я хочу вселенную, в которой тебе
подобные не могут существовать, --- сказал
Аларик.

Рот Раэзазеля открылся и снова
закрылся, не произнеся ни звука.

Сила парадокса была слишком велика
даже для слуги Тзинча.

Легионы Аларика исчезли. Его город,
обернувшись тучей перла, развеял ветер,
и его мир взорвался.

Аларик был у конца времен.

Перед ним --- невероятно! --- было поле
сражения, уходящее в вечность, и он
ощущал каждый его дюйм.

Здесь собралось все человечество, все
благочестивые мужчины и женщины,
которые когда-либо умерли. Тут были
примархи: Сангвиний, до боли прекрасный,
с серебристыми крыльями; Леман Русс,
широко шагающий во главе стаи волков;
Джагатай Хан на колеснице, сделанной из
звезд. Величайшие легенды Империи

были собраны здесь, и среди них были костодесантники и имперские гвардейцы, простые граждане и те, кто искупил свои грехи, те, кого собрали, чтобы сразиться со злом.

Ими командовал Император. В сверкающих золотых доспехах, Он был настолько великолепен, что разум Аларика не в силах был этого постичь. От Него исходило величие. Не могло быть сомнений, что Он — повелитель рода человеческого, бог, воплощение будущего человечества.

Вокруг Его золотой фигуры стояли нававшие братья Аларика. Он узнал Тейна, погибшего на Сармис Майорис, Луккоса и Кардиоса, которых они потеряли на Хаэронее, канониссу Люгмиллу, убитую Валиновым на Ультра Вулканис, Юстикара Танкреда, инквизитора Лигейю.

— Юстикар Аларик, — с улыбкой сказал Танкред. Танкред был огромный даже по меркам костодесантников, по статке своему терминаторскому доспеху. Он хлопнул Аларика по плечу. — Ты с нами. Теперь мы в сборе!

--- Это она? Последняя битва?

--- Конечно! Сыны Рюсса называют ее Время Волка. Для людей Хана это охота на главную добычу. Для Серого Рыцаря --- последняя битва с врагом. Смотри! Враги стоят, ожидая смерти!

Аларик вслеп за Танкредом окинул взглядом поле боя. Неясная призрачная масса врагов стояла, ожидая атаки Императора. На заднем плане смутно выдвинулись четыре могучих полководца. Один увенчанный рогати, другой --- маг в развевающейся мантии. Третьим было извивающееся змееподобное существо, а четвертым --- разбухшая куча гнилья. Они были могущественны, они были ужасны, но они обречены на поражение. Им не устоять против Императора и Его верных.

--- Этого не может быть, --- сказал Аларик. --- Я этого не заслужил.

Ему на руку легла рука, совсем крохотная по сравнению с его ладонью. Она принадлежала инквизитору Лигейе. Это была стареющая, но красивая женщина в темно-синем, расшитом драгоценными камнями платье. Аларик восхищался ею.

так же, как великими магистрами своего ордена. Она печально улыбнулась ему.

— Почему ты отказываешь себе в этом, Аларик? — спросила она. — Ты так много сделал. Кто скажет, что ты не заслужил место рядом с Императором? Посмотри, здесь Кастигатор, демон, которого ты уничтожил на Хаэронее. — Аларик увидел гигантскую фигуру демона в призрачных рядах врагов. — И здесь Гаргатүлот, демон-принц, которого мы убили вместе. Подумай обо всех врагах, которых ты отправил сюда. Подумай о тех, кого ты спас. Ты спас меня, Аларик. Моя смерть была не напрасной, и этим я обязана тебе. И таких, как я, здесь много. Разве они ничего не стоят? — Она сжала его руку и притянула его к себе. — Твое место здесь. Ты заслужил это. Твой долг исполнен.

— А Разазель здесь? — спросил Аларик.

— Это неважно, — сказал Танкред. — Он лишь один из многих. Он не идет ни в какое сравнение с теми, кого ты победил. Ты всего лишь человек и не можешь

надеяться одолеть всех демонов вселенной.

--- Это не слова Серого Рыцаря, ---
сказал Аларик. --- Пока хоть один из них
ходит в реальном мире или размножается
в варне, наш труд не окончен. Я не
останусь здесь, если тут нет Разазеля,
убитого, среди врагов. Здесь ли он? Кто-
нибудь из вас видит его?

--- Ты разочаровываешь меня,
юстикар, --- сказала Лигейя. --- Я думала,
ты куда лучше понимаешь свою роль в
галактике.

--- Это не слова инквизитора Лигейи, ---
возразил Аларик. Он посмотрел на
золотую фигуру Императора,
возвышавшуюся над ним. --- А Ты, мой
Император? Видишь ли Ты во мне того,
кто заслужил свое место здесь? Того, кто
позволяет сознанию покинуть его, когда
демон скачет у него в мозгу? Того, кого
завлекают в компанию к врагам и
трусам?

Император глянул вниз. Сомня рта
открылась на его лице.

--- И это все, на что ты способен,
Разазель? Это лучшее, что ты можешь

предложить мне? Ложную победу на варном? И ты будешь повторять это снова и снова -- в качестве награды?

-- Я подбираюсь все ближе, Серый Рыцарь, -- сказал Раэзазель. -- Ты не сможешь этого отрицать. Это лишь вопрос времени.

Брат Танкред и инквизитор Лигейя растворились в расплавленном золоте. Оно затопило поле боя и соткнулось, раскаленное добела, над головой Аларика. Примархи и Император исчезли из виду. Аларик силился вздохнуть.

Он еще не утирает. Раэзазель еще не наигрался им.

Он сделал отчаянный, неровный вдох. Рука его отыскала что-то, за что можно ухватиться, и он вытащил себя из золотого океана.

Над ним возвышалась башня из замороженной крови. От тепла его тела кровь таяла, образуя неровности и уступы. Ужрюто, понуждаемый неизбежностью, Аларик начал взбираться на нее.

Вокруг поднимались из океана

разрушенные крепости. Каким-то инстинктом Аларик знал, что каждая олицетворяет собой чемпиона варна, убитого им. Потом все они исчезли. Осталась лишь одна.

Аларик добрался до верха кровавой башни. Он весь был залит растаявшей кровью, ее запах и вкус были повсюду. Казалось, весь мир состоит из нее. Он перевалился через паранет.

Аларик заставил себя подняться на ноги. Перед ним стоял герцог Веналитор.

В руке Аларика появился меч. Все, что ему нужно было сделать, — пронзить Веналитору грудь, или срубить ему голову, или вспороть ему живот и посмотреть, как жизнь станет вытекать из герцога, пока он будет держать руками свои кишки.

И тогда все закончится. Холварн будет отпущен.

Веналитор медленно таял. Его доспех, пластина за пластиной, слетал с тела и поднимался по спирали в штормовое небо. Наконец и его двуручный меч со стуком упал на пол и растекся, как

рнуть.

Внутри гонимых ничего не было. Венамитор, как и весь этот мир, был ложью.

--- Ты думаешь, что найдешь его здесь? Разорвешь его в клочья, победишь его? Это лишь в твоём сознании, Аларик, --- сказал Разазель. Демон спустился с небес на серебряных крыльях. --- Венамитор очень далеко отсюда. Если ты попытаешься выследить его без меня, то никогда не сможешь до него добраться. Ты знаешь это, Аларик. Он слишком силен и слишком умен для тебя. Я --- твой единственный шанс.

Аларик знал, что это правда, и чувствовал, как эта правда одолевает его. Он мог отрицать это, но понимал, что при этом будет лгать самому себе. Он хотел, чтобы Венамитор умер, и не мог получить желаемого. Венамитор уже победил его однажды, а на Драказии герцога защищали все последователи Повелителя Хаоса, вся планета, возлюбленная его богом. Без Разазеля Аларик не убить Венамитора.

— Нет, — сказала крохотная часть Аларика, которая еще помнила, кто он есть. — Все это неправда. Ты демон. Ты — это ложь, и все, что ты говоришь, — ложь. Есть другой путь.

— Вот как? — устехнулся Раэзазель. — Назови же его.

И тут Аларик увидел свой единственный шанс.

— Я читал, — неуверенно начал он, — «Либер Демоникум». Я смотрел в варп и чувствовал, как безумие касается меня. Я слышал нашептывание демона в своем мозге. Я увидел... Увидел мертвый мир, который ожил, планету-каннибала, пожиравшую саму себя, чтобы выжить. Я видел хороших людей, убивавших других по приказу безумца. Я сражался в этом проклятом мире на потеху Темным Богам. Я видел столько всего... столько, что этого просто не могло быть в реальности. — Он взглянул на Раэзазеля. Демон был прекрасен, но вся его сущность была лживой. — Я не Серый Рыцарь. Иначе как бы я мог видеть то, что видел, и сохранить при этом рассудок?

Собрав остатки душевной стойкости и дисциплины разума, Аларик перечислил все, что он видел: тела, растерзанные руками демонов, видения варна, ненавистное царство Хаоса по ту сторону реальности, героев, обращавшихся к безумию и злу, уничтоженные планеты, осадок, оставшийся в душе от миллионов ужасных смертей.

К этому добавились абсолютная уверенность, что галактика людей обречена и что Хаос — это неизбежное состояние всех вещей.

— Я Молот, — сказал Аларик. — Я латная перчатка на Его руке! Я копье в Его руке! Хотя мы и проиграли, я щит на Его руке, я полет Его стрелы!

Разазель слишком поздно понял, что делает Аларик. Пока Серого Рыцаря защищал психический щит, ужас подобных вещей не в силах был подействовать на Аларика так, как подействовал бы на обычного человека. Но когда Ошейник Кхорна убрал этот щит, разум Аларика стал уязвимым не только для существ вроде Разазеля, но и для самого

юстикара.

Ему нужно было за что-нибудь
ухватиться. Он был Молотом, он был
Серым Рыцарем. Он уцепился за эту
мысль и жадно прижал ее к своим
сердцам. Это должно было сработать.

— Я Молот! Я Меч! Я Щит! Я
солдат в битве у конца времен!

На Аларика обрушился весь ужас
сразу: все, что он видел, все, что сделал,
грузы, которых он потерял, жизни,
которые отнял.

— Нет! — вскричал Раэзель
голосами ста ртов.

Аларик лишился рассудка.

Совещательные покои Веналитора на борту «Гекатомбы» были приспособлены для ведения войны. Главенствующее место занимал тактический стол: на его столешнице была выложена слоновой костью и золотом карта Дракаази. Остальная часть комнаты была затенена, чтобы Веналитор мог сосредоточиться, обдумывая свою кампанию против Арзутракса. Веналитор надел одеяние жреца Кхорна, меч его был прислонен к столу. С двуручником он не расставался никогда.

--- С демоном разберется потом, --- нетерпеливо бросил Веналитор. --- Пока расскажи мне о последних потерях.

Старший надсмотрщик-сцефилид держал в передних конечностях свиток. Существо развернуло лист, помогая себе

жвалами.

--- Рүка нанесла ответный удар, --- начал он. --- Командиры войска Багряной Ненависти были убиты ночью.

--- Мы перебили не всю Рүку? --- раздраженно переспросил Веналитор. --- Проклятие. Это настоящий сброд. --- флажки-фигурки, обозначающие его силы и силы Арзутракса, были расставлены на карте, будто фишки в стратегической игре. --- Багряная Ненависть в состоянии сражаться?

--- Они дерутся между собой, --- ответил сцефилид. --- Решают, кто будет их новыми командирами.

Веналитор протянул рүку и взял флажок, представлявший войско Багряной Ненависти. Едва ли он мог позволить себе потерять их, особенно учитывая усилия, на которые пошел, чтобы добиться их лояльности. Он швырнул украшенный драгоценными камнями флажок через всю комнату. Тот ударился об обсидиановую колонну и закатился за раку Кхорна в виде Красного Рыцаря.

--- Остальные? --- спросил Веналитор.

--- Арзутракс нанес удар по тайным
агентам, --- продолжал надсмотрщик. ---
Наш агент в Дикой Охоте Тиресии убит
всего час назад.

--- Как Арзутракс вычислил их? ---
недоверчиво бросил Веналитор. Его шпион
при дворе Тиресии был настолько ловким
и пронырливым, что у него не было даже
имени, лишь лицо, настолько обычное, что
не оставляло следа в памяти.

--- Мы не знаем, --- ответил
сцефулиг. --- Также тактик в войске
Скатхача, подкупленный нами, был
обнаружен и объявлен предателем.
Скатхач казнил его.

--- Хм. Ну, это неудивительно.
Военный мастер Торгеллин был не
слишком осторожен. Но крайней мере, это
была достойная казнь. Должно быть, там
было на что посмотреть, у Скатхача
богатое воображение. Как идут наши
дела?

--- Кампания против племени Нятого
Глаза идет успешно, --- сообщил
надсмотрщик. --- Поборники Убийства
прижали их к самому океану. Решающая

атака уже началась.

--- Хорошо, а что насчет агентов Арзутракса?

--- Они хорошо законспирированы. Многие сцелифы охотятся за ними. Многие сцелифы сочли подозрительными и уничтожили, но доказанных шпионов среди нас нет.

--- Я поступил правильно, сделав твоих сородичей своими слугами, --- сказал Веналитор. --- Без меня вас бы рано или поздно истребили. Сложно обратить тех, кто своим существованием обязан хозяину.

--- Воистину это так, --- подтвердил старший надсмотрщик, но ничто в его правильном имперском гонимом не указывало, воспринял он это как оскорбление или нет.

Веналитор уселся на трон из черного камня в подражание мифическому Трону из Черепов, на котором восседает Кхорн, наблюдая за всеми убийствами, совершаемыми во имя его. Кхорн знал бы, как справиться с таким врагом, как Арзутракс.

Веналитор не мог утверждать, что

ему ведомы мысли бога. Тем не менее было ясно, что Кхорн, столкнувшись он с проблемой вроде Арзутракса, был бы безжалостен.

--- Тащи из укрытий всё: всех, кто когда-либо присягал нам на верность, все клятвы, что были принесены. Изучи по свиткам все прошения и платежи дани. Сколько существ на этой планете предлагали мне свою верность ради собственного удобства, надеясь потом избежать выполнения принятых обязательств? Покажи им, что они ошибались. --- Веналитор встал. --- Используй войско Багряной Ненависти, чтобы открыто принудить их. Задействуй остальных наших агентов, чтобы занялись этим тайно. Я всегда смогу найти новых последователей.

--- Это сделает нас уязвимыми, тилорг.

Веналитор посмотрел на надсмотрщику в многочисленные глаза:

--- Победа дается тому, кто готов пойти дальше остальных. Арзутракс очень стар. Его связям тысячи лет. Он поспешит попусту растрачивать их в

войне. Я молод. У меня нет союзников или
приверженцев, которыми я не был бы готов
поступить. Пусть я останусь один, пусть
погибнут все, кто присягал мне, я все равно
одержу победу, а Арзутракс падет. Я брошу
в бой все, чем обладаю. В этом мое
преимущество перед ним. Сделай это,
насмотрщик, и не останавливайся, пока
последнее из обязательств не будет
исполнено.

Старший насмотрщик, вновь
поклонившись, скатал свиток и покинул
комнату.

Веналитор уселся и уставился на
карту перед собой. Он передвигал флажки,
каждый — искусное изображение демона
или воина Хаоса. Некоторые из них были
шпионами, элитными агентами,
затаившимися при дворах других лордов.
Они, несмотря на их огромную
значимость, вполне могли быть
использованы в войне в качестве простых
солдат. Другие представляли собой
незадачливые культы, созданные лишь для
того, чтобы или пожертвовать. Эти
слепые идиоты соревновались между

собой за право умереть ради своего повелителя. И каждый был по-своему полезен.

Но была одна фигура, которую Веналитор не мог передвигать по своему усмотрению. Это был крохотный обсидиановый дракон с янтарными глазами. Он означал лорда Эбондрака, следящего за Дракаази из своего дворца в Бел'Скане.

Эбондрак все еще был главной силой на Дракаази. Он категорически запретил войну между Веналитором и Арзутраксом. Но правда в том, что, хотя Эбондрак ни за что и не признал бы этого, даже ему с его Змеиной Стражей было не по силам бросить вызов Веналитору и Арзутраксу сразу. Вот насколько хрупким был баланс сил на Дракаази.

Веналитор оставил фигурку Эбондрака там, где она была. Он разберется с ящером, когда придет время.

Аларик был все еще тут. Крохотная частичка его, толика ясного сознания, и она была заперта. Остальное его сознание

было темным океаном, и Аларик лежал, раздавленный, на дне глубочайшей из впадин этого океана. Словно хищники из глубин, словно беспощадные убийцы из варна, ядовитые твари выростали из тьмы, осколки ненависти и страданий, раскаяния и воспоминаний о жестокости, они сновали в его бесчувственном мозгу, выискивая, кого сожрать.

Он был Молотом. Молитва сохранила его от окончательного исчезновения под натиском кошмара. У него был долг, направляемый молитвой, и этот долг был стержнем его существования. Он должен сражаться, быть Молотом в руке Императора, потому что некому занять его место. Он — Серый Рыцарь, и без людей, подобных ему, не было бы человечества.

Медленно он попытался собрать себя воедино, клочок за клочком, воспоминание за воспоминанием. Он тельком увидел почти забытого человека, гиганта с алебардой в руке. Мучительные вспышки жестокого неистовства обрушились на него, вливаясь в разум окровавленными

зубами. Он выпустил на свободу все ужасы, хранившиеся в его памяти, и они буйствовали в мозгу, затопили весь его разум... Но все же в глубине этого кошмара таился крохотный осколок человеческого существа.

Время от времени воспоминания Раэзеля мелькали перед его мысленным взором.

Там было что-то, что Раэзель хотел скрыть от него, нечто, запечатленное в безумии, некая тайна или что-то постыдное, что-то такое, что вызывало отвращение даже у демона.

Первое впечатление от Дракаазиса вспыхнуло в разбитом вдребезги мозге Аларика: восьмиконечная звезда из городов и соединяющих их кровавых каналов, эмоции, гнев, страх и разочарование, просеянные через сито нечестивого и чуждого разума.

Аларик пытался понять. Это был ключ к Молоту Демонов и одноглазому черепу, но он был спрятан в мозгу демона, где даже разум Серого Рыцаря не смог бы

уцелеть.

Он сражался. Молитва безостановочным эхом звучала в нем, пока он падал в бездны своего разума.

Потом медленно, осторожно, цепляясь за молитву, словно за веревку, он начал выбираться на поверхность.

Аларик выкашлял сгусток крови и сплюнул, жадно глотая воздух. Он едва не задохнулся. В нос ударило зловоние гниющих трупов, столь привычное, что на миг он спросил себя, каким же ужасным существом он теперь стал.

Он юстикар Аларик. Он Серый Рыцарь. Он знал, что это так и есть, но ему казалось, что это мысли какого-то незнакомца, вторгшиеся в его разум.

Потом была боль, раздирающая его руки и плечи. Она накатывала волнами, нарастая с каждым разом, оставляя после себя тошноту и головокружение. Он никогда не чувствовал себя столь физически слабым, даже после тех тяжелых боев, что стлупно всплывали в его памяти.

Он сделал еще несколько жадных вдохов. Легкие втягивали воздух с такой силой, что заболели ребра. Но в голове немого прояснилось, и он вспомнил, что у него по-прежнему есть два работающих легких.

Он рискнул открыть глаза. Желтое солнце пылало в белом небе. Выжженная пустыня была усеяна гигантскими костями, столь огромными, что при жизни они должны были принадлежать каким-то поистине исполинским существам. Они стали жертвами пустыни, жизнь испарилась из них капля за каплей. Вероятно, кости лежали здесь тысячелетиями, хранимые от тления сущью пустыни. Он увидел череп, скалящийся из песка, и грудную клетку с натянутыми между ребрами полотнищами парусины, чтобы соорудить укрытие от солнца. Вокруг опреснителей и крытых повозок теснились лачуги. Даже здесь на Дракаази существовала жизнь. Не было ни единой части планеты, которая не являлась бы готовым для каких-нибудь исковерканных существ.

Аларик попробовал повернуть голову. Должно быть, он висел здесь уже какое-то время, потому что мускулы его одеревенели. Тогда он попытался глянуть вниз.

Под ним извивалась лента крови, уходящая вдаль между похожими на горы дюнами. Это была кровавая река, по которой плыла «Гекатомба», и Аларик висел на носу корабля, прикованный за руки и лодыжки. Когда он понял это, то лишь усилием воли заставил себя дышать дальше.

Он жив. Разгадка была реальностью. Теперь начнутся настоящие мучения, поскольку он не стал одержимым, и Веналитор заставит его заплатить за это.

Вокруг него вились крохотные насекомые. Аларик потряс головой, чтобы согнать их с лица. Насекомые вылетали из глазницы обожженного солнцем трупа, висящего рядом с ним, их колония обосновалась в его черепе. Вокруг Аларика висели и другие трупы, все в различных стадиях разложения. Скелеты, дочиста

объеденные насекомыми и птицами, тела
умерших столь недавно, что были еще
распухшими и белесыми, надутыми
гнилостными газами, будто воздушные
шары.

Одно из них, над которым хорошо
потрудились насекомые и жгучее солнце,
представляло собой верхнюю половину
человеческого тела. Она была огромной и
широкогрудой, ребра сплавлены в единую
грудную пластину. Лицо трупа, когда оно у
него еще было, отличалось, должно быть,
мощными челюстями и правильностью
черт.

Это было все, что осталось от брата
Холварна.

Пустыня потемнела, и Аларик снова
впал в беспамятство.

В очередной раз его привела в себя
кровь.

Он утратил ощущение времени.
Быть может, прошли десятилетия с того
момента, как он смотрел в истлевшее
лицо Холварна, а может, всего час. Но
этого времени хватило, чтобы он оказался

весь в крови.

Кровь была повсюду, она запеклась в складках его кожи, густая и липкая. Он испугался ее с глаз и попытался понять, где находится.

Перед глазами все кружилось. В ушах стоял ровный гул, похожий на рев огня, — аплодисменты тысяч зрителей, востиснутых на уходящие вверх трибуны. Он был на арене, но не знал, на какой именно. Над головой изогнулись гранитные своды, словно арена была встроена внутрь огромного, накрытого куполом собора.

Он стоял на груде тел. Руки его были победно вскинуты к небу. Тело болело, словно он дрался много часов. Сердца стучали, перекачивая адреналин.

Труны принадлежали звероподобным людям и мутантам вперемешку с рабами арены. Аларик смотрел на них, пытаясь понять, что сотворил. Они были убиты голыми руками: раздавленные черепа, оторванные руки и ноги, сломанные шеи. Среди них Аларик увидел людей в рваных мундирах Имперской Гвардии: воинов гатранского Бронекавалерийского полка.

На арене были и другие гладиаторы, убивавшие еще оставшихся в живых жалких рабов арены и пленных мутантов, с которыми их послали сражаться. Аларик не узнавал их, но они были хорошо вооружены и обучены, избранные рабы из конюшен лордов Дракаази. Огин был мутант с двумя головами, первая рвала мясо с костей раба, вторая, обращаясь к толпе, победно вопила. Другой был гигантский воин в доспехах, стягивавший с себя шлем, чтобы омыть лицо кровью. Желудок Аларика вновь перевернулся, когда он понял, что этот воин — женщина.

Женщина-воительница подошла к нему и хлопнула по спине. Аларик взглянул на нее. У нее было грубое мясистое лицо с повязкой на одном глазу. Доспех у нее был старый, с множеством отметин.

— Ты славно проливал кровь, — одобрительно сказала она.

Аларик ощущал во рту привкус крови. Он молился, чтобы это была его кровь.

— Есть тут кто-нибудь, — прокричала женщина, обращаясь к трибунат, — кто желает бросить вызов

Покинутому?

Толпа одобрительно завопила. В этот день Аларик был звездой арены. Они не скоро забудут его.

Аларик увидел достаточно. Он ничего не может сделать. Лучше ничего не помнить. Он позволил себе снова рассыпаться на части, и в трещины разума хлынула тьма, чтобы поглотить его.

* * *

Помеченная восьмиконечной звездой планета падала на Дракаази, проиграв битву с силой притяжения. Это было то, что видел Раэзаэль. Он предпочел выкинуть эту картину из памяти, когда пытался завладеть Алариком. Демон старательно скрывал ее, и этот факт сделал ее важной.

Еще: темно-синее и золотое; святилище, много святилищ, возведенных в честь мнимых святых; религия,

построенная на лжи, не замечающие этого последователи.

Жертвоприношения: обманутые мужчины и женщины, пилигримы и фанатики, завлеченные ложью навстречу своей гибели.

Разазель явился на Дракаази вовсе не случайно. Правда о его появлении была сокрыта от Аларика, но все же она была здесь, в море нечестивого знания, хлынувшего в его мозг.

Аларик держался. Было бы так просто сдаться и полностью потерять рассудок. Это стало бы таким облегчением. Ему никогда не пришлось бы думать о том, что он творил в состоянии безумия, понимать, что его долг может так и остаться неисполненным. Это было бы самым простым делом в галактике — позволить себе исчезнуть и покончить с этим.

Но он был Молот. Он сражался, чтобы сохранить стысл молитвы. Без него и таких, как он, нет галактики, нет света, горящего в сердце Умперу́та, чтобы разгонять тьму. Есть лишь

безумие и смерть.

Он осознал, что находится в очень просторном помещении, в котором эхом отдается скрип резца по камню.

Аларик стоял в помещении, похожем на пещеру зала. Вероятно, когда-то это было место для больших собраний. Потолок был из витражного стекла, но в нем не достало столько деталей, что рисунок невозможно было понять. Сооружение было полуразрушено, лучи солнца проникали сквозь дыры в некогда нарядно украшенных стенах. Парадная лестница вела в никуда, и сквозь плиты пола пробивалась трава.

Повсюду стояли куски тесаного камня и неоконченные статуи.

Перед Алариком костлявый человек трудился с зубилом и молотком над импаторной глыбой. Из камня вырастала фигура, широкоплечая и ужасная.

Фигура Аларика.

— Какой доспех угодно милорду? — спросил скульптор.

— Никакого, — ответил голос Веналитора из-за спины Аларика, — но

тщательно проработай шрамы.

--- Я люблю шрамы, --- хихикнул скульптор. --- Многие хотят выглядеть безупречно, но что за красота в безупречных формах? Именно несовершенство лежит в основе всего красивого! Уродство --- вот в чем правда. Объект настолько безобразен... О, это настоящий вызов!

Аларик попытался повернуться, но его руки были прикованы к вбитым в пол кольцам.

--- И сила! --- продолжал скульптор. --- Да, никаких успехов, ничего, что сдерживало бы его.

У статуи было лицо Аларика, но он не узнал своего выражения: надменное, самоуверенное, жестокое. Скульптор был гением, но существо, воплощенное им в императоре, было незнакомо Аларiku.

Это было изваяние не Серого Рыцаря, но Аларика Покинутого.

Веналитор вышел из-за спины Аларика. Его сопровождали надсмотрщики-сцефилиды, взявшие Аларика в кольцо.

--- Тебя бүдүт помнитъ, --- сказал он Аларикү. --- Что бы ни случилось, гля Аларика найдется место в анналах Дракаази. Ты хоть знаешь, скольких ты убил?

--- Недостаточно, --- ответил Аларик.

Он испытал на прочность свои оковы. Они держали крепко. Они были неестественного происхождения, так же как ошейник у него на шее. Сцефилиды отпрянули, держа наготове шокеры.

--- Недостаточно! --- восхищенно повторил скульптор. --- О, это чудесно. Какая свирепость! Я никогда не видел столько в одном человеке! Это будет шедевр, милорд.

Веналитор презрительно взглянул на скульптора:

--- На меньшее я бы не согласился.

--- Он будет ужасен, милорд. Каменный взгляд Покинутого будет сокрушать человеческие улы! --- Скульптор снова обратился к трагичному лицу Аларика, высекая большие выразительные глаза и вкладывая в них столько высокомерия, что Аларик, глянув в них,

похолодел.

Это было то, чем он стал. То, что выгела Дракаази: Аларик Покинутый, монстр, достойный занять место среди величайших чемпионов Кхорна.

Он с трудом подавил тошноту. Собственное изображение наполнило его терзанием. Он пожертвовал на Дракаази столь многим, что потерял себя.

Он больше не мог этого видеть. Он забился в своих цепях, как животное, его разум вновь погрузился в пучину, и холодный океан беспamięтства хлынул внутрь и заполнил его. Он тонул в этом океане, и мир поглотила тьма.

Бывали и другие моменты, когда воды расступались и Аларик мог видеть своими глазами.

Он много раз сражался. Он помнил людей, убийц Гирфа, несущих его на плечах после какой-то великой победы. Он был с ними же на «Гекатомбе» и выкрикивал какие-то песни без слов, а тело его было в кровавых отпечатках лапней.

Он был прикован к стене, и рядом

спорили люди. Он ступно понимал, что спор идет о нем, о правах и наградах, о том, кому принадлежит пролитая ил кровь. Одним из голосов был голос Веналитора.

Он видел незнакомые города, обрывочные образы чужовищной архитектуры Дракаази: пирамида из черепов, горы отсеченных конечностей, тысячи тел, корчившихся в котле с кровью. Он видел алтари Кхорна, воящих людей, которых разрубали на части, лоргов Дракаази. Видел огромную грудь похоронных одежд и двухголового костодесантника-хаосита, массу жгуче-красной плоти, глядящую на Аларика Покинутого завистливым взглядом.

Он видел, как убивают чемпионов и бросают тела на потеху толпе.

Порой он ощущал во рту вкус крови и мяса, и его рассудка хватало лишь на то, чтобы молиться, чтобы это были его собственные кровь и плоть.

Он видел тысячи мест, миллионы жертв и невообразимые ужасы, но главным образом это были лишь трак и холод.

Веналитор наблюдал за летающим кораблем. Пустыня была каменистой и холодной, самое унылое место из всех существующих на Дракаази, и Веналитор даже не был уверен, что Эбондрак согласится встретиться с ним здесь. Повелителю Дракаази не пристало откликаться на зов всякой мелюзги. Пустыня, лежащая вдали от городов Дракаази, по которой не текла даже кровавая река, была одним из наименее священных мест на планете, и просто чудо, что Эбондрак вообще снизошел до нее.

Лорд Эбондрак появился из трюма летающего корабля. Этеиная Стража, окружавшая его, терялась на фоне его величия. Летающий корабль был из флотилии, уцелевшей на Дракаази от прежних времен. Вся она принадлежала

Эбондракү. Корабль напоминал галеон, покинувший океан и распростерший паруса горизонтально, будто крылья летящего дракона.

--- Для меня большая честь видеть вас здесь, --- сказал Веналитор.

--- Полагаю, вы хотели что-то показать мне, --- произнес Эбондрак с опасной ноткой в голосе.

Веналитор явился на встречу в пустыне один. Он выглядел совершенно неуместно среди бесплодных песков в своем красном медном доспехе.

--- Разумеется, милорд, --- подтвердил он.

--- Мое время не должно тратить ни на что другое, кроме игр и крестового похода. Если это какой-то ничтожный подхалимаж, Веналитор, то запасы моего терпения будут исчерпаны.

--- Для меня крестовый поход тоже важнее всего, --- заверил Веналитор. --- Этот мир слишком мал, чтобы вместить нас всех. Если мы не выйдем за его пределы, то зачахнем, а потенциальные жертвы тем временем будут стариться и

утирать вдали от взгляда Кровавого Бога.

--- Утак? --- поинтересовался Эбондрак.

--- Смотрите, милорд, и все станет ясно.

На горизонте начиналась буря. Темные тучи громоздились друг на друга, тяжелые и багровые от крови. Холодный ветер зашуршал по пустыне, выбивая из мертвой земли клубы песка.

Веналитор обнажил свой двуручный меч. Небо потемнело, и клинок засиял, словно пойманный луч света. Герцог высоко поднял меч.

Крохотные темные фигурки хлынули из ближайшей трещины в земле, словно муравьи из переселяющегося на другое место муравейника. Они все лезли и лезли. Темная тень закрыла землю, мелкие существа копошились повсюду. Они лезли из всех щелей и трещин.

Кое-кто все же обитал в этой пустыне: сцефилиды, тысячи сцефилидов, больше, чем когда-либо видели в одном месте на Дракаази. Они все лезли из своих подземных пещер, покрывая пустыню своими жукоподобными телами. Они

блестели в свете молний, вспыхивающих
среди туч.

Они начали строиться в ряды и
колонны. Развернулись знамена, каждое
несло древний тотемный знак древнейших
племен Дракаази: хищная птица, давно
вытершая, бывшая когда-то поглощенной
бедствием в небе над пустыней; черное
дерево с наколотыми на его сучья головами
и руками; медный коготь, торчащий из
красного неба; руна в виде слепого глаза;
топор и череп сцефилида, обжатый черным
пламенем.

Построившись, сцефилиды образовали
войско большее, чем любое из сражавшихся
когда-либо в Горгафе. Если говорить о
численности, то это была величайшая
армия, какую видели на Дракаази за
многие века. Там был по меньшей мере
миллион сцефилидов, и они все еще
выбирались на поверхность.

--- Значит, --- сказал Эбондрак, --- это
ваш вклад в мой крестовый поход? --- Он
оглядывал пустыню, пытаясь оценить
силу, выстроенную перед ним.

--- Все они преданы мне, --- ответил

Веналитор, -- все до единого покланялись мне в верности. Эти исконные племена Дракаази долго ждали возможности сыграть свою роль в великом кровопролитии Кхорна.

-- Понятно, -- прошипел Эбондрак. -- Я в восторге, герцог, что вы отыскиали самых низких из низайших на этой планете, стоящих даже ниже, чем отбросы Тхаала, и создали из них войско, которое, как вы предполагаете, поможет вам встать рядом со мной: вознестись от самого дна этой планеты к вершинам власти. -- Эбондрак повернулся к Веналитору и уставился на него сужившимися глазами. -- Бог Лжи гордился бы таким чемпионом.

Веналитор улыбнулся:

-- Он не оценил бы меня, милорд. Я манипулирую другими, чтобы получить то, что я хочу, но меня не обманешь. Мы бы с ним не поладили.

Эбондрак тоже улыбнулся:

-- В таком случае сколько этих существ будет потрачено на вашу распрю с Арзутраксом?

Предполагалось, что этот вопрос

застигнет Веналитора врасплох, но герцог ожидал его. Никакие уловки и хищрения не могли скрыть тайную войну от Эбондрака. У старого ящера имелись, вероятно, тысячи шпионов во всех уголках Дракаази.

— Это уже в прошлом, милорд, — ответил Веналитор. — С этим покончено. Мы зашли в тупик. Вскоре мы придём к необъявленному перетирию. У меня нет желания и дальше попусту терять свои войска, а Арзутракс не рискнет прогневать варн, жертвуя своими демонами в попытках убить меня. Я бы не признался в этом никому другому, милорд, но с тяждоусобицей покончено.

— Вы ожидаете, что я поверю в это? Когда такой, как вы, сцепляется с кем-нибудь вроде Арзутракса, драка не кончается, пока один из них не будет убит. При условии, что какая-нибудь большая сила не положит этому конец раньше.

— И эта большая сила — вы?

— Разумеется, и я покончу с этим, герцог. Если вы с Арзутраксом станете и дальше растрачивать военные силы этой

планеты на то, чтобы убивать друг друга, я сделаю это за вас. Я убью вас обоих. Вы не настолько возвысились, чтобы с вами нельзя было содрать шкуру на знамя, Веналитор, а Аргутракс не настолько велик, чтобы избежать ссылки в самые холодные пустоши варна по моему приказу.

--- Все это не является для меня неожиданностью, милорд, --- спокойно ответил Веналитор. --- Именно поэтому я свел эту войну к нескольким стычкам между бандами низших культистов, которых не жалко. Я полагаю, Аргутракс поступает точно так же. Ни один из нас не отступит перед другими лордами, но мы оба не настолько глупы, чтобы бросать вызов вам.

--- Снова лезть, --- презрительно устехнулся Эбондрак.

--- Это еще и правда.

К ним приближался один из сцефилигов. Это был воистину огромный и древний экземпляр, величиной с танк, с шишковатым выпуклым щитком. Колонии более мелких существ облепили его со всех сторон, словно ракушки. С гоготом у него

появлялись все новые и новые глаза, и голова его теперь представляла собой набор выщербленных жвал под множеством глазниц. Каждый глаз двигался независимо от остальных, часть из них смотрела на Веналитора, часть на Эбондрака. Ему подобных не видели в этом веке на поверхности Дракаази. У существа было традиционное оружие сцефилигов -- пара шарнирных клинков, похожих на замысловатые ножницы, в двух передних конечностях с одной стороны, что свидетельствовало о высоком ранге.

-- Генерал, -- спросил Веналитор, -- племена откликнулись на мой зов?

-- Конечно, герцог, -- ответил генерал с таким сильным акцентом, что едва можно было разобрать слова. Его жвала складывались в подобие мучительных гримас, выговаривая человеческую речь. -- Разве могло быть иначе?

-- Объясните лорду Эбондраку, -- велел Веналитор.

Большая часть глаз генерала обратилась к лорду Эбондраку. Древнее существо поклонилось, коснувшись грудным

отделом земли, и положило свои клинки-
ножницы к ногам Эбондрака.

--- О темнейший, --- начал генерал, ---
герцог Веналитор --- наше спасение и наша
слава. Он донес до нас слово Бога Крови,
когда все остальные отвернулись от
нашего народа. Он учил нас, что даже мы,
ничтожнейшие из созданий, можем быть
возлюблены Кхорном, если станем
служить ему. Он привел нас на эту службу,
пообещав, что наши жизни и смерти
будут посвящены служению Богу Крови.

--- Понимаю, --- ответил Эбондрак. --- А
теперь?

--- Теперь мы доказали свою
значимость, --- продолжал генерал, --- и все
мы получили шанс служить. Это войско
векати покоилось под землей, ожидая,
когда чемпион Кровавого Бога призовет
нас на поверхность. Это стало
реальностью. Я счастлив, что дожил до
того момента, когда народ сцефилигов
займет свое место среди артий Дракаази.

Эбондрак с любопытством
разглядывал генерала.

--- И как долго, герцог, вы прячете их

здесь?

--- Я использовал некоторых из них, --- пояснил Веналитор, --- и они пришли ко мне утешать, чтобы и другие тоже могли послужить. Верно?

--- Мы молили, --- сказал генерал, --- и престыкались. Сцефулиды не гордые. Мы лишь ищем свое место во вселенной.

--- И все вы дали обет участвовать в моем крестовом походе? --- спросил Эбондрак.

--- Все живые сцефулиды до одного, --- заверил генерал. --- Все колеблющиеся были преданы смерти. Все, кто остался, готовы драться.

--- А ты?

--- Не может быть для меня чести большей, чем умереть за Бога Крови, --- ответил генерал, салютуя ножницами.

--- Отлично, --- решил Эбондрак. --- Возвращайся к своим... своим существам. Пусть они будут готовы выступить. Крестовый поход скоро начнется, и все должно быть готово.

--- Такова ваша воля, мой герцог и повелитель?

--- Да, --- подтвердил Веналитор.

--- Тогда да будет так. --- Генерал оторвался от земли и вернулся к армии сцещулигов.

--- Очень преданны, --- заметил Эбондрак.

--- О да.

--- Вам.

--- Своему богу, милорд. Это солдаты, которых следует знать под огонь врага, которых не жаль и которых всегда можно добыть еще. По моему приказу старейшины племен начнут цикл размножения, и вылупятся тысячи новых сцещулигов. Они способны сражаться почти с момента рождения, если все, что вам нужно, --- это тела, чтобы бросить их вперед.

--- И вот с этим вы будете участвовать в крестовом походе, Веналитор? Станете повелителем насекомых? Большинство сочло бы более почетным вести в бой отборных воинов, тех, которые выигрывают битвы, а не массы, погибающие еще до начала настоящего сражения.

--- Кровь --- это кровь, милорд, ---
возразил Веналитор.

Эбондрак улыбнулся:

--- Это верно, герцог, это верно. Про
вашего Серого Рыцаря я тоже немало
наслышан.

--- Его священные труды только
начинаются, --- с оттенком гордости
заявил Веналитор. --- Воистину, он стал
частью этой гигантской машины
поклонения.

--- После всего, что он выдержал, он
вдруг так внезапно обратился к Кхорну.
Его популярность растет, как и догадки о
том, что привело его к нам. Неужели вы
сломали его, Веналитор? Или хитростью
похитили у него разум?

--- Я умею убеждать, милорд.

--- Тут есть еще что-то. И просто
костюмодесантник --- было бы уже
замечательно, но Серый Рыцарь? Бросьте,
не говорите мне, что какая-нибудь славная
пытка или искушение способны сломить
такое существо.

--- Его познакомили с союзником из
варна. Его разум не перенес этой встречи.

--- Я бы услышал про это в Варне.
Победа над разумом охотника на демонов
стала бы поводом для великого ликования
среди демонов Кхорна.

--- Я прибегнул к помощи старинного
приятеля.

Эбондрак изумленно приподнял
чешуйчатый вырост над бровью:

--- Разгазеля? Значит, это правда?

--- Конечно. Именно Разгазель сделал
Аларика безумным.

--- Это лживое отродье еще живо?

--- Некоторым образом.

Придирчиво к демону жизнь --- это
вопрос интерпретации.

--- Понятно. Плоть от плоти Лживого
Бога среди нас! Я не думал, что такое
возможно. Какими еще тайнами вы
намерены поделиться, герцог?

--- Сцефулиды и Разгазель были
последними, милорд. Теперь вам известно
все.

--- Надеюсь, Разгазель не останется в
живых настолько долго, чтобы
обеспокоить нас? Мне совершенно не нужно,
чтобы подобные ему сорвали крестовый

поход.

--- Он мой пленник с тех пор, как я победил его. Теперь он лишь тень себя прежнего. Он никогда не окажется на свободе и никогда не станет противиться воле Кровавого Бога. Теперь он служит мне.

--- Сделайте так, чтобы он был мертв до начала похода, --- приказал Эбондрак.

--- Я лично прослежy за его казнью.

--- Хорошо. Вы и так yже чересчур затаяли с этим. --- Эбондрак снова оглядел сцефилигов, все еще толпившихся на пустынной равнине. Пустыня потемнела от их копошащихся тел, и небо над головой тоже потрачнело и стало багрово-черным. --- После Вел'Скана, герцог, постарайтесь, чтобы крестовый поход стал вашей единственной заботой.

--- Конечно, милорд.

Эбондрак в сопровождении Элеиной Стражи затопал обратно к летающему кораблю. Веналитор смотрел, как удаляется огромный дракон.

Быть может, Эбондрак поверил ему. В конце концов, большая часть из

сказанного ил была правдой. А возможно, что чужовище не поверит ему никогда. Это в любом случае не имеет значения. С началом крестового похода все изменится. Веналитор предпочитал смотреть вперед.

Аларик был там, внутри Раэзазеля. Лица паствы были обращены к нему, люди были зачарованы его красотой. Аларик приходилось бороться, чтобы не дать чуждой личности Раэзазеля взять верх над его собственной. Эта плоть была нечистой, эти люди — обреченными. Раэзазель был омерзителен. Отвращение Аларика выталкивало его из тела демона.

Он оказался вовне и увидел перед собой тужчину такой красоты, что она освещала стены вокруг него. Аларик отвернулся. Он видел, что таится под этой маской.

Он огляделся: темно-синее с золотом, сирены, паника. Что-то пошло не так. Аларик чувствовал, как разозлила демона внезапная помеха. Вдруг разом стемнело, и видение планеты с восьмиконечной

звездой возникло в небе. Раэзазель
рассвирепел, сила его эмоций едва не
сшибла Аларика с ног.

Аларик понял, где побывал. Так
Раэзазель появился на Дракаази.

Ложь раскрылась. Аларик наконец-то
увидел все, что Раэзазель пытался скрыть
от него.

Пытаясь овладеть Алариком,
Раэзазель позволил их разумам
соприкоснуться. В разуме демона была
сокрыта тайна самого Раэзазеля, тайна
Дракаази и Молота Демонов. Теперь
Аларик видел ее, сияющую перед ним,
разворачивающуюся, будто летопись.

Она потрясала. Она вселяла ужас, но
это была правда.

Аларик наконец понял.

На этот раз была боль.

Сознание хлынуло в Аларика столько быстро, что под градом ощущений он снова чуть не лишился чувств. Жгучая, слепящая боль пульсировала в его позвоночнике, заполняя разум, так что мысли отказывались обретать форму. Было чувство холода в спине и ощущение того, что он пойман в западню, заперт, раздавлен.

Нахло кровью и потом.

Аларик ухватил ртом воздух и заставил себя открыть глаза. Яркий свет ослеплял, и Аларик скорчился на земле. Что-то зазвенело, металлический звук поверх ровного гула боли.

Аларик удержался от нового погружения в беспомощность. Для этого потребовалось усилие воли, а ее у него

осталось совсем немного.

Воспоминания о демоне еще клубились в его мозге. Он попытался заглушить их, изгнать прочь, очистить свой разум верой. Грудь его поднялась, и он снова чуть не потерял сознание.

Потом он снова смог дышать.

Он знал правду. Он хотел рассказать ее кому-нибудь, но сначала должен был убедиться, что разум его не пострадал.

Глаза его привыкли быстро. Свет в помещении был довольно тусклым, но для Аларика он казался почти невыносимо ярким после долгого пребывания в темноте. Это была маленькая, душная, грязная камера в знакомом металлическом чреве «Гекатомбы». Он предположил, что находится где-то под главной тюремной палубой.

Перед ним стоял Келедрос, раздетый до пояса. Бледная грудь эльгара была в крови. Чужак не был ранен, и Аларик предположил, что кровь, должно быть, его, так же как и та, что была на заостренном металлическом осколке в руках у Келедроса.

Аларик опустил взгляд на свою руку, откуда расходились волны боли. Его сознание посылало в мозг порции эндорфинов, которые притупляли боль --- типичная физиологическая реакция для костогесантника, но боль все равно была ужасной. Рука его была распорота от локтя до запястья, и из обнаженной мышцы торчало несколько иглоз, воткнутых в нервные центры с такой точностью, что худшей боли не причинить.

Аларик попытался заговорить, но лишь беззвучно открывал рот. Его нервная система не слушалась. «Обычный организм не выдержал бы шока», --- слутно подумал он. И снова он остался жив, потому что был костогесанником.

Келедрос выдернул пару булавок из руки Аларика. Аларик снова смог дышать и жадно втягивал воздух, грудь его вздымалась. Он понял, что прикован к стене, причём раненая рука закреплена жестче, чем остальное тело, чтобы Келедрос мог работать без помех.

--- Ну вот, --- сказал Келедрос.

--- Что... почему я здесь?

— Ты был в бреду. Довольно долго. Я пытался привести тебя в чувство, чтобы с тобой можно было иметь дело. Мне это удалось?

— Да, — ответил Аларик, надеясь, что это правда. — Где я?

— На «Гекатомбе».

— Я знаю. Где на Дракаази?

— Примерно в недели хода от «Бегствия», — сказал Келедрос.

Аларик снова посмотрел на свою руку. Для того, что с ней проделали, крови было очень мало.

— Тебя этому научили в храме Скорпиона? — спросил он.

Келедрос с интересом взглянул своими влажными глазами на Аларика.

— Нам ведомы многие пути, — просто ответил он.

— Ты собираешься развязать меня?

— Когда рана закроется. Из-за преждевременной активности она может долго не заживать.

— А тебе этого не хотелось бы.

И снова этот странный взгляд. Келедрос был явно недостаточно знаком с

человеческими повадками, чтобы
распознать сарказм.

--- Не хотелось бы. Нам ни к чему,
чтобы ты был выведен из строя.

--- Зачем ты разбудил меня?

--- Скоро ты будешь в Вел'Скане.

Многие считают, что наши жизни на
играх будут зависеть от того, сможешь
ли ты возглавить нас. Я полагаю, что
возник спор. Гирф хотел оставить тебя
как есть. Многие из его людей начинают
боготворить тебя, Аларик. Вслед за тобой
они сделали первые шаги.

--- Шаги к чему?

--- К забвению, Серый Рыцарь. Они
видят в тебе пример того, как человек,
лишившись рассудка, может тем не менее
стать настоящим убийцей. Думаю, они
говорят об этом с таким же жаром, как
Эрхар говорит о своей Земле Обетованной.
Гирф на этот раз уступил в споре,
поэтому я предложил привести тебя в
чувство. --- Келедрос удали оставшиеся
булавки из руки Аларика. --- Я вижу, ты
быстро поправляешься.

--- Это верно.

--- Тогда не обязательно делать
мелкие стежки.

Келедрос достал иглу с прогетой в
нее ниткой и начал зашивать Аларик
руку. Аларик был почти рад боли. Это
было нечто реальное, то, что он мог
действительно испытывать, не гадая, уж
не является ли это очередным этапом его
превращения в нечто ужасное.

--- Что я сделал? --- спросил он. ---
Когда был... когда я был не я?

--- Ты убил многих, --- сказал
Келедрос, --- включая Лючецию Злобную,
Кровавого Нса Тремулона и Дейнаса, сына
Кианона, причем некоторых --- довольно
зрелищно; ну и, конечно, множество рабов
помельче рангом.

--- Это был не я, --- сказал Аларик. ---
Меня там не было.

Он поморщился, когда Келедрос
очередной раз проткнул его кожу иглой.

--- Приятно слышать. Ты едва ли
захотел бы бежать в таком состоянии.

--- Вот почему ты согласился вернуть
меня.

--- Конечно. Я хочу вырваться из этого

тира, Серый Рыцарь. Среди узников ты, вероятно, сильнее всех жаждешь свободы и, конечно, наиболее способен добиться ее. Остелюсь сказать, что Вел'Скан -- это наш последний шанс.

Келегрос закончил зашивать руку Аларика. Учитывая, что эльдару пришлось обходиться подручными инструментами, работа была сделана отлично. Аларик спросил себя, какими же путями ходил Ксенос, пока один из них не привел его на Дракаази.

-- Долго еще до Вел'Скана? -- спросил Аларик.

-- Несколько дней, -- ответил Келегрос. -- Это будут великие изгрызы. Многие из лучших гладиаторов сразятся за титул чемпиона Дракаази.

-- Понятно.

-- Ты станешь одним из них.

Аларик улыбнулся:

-- Конечно, стану. Толпа меня любит.

-- О да, юстикар. Я для нее всего лишь Келегрос Отверженный. Или иногда Зеленый Призрак, но это не слишком популярно. Ты же -- Аларик Покинутый.

Юстикар Кровавый, Кровавая Рука Бога-
Труна. После смерти тебе поставят
памятники. Будут рассказывать о том,
как Император послал лучших своих
воинов победить варн и как один из этих
лучших стал легендой арен. Ты будешь
вдохновлять чемпионов. Отребье Гхаала
станет пробивать себе дорогу в ряды
лучших гладиаторов, потому что когда-
то Серый Рыцарь сделал это. Тебя
никогда не забудут здесь, юстикар.

--- Ты говоришь как мой поклонник,
чужак, --- уныло сказал Аларик.

--- Слава --- один из способов выжить на
Дракаази, --- ответил Келегрос, освобождая
Аларика от пута. --- Сам я не выбрал бы его,
поскольку стать тем, чем ты не
являешься, неприятно для пути, по
которому я иду. Что, однако, не означает,
что это неэффективный способ остаться
в живых. Действительно, ты
единственный раб, у которого в жизни
может быть цель. Ты даже можешь
однажды стать чем-то большим, нежели
раб. Такая свобода будет достигнута
ценой потери твоей индивидуальности, но

все же это будет свобода.

--- Я бы скорее умер, чем стал чемпионом варна, --- сказал Аларик.

--- Понимаю, но, возможно, у тебя не будет выбора.

--- После Вел'Скана будет знать точно.

Оковы, удерживавшие Аларика, наконец спали, и он едва не рухнул на колени. Все мышцы у него болели. Должно быть, по милости Келедроса он довольно долго оставался связанным. Аларик оглядел себя. Он был обнажен до пояса; на его груди и руках появилось бесчисленное множество новых шрамов. Также на нем теперь было клеймо: грубый рубец в виде стилизованного черепа Кхорна, выжженного у него на груди.

--- Когда я обзавелся этим? --- спросил он.

--- После жертвоприношений, --- как нечто само собой разумеющееся, ответил Келедрос. --- Тебя наградили.

Ненавистный символ, казалось, устоялся на Аларика.

--- Значит, меня пометили, --- сказал

он себе.

--- Ты воспринял это как великую честь. Турф и его люди теперь стремятся заслужить такую же метку.

Аларик потрогал клеймо. Оно уже заживало и тем не менее болело. С этим символом на коже Аларик чувствовал себя нечистым. Когда он вернется на Титан, нужно будет удалить его с кожи.

Никогда еще Титан не казался ему таким далеким.

--- Ветер стих, --- сказал Келегрос, бережно заворачивая свои импровизированные скальпели и иглы в тряпицу.

Похоже, он очень берег свои пыточные инструменты. Аларик был поражен, что Келегрос так долго ухитрялся прятать их от сцефилигов. Чужак пользовался на «Гекатомбе» куда большей свободой, чем любой другой раб, он мог тайно делать операции и ходить где пожелает. Келегроса держали в плену опасности Дракаази, а не «Гекатомба».

--- Надсмотрщики скоро погонят нас на весельную палубу. Если тебя не будет,

возникнут позорения.

Аларик подвигал руками, проверяя плечи и спину. Они болели. Казалось, он сражался часами, как когда-то против своего друга Танкреда. Дело не только в том, что он был связан, он сражался целыми днями напролет почти без перерывов. Должно быть, он добыл великую славу Кхорну. Должно быть, принес множество черепов к Трону Черена.

— Значит, я должен быть готов к работе, — сказал он. — Аларику Покинутому не к лицу опаздывать.

Вел'Скан!

Некий древний бог ли возжелал небывалой красоты и в ответ возник Вел'Скан? Титан ли возмечтал об алтаре для кровавых жертвоприношений и построил Вел'Скан как воплощение своего безумия? Или же битва между богаты варна случилась здесь и они рассыпали свое оружие по Дракаази стальным дождем, после

которого огромная гора Госпехов оказалась обитаемой?

Один лишь вид Вел'Скана лишает людей разума. Мечи и щиты, шлемы и древки копий, все, с помощью чего один человек способен изувечить другого, но только митанических размеров, грохочутся на кровавом берегу. Здесь — храм внутри латной перчатки! Там — причал, сделанный из палаша. Тут — покачивается стреля, на котором болтаются повешенные в сотнях казней. Повсюду Вел'Скан, сводящий с ума своими размерами. И один вопрос терзает, словно тупая боль, душу: на какие же убийства были способны эти огромные орудия смерти?

Какое величие заключено в этом месте, столице всей Дракаази, резиденции знатнейших ее лордов? Какую

славу Богу Крови, какую клятву
смерти, какой образ
кровопролития и геенны
огненной, следующей за ним,
несет порожденный войной город
Вел'Скан?

«Мысленные
путешествия святого
еретика»,

написанные
инквизитором
Хельтандаром
Освайном

(запрещены Ордо
Еретикус)

Аларик впервые увидел Вел'Скан с
весельной улыбкой «Гекатомбы». Корабль
неспешно приближался к столице, и его
приветствовали шеренги воинов, стоявших
на страже по берегам кровавой реки.

Рабы вокруг него склонили головы,
занятые тем, чтобы попасть в ритм,

отбываемый старшим надсмотрщиком
сцефилидом. Аларик, однако, хотел
увидеть, что их ожидает.

--- Юстикар, --- позвал голос сзади.

Аларик рискнул оглянуться и увидел,
что позади него сидит Хаггард. Старому
хирургу, похоже, сильно досталось за
последнее время. Глаза его ввалились, кожа
была неестественно бледной. Он тоже
страдал, поскольку щеголял несколькими
свежими шрамами и ранами, перевязывал
которые, должно быть, сам. В преддверии
изгнания в Вел'Скане Веналитор не щадил
никого.

--- Хорошо, что вы вернулись.

--- Спасибо, Хаггард.

--- Вы... прежний, правда?

Аларик улыбнулся:

--- На некоторое время я перестал
быть собой. Веналитор попытался
заставить одного из своих ручных демонов
овладеть моим разумом. Я не поддался, но
сопротивление на какое-то время лишило
меня рассудка.

--- Вы творили ужасные вещи, ---
сказал Хаггард.

--- Знаю, но я делал их и до того, как попал на Дракаази.

--- Вас называют претендентом на титул.

--- Кто?

--- Люди Гирфа. Они... на самом деле уже не с нами. Веналитор пообещал им что-то, если они будут хорошо драться, и Сцефулидам тоже. Мы... Эрхар, и я, и еще некоторые... мы говорили о том, чтобы убить вас. Сцефулиды узнали и очень наглядно объяснили, что случится с нами, если главной надежде Веналитора будет причинен вред.

--- Ну, тогда я рад, что этот договор убедил вас.

Хазгард слабо улыбнулся:

--- На мой взгляд, я уже погвел вас однажды. Два раза --- это уже неприлично.

--- Нет, Хазгард. Вы делали все, что должны были делать, чтобы выжить. Я не могу никого упорять в этом после всего, что я сделал на этой планете. По крайней мере, это окончится здесь.

Аларик вновь бросил взгляд на город, проплывающий мимо. Он увидел дворец

лорда Эбондрака, выстроенный внутри
огромного человеческого черепа с
торчащим из глазницы заржавленным
кинжалом. Череп принадлежал одному из
гигантских воинов, сражавшихся на
Дракаази, и теперь он злобно скалился на
город.

--- Здесь ты вырвется из плена, ---
сказал Аларик.

--- Почему здесь? --- осторожно спросил
Хаггард. --- Что здесь такого, в этом
Вел'Скане?

--- Молот Демонов, --- ответил
Аларик.

Десять тысяч солдат Вел'Скана на крупнейшем городском плацу бросилось на воткнутые в землю мечи. Чаша перевернутого щита начала заполняться кровью, когда тела в доспехах заскользили вниз по своим клинкам, тучась, но сдерживая крики боли. Ни один так и не закричал, и в безупречной тишине они умерли, чтобы освятить кровью грядущее действо в Вел'Скане.

Последнее тело перестало содрогаться. Жрецы Кхорна оточили в крови полы своих шитых медными нитями одежд, бродя между жертвами. Они шарили в прибывающей крови своими ритуальными ножами и пристально разглядывали клубки кишок. Они изучали углы, под которыми мечи солдат пронзили их тела. Они поднимали забрала их

илетов, внимательно встатриваясь в
выражение измененных тучацей лиц.
Несколько часов продолжали они свои
прорицания, пока тучи насекомых не
слетелись на свежие трупы и кровь не
начала свертываться, образуя
запораживающие узоры на поверхности
медного щита.

Наконец жрецы собрались на краю
щита. Они долго спорили, то горячась, то
с почтением выслушивая наиболее
уважаемых. Во время спора они лениво
слизывали кровь с клинков своих ножей.

В конце концов они пришли к
соглашению. Одного из них, самого
древнего, послали сообщить их мнение во
дворец лорда Эбондрака — гигантский
череп с кинжалом в глазнице, скалящийся
на них со своего места над городом.

Прорицания обнадеживали.
Очертания потоков крови сулили в
ближайшем будущем еще большую кровь,
такую, что ее волну будет не остановить
и лорду Эбондраку со всеми армиями
Дракаази, даже если бы они и захотели.
Каждое вырванное сухожилие предвещало

кровь и резню в огромных масштабах.

Кхорн улыбался порожденному войной городу. Изры Вел'Скана можно было начинать.

У них было мало времени. Меньше чем через час, как они догадывались, их погонят на арену столицы Дракаази, и тогда будет уже поздно. Поэтому они собрались в пустом отсеке на «Гекатомбе», выставив часовых, чтобы предупредить, если заявятся сцефулиды с племянниками. Того, что столько рабов собрались вместе, уже было достаточно, чтобы разогнать их и запретить в штрафные камеры.

--- Ты, --- сказал капрал Дорваз.

--- Да, --- ответил Аларик, --- я.

Капрал имел самый высокий чин среди всех выживших солдат гатранской бронекавалерии, привезенных на Дракаази. Гатранских гвардейцев перекидывали с арены на арену, мучили и убивали, пока не превратили в упорно цепляющихся за жизнь существ, а именно такие рабы и нужны были лорду Эбондраку для арены.

Вел'Скана. Дорваз был худым, щеки его запали, единственный оставшийся глаз ввалился и глядел угрюмо. Он все еще донашивал остатки гатранского мундира, контрастировавшие с самодельными ножнами под нагрудным ремнем.

— Ты убивал нас, — сказал он, — многих из нас, на «Бегствии».

— Это так, — ответил Аларик. — Я почти принадлежал Кхорну, но пал не до конца и сумел вернуться.

— Некоторые из наших окончательно утратили волю, когда поняли, что костогесантник сдался. Сначала ты бросил свой пост на линии обороны у Бледного Хребта, а потом стал палачом на арене. — Голос Дорваза звучал ровно, но в нем было столько ненависти, что капрала буквально трясло.

— Ты можешь ненавидеть меня, капрал, и отказаться иметь со мной какие-либо дела. Или можешь на несколько часов забыть об этом и присоединиться к нам. В последнем случае у тебя будет шанс выбраться с этой планеты.

Дорваз снова сел и посмотрел на

остальных людей, собравшихся в отсеке. Эрхар, набожный бывший лейтенант Имперского Флота, стоял по одну сторону от Аларика. По другую сторону был Турф, главный психопат даже на непрофессиональный взгляд и киллер с впечатляющим послужным списком. Хирург Хаггард и ксенос Келегрос дополняли разношерстный состав комитета по подготовке побега рабов «Гекатомбы». Аларик мельком подумал, как странно это, должно быть, выглядит со стороны. Космогесантник и эльдар рядом и не пытаются убить друг друга --- одно это уже достаточно удивительно.

--- Какие у нас шансы? --- без особого энтузиазма спросил Дорваз.

--- Я бы не стал тайно проводить тебя сюда, --- сказал Келегрос, --- если бы не было смысла делать это.

--- Тебе повезло, что я не прикончил тебя в тот же миг, как ты притронулся ко мне своими лапами, --- бросил Дорваз чужаку.

--- Тогда ты понимаешь, почему мне пришлось сделать это не самым учтивым

образом, -- спокойно ответил Келегрос.

Аларик был уверен, что лишь эльдар может уходить с «Гекатомбы» и возвращаться незамеченным, и по просьбе костогесантника тот привел на нижнюю палубу Дорваза с повязкой на глазах.

-- Так каков же план? -- спросил Дорваз.

-- Перебить всех, -- ухмыльнулся Турф.

-- В самом деле?

-- Ну, нетножко похитрее, -- пояснил Аларик, -- но по существу -- да. При помощи рабов арены Вел'Скана мы устроим восстание прямо на ристалище. Если это произойдет во время боя, начнется изрядная неразбериха. Поверьте мне, толпа может стать нашим оружием, если знать, как использовать ее.

-- Про это я слышан, -- заметил Дорваз. -- Говорили, что костогесантник устроил мятеж в Горгафе. Я предполагал, что это ты, поскольку тут не так уж много костогесантников. Но даже если ты и прав, среди рабов арены есть ветераны, которые помнят последнее восстание.

Беглецы тогда погибли, все до единого. Даже если мы сумеет вырваться, нам не выстоять против Змеиной Стражи.

--- Этот верзила говорит, что у него есть план, --- хмыкнул Гирф. --- Однако не слишком-то распространяется.

--- Страх, что всякое восстание будет подавлено, --- вот что на самом деле удерживает нас, --- сказал Эрхар, --- нас и всех остальных рабов Дракаази. Если мы должны преодолеть его, Аларик, то нам надо знать, что есть, по крайней мере, шанс остаться в живых после побега.

--- Верно, --- подхватил Гирф. --- Наш везунчик, может, хочет помереть с труской ради своего Императора, но мы все предпочли бы лучше парочку лет понаслаждаться свободой.

Все взгляды обратились на Аларика. Это была правда. Он зашел уже слишком далеко. Пришло время сказать и правду.

--- Кто из вас, --- начал он, --- слышал про Раэзазеля Лукавого?

Раэзазель был уже воистину древним, когда попал в расставленные Тзинчел

сети судьбы. Демон тысячелетиями служил Тзинчү, но, конечно, он не являлся слугой Бога Лжи в полном значении этого слова, поскольку Тзинч не признавал столь скучного занятия, как отдавать приказы. Он манипулировал, внедрял полуправду в уты врагов и сторонников, чтобы они сошлись в нужной точке пространства и времени, дабым-дабым намеченной Тзинчем.

Очень редко он обращался к душам своих слуг. Это была великая честь, и в то же время этого нужно было стертельно опасаться, поскольку бог лгал. Это также означало, что Тзинч настолько недоволен, что снизошел до такого заурядного занятия, как разговор бога со слугами.

Тзинчү требовались души — новые слуги или корт, а может быть, изгрүшки, — чтобы посадить их в сводящий с ума лабиринт в варне и наблюдать за их мучениями, улыбаясь тысячей ртов. Так или иначе, ему нужны были души, и чем святее, тем лучше. Чем самозабвеннее они верили в своего мертвого Императора, фальшивого бога, сидящего на Терре, тем

сладостнее бұдұт их ұжас и безұтие.

Раэзазель Лукавый был занят поисками таких дұш и доставкой их к Тзинчү. Для чего они нұжны, Раэзазеля не касалось. Вполне возможно, Тзинчү они и не были нұжны вовсе, а важен был лишь факт их похищения, который должен был привести в действие невероятно сложную последовательность событий, желательных для Бога Лжи. Это не имело никакого значения. Тзинч являлся Раэзазелю в сновидениях и в виде знамений и тысячами голосов говорил ему, что нұжны невинные дұши, и только это было важным.

В прошлом у Раэзазеля было много обличий. Такому, как он, было вредно долго оставаться одним и тем же сұществом, но ради Тзинча Раэзазель готов был на долго принять облик даже заұрядной посредственности. Он стал человеком. Он сделал этого человека величественным и прекрасным, исполненным харизмы. Со злой иронией, столь любимой Богом Лжи, он сделал так, чтобы каждое слово этого человека казалось правдой. Он добрался до

зоны изолированных миров и провозгласил
себя пророком, летая между этими
наивными мирами и вводя в заблуждение
их народы. Это было непросто. Среди
людей было немало закаленных
миссионеров Имперского Кюльта,
объявивших пророка Раэзазеля еретиком и
призывавших людей ополчиться против
него и сжечь его на костре. Некоторые
даже утверждали, что он демон из варпа,
явившийся, чтобы ввести людей в
искушение и увлечь навстречу некой
ужасной судьбе, и Раэзазель находил
извращенное удовольствие в том, что в
своем гневе они случайно наткнулись на
истину.

Раэзазель был слишком великолен,
чтобы пасть жертвой черни с факелами и
вилами. На каждого богобоязненного
подданного Императора, желавшего его
смерти, находились двое-трое других,
которые видели убожество их вселенной и
мечтали обрести нечто большее в посулах
Раэзазеля. Его культ усиливался, и вскоре,
уже без всякого его участия, проповедники
понесли его слово дальше. Правители и

знать пали жертвами его чар, потому что лучше, чем кто бы то ни было, знали, насколько слаб и жалок человек, и им ужасно хотелось для себя чего-то большего.

Именно тогда Раэзазель придумал землю обетованную. Он поведет их туда, где нет ни страданий, ни ненависти. Там не будет ни сборщиков погателей, обрекающих их на нищету, ни проповедников, всякую невинную мысль объявляющих грехом, ни закона, чтобы держать их в страхе. Они будут свободными.

Они подыскали костический корабль и вложили в него все свои средства, чтобы сделать его достойным варна и домом для тысяч своих приверженцев. Внутри него соорудили алтарь Раэзазеля и заодно бесчисленное множество мест поклонения другим святым и праведникам, внедрившись в умы культистов без всякого участия Раэзазеля. Этот корабль был святой землей, огромным ковчегом, одновременно символом и средством спасения.

В день старта, перед тем как

освятить корабль, Раэзазель предстал перед ними и рассказал, куда они направятся, чтобы попасть в святую землю. Местом их назначения было Око Ужаса, сильнейший варп-шторм, незаживающая рана на ночном небе. Там, среди порочных миров Ока, в этой жестокой вселенной были врата, через которые правоверные могли достичь Земли Обетованной. Око Ужаса было испытанием, символом страха, через который должны были пройти верующие, чтобы доказать непоколебимость своей веры и заслужить право на Землю Обетованную. Там они встретятся с истинным Императором, и там их ждет вечное блаженство.

Корабль стартовал. Раэзазель был на нем, наслаждаясь величием алтаря, сооруженного в его честь, глотая над своей паствой в каждом слове и благословении. Корабль достиг Ока Ужаса, и там непредсказуемые приливы варпа стихли, быть может, случайно, а может, по непостижимой воле Тзинча. Корабль вынырнул из варпа и очутился перед

сверкающей прорехой в костосе, дырой в реальности, за которой поджигал Тзинч, чтобы поглотить их или насладиться страданиями тысяч пилигримов, поющих хвалу Раэзазелю.

Однако паломники были всего лишь людьми, и им было свойственно ошибаться. В своих навигационных исчислениях они не учли один из множества миров, плывущих по Оку Ужаса на волнах непредсказуемых приливов и отливов. Как раз такая планета оказалась на пути корабля, вынырнувшего из варпа, и он угодил в ее зону гравитации и по спирали устремился к поверхности.

Пилигримы завопили. Раэзазель был в ярости. Он был так близок к тому, чтобы исполнить волю Тзинча. Его, несомненно, возвысили бы в благодарность за доставленных пилигримов, позволили бы хоть немного постичь великую тайну вселенной. Теперь какая-то банальная техническая ошибка разрушила все его планы. Раэзазель остался на корабле, пытаясь при помощи магии вернуть его на правильный курс, но сил демона было

недостаточно, чтобы преодолеть
притяжение планеты.

На обзорном экране корабля
пилигримы увидели на поверхности
планеты огромную восьмиконечную звезду,
образованную каналами и реками, полными
крови, и лишь немногие из них поняли,
какую судьбу уготовил им их пророк.

Корабль рухнул на город и оказался
настолько прочным, что выдержал удар, но
люди находившихся в нем людей такой
прочностью не обладали. Безумие и
последовавшая за этим бойня были столь
чуждовищны, что планета согрозилась.
Разазель ускользнул с корабля и скрылся в
ужасных, пропитанных кровью городах и в
конце концов был обнаружен и побежден
молодым чемпионом Веналитором.

Такова была правда, которую Аларик
отыскал в лихорадочных воспоминаниях
Разазеля.

Планета называлась Дракаази.

Корабль носил имя «Молот Демонов».

Через некоторое время после
совещания заговорщиков Аларик отыскал

лейтенанта Эрхара в потайной молельне
верующих. Эрхар был один. Его паства
разошлась кто куда, безмолвно молясь об
избавлении от ужасов изгн Вел'Скана.
Эрхар сидел понурившись перед головой
статуи, служившей верующим алтарем.

--- Я понимаю, что ты чувствуешь, ---
немного помолчав, сказал Аларик. --- Ты
пытаешься услышать Императора,
разобрать его слова в неразберихе
собственных мыслей. Он где-то там, но
один Варн знает, где его найти.

Эрхар оглянулся. Похоже, он даже не
слышал, как Аларик вошел.

--- Полагаю, нам нужно поговорить,
юстикар.

Аларик подошел ближе. Он увидел,
что Эрхар осунулся и побледнел, как
глубоко потрясенный человек.

--- Ты не веришь мне.

--- Я не знаю, чему верить. У меня
есть моя вера, но это нечто совсем иное.

--- Ты знаешь, что сказанное мной ---
правда, Эрхар. Книга, на которой ты
основывал свои проповеди, была найдена на
этой планете, не так ли? Я думаю, что

это записи последователя Разазеля. Соприкоснувшись разумом с Разазелем, я увидел все. Я видел, что «Молот Демонов» действительно существовал. Это вовсе не магическое оружие. Не метафора ваших страданий. Это костяной корабль, и он все еще здесь.

— Значит, все, во что мы верили, — лишь порождение демонической порочности и лжи, — сказал Эрхар.

Он достал из внутреннего кармана кителя молитвенник, грязный и истрепанный за долгие годы, и протянул его Аларику.

Аларик посмотрел его. Эрхар сидел, глядя на него, и Аларик не мог даже представить, что тот должен чувствовать теперь, когда все, во что он верил, пошатнулось.

Это был судовой журнал, написанный капитаном, разумом которого владели религиозные видения. Ежедневные записи читались словно притчи. Корабль описывался как метафора веры, его полет — как странствия души. Речи капитана оформлялись в виде проповедей или

житнов. Не зная, что это был реальный корабль, легко было предположить, что «Молот Демонов» — лишь еще одна метафора среди многих.

— Вера — это не ложь, — сказал Аларик. — Сколько из твоих верующих смогли бы выжить без нее? Сколько поддались бы скверне?

— Какая тебе разница? — огрызнулся Эрхар. — Ты никогда не верил, никогда. У нас было к чему стремиться, а теперь этот демон утверждает, что это он доставил «Молот» сюда.

— Я заглянул в его разум, — сказал Аларик. — Это было ясно как день.

— Откуда ты знаешь, что это не очередная ложь? — Эрхар поднялся. Аларик утверждал, будто все, во что Эрхар верил, оказалось вымыслом, и его недоверие к словам Серого Рыцаря обернулось гневом. — Быть может, это снова козни демона, чтобы сломить нас, отнять то последнее, что у нас еще осталось. Или же это часть некоего плана во исполнение воли Бога Лжи.

— Сомневаюсь, что в планы Разазеля

входила неудавшаяся попытка сделать
меня одержимым, — сказал Аларик.

— Для борца с демонами ты слишком
доверчив. Какие у тебя есть
доказательства того, что «Молот» еще
здесь?

— Никаких! — с досадой огрызнулся
Аларик. — Конечно никаких! Но это все,
что у нас есть. Надеюсь, мне известно, где
находится «Молот» и как мы сможем
покинуть на нем эту планету. Были ли вы
когда-либо настолько близки к спасению?
Быть может, все это ложь, быть может,
«Молота» никогда не было здесь. Быть
может, эта проклятая штуковина вообще
больше не полетит, но все же это лучший
шанс, какой у вас когда-либо был. Сколько
вы еще намерены дожидаться земли
обетованной, Эрхар? Пока последний из вас
не утрет или не снятит?

Эрхар покачал головой.

— Ты и теперь используешь нас, —
сказал он. — Тебе нужен экипаж для
космического корабля. Мои верующие и я
лучше всего годится для этого. Иначе ты
бы бросил нас здесь.

— Нет, — сказал Аларик. — Мы улетим все. Вы нужны мне, чтобы вести корабль, это правда, но еще больше мне нужно навредить Дракаази. Подумай сам, лейтенант, если лучшие рабы планеты исчезнут из-под носа у лордов в разгар важнейших игр, каковы будут последствия? Подумай, какое это оскорбление для их бога. Представь, сколько будет взаимных обвинений. Представь, в конце концов, выражение их лиц, когда они поймут, что мы ускользнули. Раньше или позже ты утратишь здесь, и твой череп ляжет в постамент трона Кхорна. И если у тебя появился шанс не сделать им такого подарка, разве ты не должен воспользоваться им?

— Просто выжить еще недостаточно.

— Ты нанесешь поражение Кхорну, разве этого мало?

Эрхар прислонился к импровизированному алтарю. Он поднял глаза на Аларика, в них стояли слезы.

— Я хочу покинуть этот мир... Я этого очень хочу... и вот появился такой шанс, но что, если это очередная ложь? Ее

уже было столько, юстикар, про Императора, про Императора. Теперь ложь демонов и отчаяние обреченных людей привели нас сюда. Где же здесь правда?

--- Думай об этом так, --- сказал Аларик, опускаясь на колени, чтобы не слишком возвышаться над Эрхаром. --- Если мы проиграем, то умрем. Я верю, что после смерти мы присоединимся к Императору в конце времен, чтобы сражаться рядом с ним против всего зла вселенной. Это не так уж и плохо. Погибнуть, пытаясь уязвить гордость Кровавого Бога... что ж, об этом не стыдно рассказать другим призракам.

--- Да простит меня Император, я хочу выбраться отсюда. Я хочу... Я хочу умереть. Я не могу больше видеть страдания моих верующих. Я всего лишь человек. Святой, быть может, остался бы здесь. Святой страдал бы и стал бы учеником, чтобы показать галактике, что способны сила воли и слово Императора.

--- Святой увел бы своих последователей с Дракаази обратно в

Ципериум, чтобы проповедовать всей галактике то, что постиг здесь, — сказал Аларик. — Пусть ты всего лишь человек, Эрхар, как и любой из нас. Если мы выберемся отсюда живыми, ты сможешь стать проповедником. Если нет, значит, ты умрешь славной смертью, и это намного лучше, чем то, чего когда-либо удостоится большинство наших сограждан.

— Это повредит Дракаази? — спросил

Эрхар. — Вы обещаете?

— Обещаю, лейтенант. Улетите на «Молоте Демонов» с этой планеты, и они никогда не забудут своего позора.

— Полетят все наши. Все, кого вы сможете взять.

— Все.

— Тогда мы с вами.

«Гекатомба» отошла от сделанного
из палаша причала, и толпы сцефилигов
потащили ее по горловине огромной
кирасы. Внутри было темно, лишь
перелигивались красные глаза тысяч
летучих демонов, рассевишихся на
внутренней поверхности кирасы. Корабль
проволокли через кровавое болото,
лежащее под Вел'Скана, — остатки
бесчисленных жертвоприношений на
алтарях города наверху. В наиболее
благочестивые времена
жертвоприношений было столько, что
кровавое болото разливалось и
затапливало самую старую часть города.
Было добрым знаком, если кровь доходила
до верхних отметок, нанесенных на
гигантские доспехи. В предвкушении
скорой битвы за титул чемпиона

Дракаази кровь поднялась очень высоко.

«Гекатомба» достигла тюремного комплекса, находившегося в огромном запутанном лабиринте из медных опор и стальных клинков, бывших некогда частью исполинского орудия пыток. Комплекс располагался под ареной Вел'Скана, и в нем обитали рабы арены, среди которых были и оставшиеся в живых солдаты гатранской бронекавалерии.

«Гекатомба» встала на якорь у тюремного причала, чтобы рабы Веналитора не спешили с рабами арены. Веналитор покинул корабль в сопровождении почетной стражи из сцефилигов во впечатляющих племенных доспехах, гордых представителей народа, обитавшего, как лишь недавно узнала Дракаази, в недрах пустыни.

Многие из рабов Веналитора проводили последние тренировки, чтобы не потерять форму, тщательно подбирая оружие и доспехи для изгн. Чные молились. Некоторые плакали, уверенные в том, что настал их конец и что они умрут на глазах у обитателей Вел'Скана. Орки вели

себя необыкновенно тихо, лишь Одноухий часами рычал ил что-то на грубом корочьем языке. Не все знали, что Аларик замыслил побег. Мало кто осознавал все безумие этой затеи, но все они знали, что Веналитор будет доволен, если все они умрут, коль скоро это произойдет на глазах у зрителей.

--- Я готов, юстикар, --- сказал Хаггард. --- Я буду драться.

--- Знаю, что будете, --- проворчал Аларик. --- Я не смог бы остановить вас, даже если бы захотел, верно?

--- А вы бы захотели?

--- Для нас было бы лучше, если бы вы остались в живых, --- ответил Аларик. --- Никто не знает, что может случиться, но я готов поспорить, что в конце всего этого хирург нам понадобится.

--- Все это не будет иметь значения, если нам вообще не удастся это сделать, --- возразил Хаггард. --- Я был солдатом. Я могу сражаться. Однако лучше было бы, если бы мне дали что-нибудь стреляющее. Я еле отбилсЯ от штыковой дрели.

--- Я посмотрю, что можно будет сделать.

Хазгард уже выбрал себе оружие: меч и щит лежали на плите, на которой он обычно оперировал.

--- Я не собираюсь штонать кого бы то ни было на этой плите снова, --- сказал он. --- Я был словно прикован к этой проклятой штуке. Трудно даже представить, что никто не будет больше истекать на ней кровью.

--- На «Молоте Демонов» был медицинский отсек, --- утешил Аларик, вызывая в памяти корабль из воспоминаний Разазеля, --- автохирурги, синтезаторы искусственной плоти, возможно, даже медицинские сервиторы.

Хазгард улыбнулся:

--- Не искушайте меня, юстикар. Сначала туда нужно еще добраться.

--- Доберемся. Я как раз хотел спросить вас об одной вещи. Клинок, который вы достали из меня, он еще у вас?

--- Меч? Да, у меня.

--- Он мне нужен.

--- Не самое лучшее оружие для вас,

юстикар. Он не больше кинжала.

--- Он нужен мне не для этого.

--- Ладно. --- Хаггард полез в один из карманов своего грязного фартука и достал сверток, тщательно замотанный в обрывки ткани, которые он использовал вместо бинтов. Хирург протянул сверток Аларикү.

--- Я думаю, что он отравлен, --- сказал Хаггард. --- Догадываюсь, что вы можете не обращать на это внимания. Но себе я такой роскоши позволить не могу.

Аларик развернул сверток. Внутри лежал обломок, извлеченный Хаггардом из его груди. Аларик вспомнил рану, нанесенную этим клинком. Она до сих пор до конца не исцелилась, а когда это произойдет, все равно останется напотивающий о ней шрам. Обломок был терзкого черно-зеленого цвета, и на его металле выступали капли яда. Хаггард был прав: если бы не усиленный метаболизм Аларика, яд убил бы его. Аларик утирал на Дракаази несколько раз, но он был костодесантником, и это означало, что все эти смерти были не в

счетом.

--- Как вы собираетесь его использовать? --- поинтересовался Хаггард.

--- Об этом я лучше промолчу, --- ответил Аларик, --- если не возражаете.

--- Дело ваше. --- Хаггард взвесил в руке выбранный им меч. Он был хорош для не слишком умелого бойца --- короткий и широкий клинок, предназначенный для колющих ударов. Он не спасет хирурга в поединке один на один с опытным противником, но вполне годится, чтобы воткнуть его в живот врагу, застав того врасплох. --- Когда это случится, Аларик, вы найдете меня?

--- Я не знаю, --- просто ответил Аларик. --- Найду, если смогу, но на арене будет такая каша, что мне трудно обещать.

--- Тогда, по крайней мере, не уходите без меня.

--- Уходят все, Хаггард. Если кто-то считает, что вы не из их числа, то он будет иметь дело со мной.

--- Я знаю, но все же... Однажды меня уже бросили на Азринне. Если такое

случится снова, это конец. Пронагнать
пропадом спасение души, я просто брошусь
на меч и покончу со всем разом.

--- Не понадобится. Это, во всяком
случае, я могу обещать. А теперь мне
нужно тоже подобрать оружие. Мой товарищ
остался в одном из Змеиных Стражников в
Горгафе.

--- Выбирайте как следует, Аларик.
Вас заставят драться с сильнейшими. Вы
знаменитость, и они хотят зрелища.

--- Мы устроим им зрелище, --- сказал
Аларик, --- хоть и не такое, на которое они
придут поглазеть.

Одержимые стражники с горящими
глазами и дымящейся кожей были ужасом
тюрьмы. Они были не настолько
свирепыми, как считалось, относясь к
рабам как к предметам, которые
следовало переработать в подходящий
расходный материал для арены при
помощи страха и жестокости. Их главарь,
громадное существо по имени Круулскан, с
хрюкающим свиным рылом вместо лица,
приказал выгнать рабов из отсеков в
помещения для подготовки.

Гул арен на поверхности отзывался
внизу. Сотни тысяч голосов пели гимн во
славу крови и жестокости. Свежепролитая
кровь первых жертв впиталась в песок
арены и струйками потекла по стенам.
Сквозь шум толпы слышались крики
жрецов. Они читали послания Кхорна по
кровавым разводам на песке и выкрикивали
ему хвалы. Все это было привычным для
рабов Вел'Скана, но никогда звуки у них
над головой не грели столь
оглушительно, никогда кровь не струилась
столь обильно по темным стенам и
стальным клинкам тюрьмы.

В помещениях для подготовки
хранилась тюремная коллекция оружия.
Здесь предпочитали плети и ужасные
кривые клинки. Гатранские гвардейцы
выбрали мечи, больше всего напотившие
кавалерийские сабли, которыми сражались
их предки, кочевые племена их родного
мира, такого далекого. Остальные рабы,
среди которых было много граждан
Империи, захваченных во время набегов
по всем воюющим мирам, вооружались
всем, что могло помочь остаться в

живых как можно больше.

Немногие из них знали, что никогда больше их не погонят сюда, не заставят страдать под плетью Крүүлскана. Они убегут — или умрут. Им приходилось доверять костогесантнику, а многие гатранцы именно костогесантников винили в случившемся на Сарпис Майорис. Однако Аларик был наилучшим союзником, на которого они только могли рассчитывать на Дракаази. Это был их единственный шанс.

— Сейчас вы умрете! — ревел Крүүлскан, щелкая плетью. — Сейчас вы умрете, счастливики! Ликуйте! Смерть — ваш слуга! Приветствуйте ее! Приветствуйте Кхорна! Кхорн — ваш господин! Умрите для него! — Крүүлскан ликующе захрипел. Казалось, вид толпившихся перед ним обреченных мужчин и женщин, готовых потешить цвет Дракаази, доставлял одержителю существу огромное наслаждение.

И лишь немногие из этих людей, знавшие, что должно произойти, просто ожидали, когда же начнется настоящее

представление.

Один из сцефилигов подошел к Аларикү и приказал ему спуститься вниз. Аларик пошел за существом, понимая, что сейчас не время навлекать на себя подозрения непослушанием. Его отвели в оружейный отсек под тюремной палубой и велели вооружаться.

Аларик был знаменитостью. Существо со столь дурной славой, как у него, и выглядеть должно соответственно. Свой прежний госпех он оставил в Горгафе, но ему не придется надевать вместо него разрозненные части госпехов раба. Он будет носить госпех Покинутого.

— У меня очень много вопросов, — сказал Аларик.

— И слишком мало времени, — ответил кузнец.

Как и тогда, когда они с Алариком встретились в Карникале, кузнец стоял у наковальни, докрасна раскаленными клещами зажимая последние кольца кольчуги. Его кузница была устроена в одном из множества помещений, сокрытых

в чреве «Гекатомбы», и кузнец черным
силуэтом вырисовывался на фоне красного
зарева. Рядом с ним стояла стойка с
доспехами, великолепными, сложными, с
сотнями сочленяющихся деталей, словно
панцирь огромого насекомого. Но их
размеру было ясно, что они могли быть
сделаны только для Аларика.

--- Кто ты?

--- Я -- это ты, -- сказал кузнец, --
который сдался.

Кузнец развернулся. Аларик сразу
узнал хирургические шрамы и черный
панцирь под кожей на груди.

--- Ты Астартес.

--- Нет, -- сказал кузнец и улыбнулся,
сверкнув зубами. -- Я перестал быть
костодесантником так давно, что время
ничего не значит для меня. Некогда я, как
и ты, был взят в плен повелителем этого
тира. Тот лорд уже мертв, но я все еще
служу. -- Он взглянул на свои ладони, все в
рубцах от долгой работы в кузнице. -- Эти
руки ковали оружие, убившее твоих
товарищей на Сартис Майорис. Я твой
враг. Мне сохранили жизнь и рассудок ради

навыков, которые я не утратил, поэтому я
служу Хаосу так же верно, как жрецы
самого Кхорна. Я не Астартес.

--- Из какого ты ордена?

Кузнец посмотрел на Аларика. На его
древнем обожженном лице могло бы
отразиться нечто вроде сострадания, но
сейчас оно выражало лишь безнадежность.
Человечность давно покинула его, утонув в
самой глубине глаз.

--- Я не помню, --- сказал он, --- но
Молот, он реален?

--- Да, сообщение, которое ты послал
мне на Горгафе, было верным, «Молот»
там, где ты и указал. Это костический
корабль.

Лицо кузнеца исказилось, поскольку
отвыкло выражать подлинное облежение.

--- Корабль! Конечно же! Не какая-
нибудь магическая безделушка, но
костический корабль! Из всех видов оружия,
какие могли бы быть спрятаны на
Дракаази, это --- самое ценное. Такое,
каким можно причинить ил наибольший
вред. --- Глаза кузнеца сияли. --- Я слышал
разные легенды, но это гораздо лучше!

Оружие, что я оставил для тебя в Горгафе, еще при тебе?

--- Нет. Меня опять поймали и отобрали его.

--- Досадно. Я гордился этой работой.

--- Я убил и несколько человек.

--- Что ж, по крайней мере, я не зря потратил на него время. --- Кузнец повернулся к госпожу, стоящему возле него. --- Надеюсь, это тебе подойдет.

--- Многие сегодня будут ставить на меня, так что, полагаю, меня должно быть хорошо видно в толпе.

--- Моя лучшая работа, --- сказал кузнец. --- Я очень долго ждал такого воина, как ты. Дело не только в том, чтобы защитить того, кто его носит, от ран, с этим справится любой кусок ржавого железа. Истинное мастерство в том, чтобы придать солдату новую форму, дать ему металлическую кожу как продолжение его самого, лицо, которое он представит миру. Тогда это уже искусство, Серый Рыцарь. Это искусство --- единственное, что стоит между мной и забвением.

— Это Венамитор приказал тебе сделать его? — спросил Аларик, рассматривая замысловатые пластины доспеха и любуясь, как они скользят, наслаиваясь друг на друга, словно чешуя змеи.

— Нет, — ответил кузнец. — Он приказал мне сделать тебе доспех. Но это не просто доспех.

— Ты можешь уйти с нами.

— Нет, Серый Рыцарь, не могу. Я должен служить. Я даже не помню, что это такое — сопротивляться. Только эта служба позволила помочь тебе, отковав для тебя оружие и доспех, как повелели мои хозяева.

— Ты понимаешь, что может случиться с этим миром, если я получу «Молот»?

— О да. Пожалуй, я даже жду этого.

Аларик принялся надевать доспех. Тот подходил ему идеально, словно был отлит из многих усиленных органов костодесантника, частью его самого, снова вернувшейся к нему.

— Значит, я вижу тебя в последний

раз, — сказал Аларик, застегивая на груди гибкий нагрудник.

— Значит, так.

— Ты очень помог мне.

— Я не сделал ничего, Серый Рыцарь.

В конце концов, ты Молот, а не я.

Аларик надел доспех. Тот ощущался легким, как его собственная кожа. Когда Аларик пристегнул поножи и поднял глаза, то увидел, что сцещилиды Веналитора уже ждут его у двери, чтобы сопроводить обратно на тюремную палубу.

— Готов наконец? — пробормотало одно из существ.

— Готов, — ответил Аларик.

— Тогда пора.

Аларик оглянулся, но кузнец уже склонился над своей наковальней и бил молотом по наполовину законченному мечу.

Сцещилиды нетерпеливо подтолкнули Аларика, и он вышел из кузницы.

— Начинается, — сказал Аларик.

Рабы Веналитора толпились на

площадке под главной трибуной под надзором сцесфилигов и воинов Элеиной Стражи, вероятно присланных следить, чтобы Аларик не затеял очередной мятеж.

--- Начинается, --- подтвердил Келегрос. Эльдар был в своем обычном зеленом доспехе и в дополнение к ценному мечу обзавелся еще парой простых, висящих за спиной в ножнах.

--- Тебе пора идти.

Рабов высаживали с верхней палубы «Гекатомбы» прямо в чрево арены. Сама арена выглядела как огромная шишковатая сфера, обвешанная гирляндами лезвий. Вдоль прохода внутрь арены стояли ряды вооруженных сцесфилигов, гнавших по нему пленников.

--- Мне опять идти одному?

--- У тебя талант проникать туда, где тебя не ждут, --- напомнил Аларик. --- Ты единственный, кто может это сделать.

--- Ладно, --- сказал Келегрос. --- Но я ничего не обещаю, человек.

--- А я ничего и не жду, эльдар. Да, вот

еще что...

--- Давай быстрее.

--- Воспользуйся вот этим. --- Аларик протянул Келедросу обломок меча, едва не убившего его.

--- Этим? --- переспросил Келедрос, с некоторым пренебрежением глядя на обломок величиной с кинжал. --- Полагаю, той ценной меч справится с работой.

--- Он отравлен, --- возразил Аларик. --- Поверь мне, он тебе пригодится. Да, и оставь его в ране, чтобы то существо наверняка не ожило.

Келедрос не ответил. Он оглянулся по сторонам, оценивая, куда направлены взгляды множества сцефулигов. С грацией, недоступной человеку, эльдар схватил подарок Аларика и перескочил через борт. Никто из сцефулигов не заметил, как он исчез. Эльдар выбрал именно тот миг, когда все их основные глаза смотрели в другую сторону. Чему бы там ни учили эльдар на этом их пути Скорпиона, и точно рассказывали, как передвигаться незамеченными. Аларик не слышал, чтобы Келедрос упал в кровь внизу. Насколько он

понимал, эльгар стал совершенно невидимым и неслышимым.

Аларика вместе с остальными рабами знали по темным переходам под ареной. Гүл толпы нарастал. Они пели гимны Кхорну и выкрикивали оскорбления в адрес противоположной фракции болельщиков, аплодировали, приветствуя лоргов своей планеты, и голосили, нетерпеливо распаляя в себе жажду крови. Аларик взялся за рукоять палаша, выбранного им для боя. Он не знал, что ожидает его на арене, но понимал: для того чтобы хоть кто-то из рабов смог покинуть Дракаази, он должен выжить.

Над головой вспыхнул свет. После сумрака на «Гекатомбе» он казался нестерпимо ярким. Угущие впереди рабы, спотыкаясь и торгая, выходили на арену.

Аларик последовал за ними. Он услышал, как зашумели трибуны, едва он ступил на арену Вел'Скана.

Толпа неистовствовала. Это был тот, кого они ждали. Они пришли поглазеть на Аларика Покинутого и наконец-то увидеть, как он умрет.

Дворец лорда Эбондрака напрямую соединялся с ареной великолепной галереей из мрамора и замороженной крови. Огромные люстры, свисающие с потолка,лили свет на статуи и портреты прежних чемпионов Дракаази. Сергито смотрел генерал Саркатор, гора мускулов и ненависти, правивший когда-то половиной Дракаази и воплощенный теперь в мраморе с черно-красными прожилками. Огромный портрет леги Мэлис, мастерицы пыток, не один век служившей лордам планеты, едва смог вместить ее безжалостную красоту и коллекцию пыточных принадлежностей, висящих за ее спиной. Кербериан Трехглавый, демон-раджа Аэлазадни, и Моркен Круул, герольд самого Кхорна, — все они служили напуганным о том, ради чего должен

жить каждый лорд Дракаази. Был там и постамент для статуи лорда Эбондрака, и когда его крестовый поход добьет Имперуул, он заслужит наконец право поместить сюда свое изображение.

— Надеюсь, — сказал Эбондрак, царственно шествуя по галерее, — что вы будете рядом со мной.

— Это большая честь, — ответил Веналитор, шагая рядом с ним. В кои-то веки здесь не было ни Змеиной Стражи, ни сцещулигов.

— А еще так мне легче будет распознать измену, — продолжал Эбондрак, — и съест вас при первых же признаках ее.

— Съест меня? Я слышал, что в прошлом вы поедали своих противников, но не думал, что это правда.

— О да, я съел множество врагов. Умея такое тело, нельзя не потакать его природным потребностям. Шпионы, враги и еще некоторые подхалимы отправились прямоиком в эту царственную глотку. Маловажных я жевал, прежде чем проглотить. Тех же, кто действительно

рассердил меня, я заглатывал в один присест и потом ощущал, как они извиваются, растворяясь в желудке, — это так приятно.

— Это была самая изысканная из слышанных мной угроз, лорд Эбондрак.

— И необходимая. У вас есть потенциал, Веналитор. Не более того, но что есть, то есть. Вы честолобивы. Нет сомнения, что вас бы устроила моя гибель во время крестового похода, чтобы потоптаться за мой мир с соперниками. — Эбондрак кивнул на портреты и статуи, проплывающие мимо. — Все они пришли к власти во время застоя, и правление каждого из них окончилось именно таким образом. Таков путь Хаоса и таков путь Дракаази. Считаю своим долгом заверить, что намерен избежать подобной участи, сколь возможно долго. Быть может, Повелитель Гробниц вступил с вами в переговоры или Скатхач предлагал союз на время крестового похода, чтобы обеспечить мое свержение и завладеть моим миром. Я бы посоветовал вам не слушать их, герцог Веналитор. Я не

достиг бы своего положения, не умея я
расстраивать планы заговорщиков куда
более коварных и могущественных, чем вы.

Веналитор некоторое время
обдумывал его слова.

— Вот что мне пришло в голову,
тилорг. Я жажду вашей власти,
разумеется, как и любой истинный
последователь Кхорна, но я всегда на
стороне сильного, а значит, на вашей. Я
скорее займу ваше место с вашего же
благословения, чем против вашей воли. Я
молод, и у меня есть шанс пережить вас. Я
честолюбив, да, но я могу быть
терпеливым.

Эбондрак улыбнулся самой опасной из
своих улыбок:

— Именно это я хотел услышать. Вы
далеко пойдете, Веналитор.

Эбондрак и Веналитор продолжили
свой путь по галерее. Она оканчивалась
просторным, обтянутым темной-красной
тканью балконом, предназначенным для
величайшего лорда планеты.

— Я слышал, — неожиданно жестко
произнес Эбондрак, — будто бы

представитель Арзутракса в Варне был убит, а его трупом осквернен алтарь Тхаала. Полагаю, вы ничего не знаете об этом?

--- Мне известно лишь то же, что и вам, --- ответил Веналитор.

--- С этой вашей войной покончено, Веналитор. Это мой приказ.

--- Никакой войны нет, милорд, --- спокойно сказал Веналитор. --- Мы с Арзутраксом презираем друг друга, но больше не станем попусту тратить на это кровь.

Как и большая часть из сказанного Веналитором в преддверии изр в Вел'Скане, это была ложь. Он выбрал наиболее свирепых охотников из племени сцефилигов и послал их разыскивать этиссаров и герольгов, обеспечивавших Арзутраксу связь с его двором в Варне. Возможно, даже удастся вынудить Арзутракса убраться отсюда или же отрезать его от собратьев-демонов, и тогда Веналитор сможет торжествовать победу.

--- Если я узнаю обратное, герцог, то

могу внезапно проголодаться.

--- Думаю, Арзутракс будет не слишком приятным на вкус, милорд.

--- Значит, вас я поберегу, чтобы перебить его привкус, --- парировал Эбондрак. --- Довольно! Сейчас не время для политики. Смотрите, арена ждет!

Эбондрак и Веналитор вышли на балкон из стальной челюсти жуткой боевой маски, вделанной в стену арены. Ожидавшая там Змеиная Стража отсалютовала, едва Эбондрак появился среди оскаленных зубов балкона под неистовый рев толпы. Лорд Эбондрак взревел в ответ и выдохнул в воздух клуб черного огня, приветствуя их. Веналитор тоже вскинул меч в знак приветствия, но не было сомнений, что люди в Вел'Скане обожают своего правителя и что без него эти игры начаться не могли.

Арену Вел'Скана от нагромождения оружия и доспехов отделял частокolatных перчаток, поддерживавших чашу арены, будто гигантский сосуд. Сама чаша была устроена в эфесе огромной рапиры, воткнутой в скалу, лежащую в основании

города, и сложные кольца гарды
закручивались над ареной, словно дивный
стальной водоворот.

На арене, отделанной с
исключительной пышностью, смерть была
желанной гостьей. Публика веселилась на
галереях из тратора и обсидиана. С краев
чаши арены свисали клинки с
подвешенными на них телами убитых
ранее, и время от времени клочья
сгнившего мяса отделялись от
раскачивающихся тел, падали вниз, и
зрители дрались за них.

Демонов на Вел'Скане ожидал столь
же радужный прием, как и смертных. Ум
был выделен один из секторов арены, где
вместо скамей ярусами располагались
бассейны, в которых городские демоны
могли купаться в крови жертв,
принесенных в честь открытия игр. Здесь
присутствовали все виды демонов:
кровопускатели, рычащие кровавые гончие,
лишенные кожи кровососущие существа и
странные твари, беспрестанно и невнятно
тараторившие и ссорившиеся. Аргутракс
тоже был там, окруженный по

торжественному случаю
свежеобращенными рабами. Выднелись и
другие демонические лорды Дракаази:
неуклюжий Хозяин Склепов, укутанный в
саван; огромное, похожее на пса чудовище
Хэррофоул Великолепный; Багровый
Туман — красная тень, сгустившаяся в
клубящееся облако с тремя горящими
глазами.

Остальная публика была разряжена в
пых и прах. Много было жрецов в пышных
одеяниях различных разновидностей
духовенства Кхорна. Воины выделялись
доспехами или формой. Еще больше было
просто богатых или знатных, эти
выделялись роскошными одеждами и
количеством сопровождающих их рабов.

Среди них были смертные лорды
Дракаази: от Эбондрака, восседающего на
своем крытом балконе, до Скатхача внизу,
у самого края арены, усадившего рядом с
собой сторщенного дряхлого писца, чтобы
тот фиксировал все атаки и защиты во
всех мельчайших подробностях. Красный
Рыцарь в массивных багровых доспехах
стоял в окружении воинов в серебряных

масках, и Голгар Хозяин Стаи кидал
ошметки непослушных рабов своим
гончил-мүтантам, дерущимся у его ног.
Даже Тиресия Охотница была тут, паря
над ареной на спине небесного кита.

Собрались все лорды Дракаази,
некоторые из них не показывались на свет
десятилетиями. Все они желали
засвидетельствовать свою верность лорду
Эбондраку и Богу Крови, а заодно и
насладиться кровавым зрелищем,
устроенным для их удовольствия.

Пол арены был засыпан черным
песком, блестящим от крови после
внутренних жертвоприношений. В центре,
там, где изначально рукоять соединялась с
гардой, вздымалась мраморная
ступенчатая пирамида, господствующая
над ареной. На каждой из ступеней
сооружения имелось место для поединков,
покрытое слоями засохшей крови и
изрубленное клинками пролетевших мимо
цели мечей.

К мрамору прилипли мелкие осколки
кости, оставшиеся здесь после особенно
жесточких поединков. На вершине

пиратиды стоял постамент с тяжелой медной чашей. Гладиатор, выпивший из чаши кровь последнего из своих противников, провозглашался чемпионом Дракаази. Многим из лордов планеты довелось услышать восторженный рев трибун, когда они пили из этой чаши, сделав первый шаг к получению звания чемпиона Хаоса. Другие чемпионы прошлых лет продолжали сражаться, превратившись в потерявших человеческий облик монстров из-за бесконечной жестокости.

--- Многим бы очень хотелось увидеть вашего Серого Рыцаря на этой пиратиде, --- сказал Эбондрак. Его басовитое рычание легко перекрыло шум толпы. --- Больше половины из них поставили немало черепов на его гибель. Стало бы истинным благословением, если бы это зрелище было посвящено его кровью.

--- Он многому научился с момента появления на Дракаази, --- ответил Веналитор. --- Не могу гарантировать, что он утрет в нужный момент. Поверьте, с кем бы он ни столкнулся здесь,

он устроит отличную драку.

--- Опять, --- заметил Эбондрак, ---
именно то, что я хотел услышать.

Ворота тюремного комплекса
распахнулись. Трибуны одобрительно
завопили при виде выходящих на арену
рабов, щурящихся и спотыкающихся. Толпе
нравился их страх, их неведение, поскольку
даже самые закоренелые грешники среди
них не представляли, что с ними будет
дальше. Зеленокожие рабы рычали на
публику, побуждая ее швырять в них всякой
дрянью. Одноухий Зверь был явным
фаворитом и с жаром ревел о роцьи
оскорбления гүлякам, которые всячески
обзывали его, свесившись с барьера.
Очередной приступ радости вызвало
появление огромного человека, шагнувшего
на арену вслед за остальными. Аларик
Покинутый, охотник за демонами,
превратился в изгүшку Кровавого Бога.
Многие уже видели его в геле и
радовались, что он лишился разума,
обүанный яростью Кхорна, но теперь он был
спокойнее и, сжав челюсти, ждал начала
кровопролития, вместо того чтобы

метаться по арене, выискивая врагов.

Они начали скандировать его имя. Он не отреагировал.

Открылись другие двери. Многие лорды привозили на эти игры лучшее, что у них было. Однако даже самым знаменитым гладиаторам приходилось отстаивать место на верхней ступени пирамиды, потому что рядом с лучшими было много других, голодных и отчаявшихся, знавших, что лишь в случае победы над конкурентами у них будет шанс покинуть Вел'Скан живыми.

Лорд Эбондрак громозласно взревел. Он выставил перед собой коготь, привлекая внимание толпы, потом втянул его в чешуйчатый кулак и с шумом опустил его на зубчатый барьер.

Надсмотрщики хлестнули рабов плетьюми, отгоняя от дверей. Величайшие гладиаторы поприветствовали толпу, крепче сжали в руках мечи и ринулись в бой. Остальные прошептали несколько слов молитвы и последовали за ними.

--- Постарайтесь просто выжить, --- сказал Аларик, пока рабы Венамитора топтались у выхода и вытягивали шеи, пытаясь оценить размеры и общий вид сооружения.

--- Нас убьют, если мы не будем бороться, --- возразил Турф. --- Вот и все. --- Бывший узник был в полной боевой раскраске, и, судя по виду, у него было куда больше общего с орками Одноухого, чем с заключенными-людьми.

--- Не убьют, --- заверил Аларик. --- Все глаза будут следить за мной. Это даст вам какое-то время. Думайте только о том, чтобы не погибнуть. К тому времени как они покончат со мной, гатранцы будут уже здесь.

--- Лучше бы им потопорониться, --- заметил Эрхар. Открывались очередные двери, и оттуда появлялись рабы других моргов. Среди озверевших людей и тутантов были и такие, что выглядели не менее опасными, чем Аларик. --- Это не

лучшее место для выживания.

--- Верьте мне, --- сказал Аларик, --- и
затранцам. --- Он взглянул на Эрхара. ---
Вы с Гирфом поведете рабов.

--- А вы разве не с нами?

--- Я буду там, наверху. --- Аларик
указал на нависшую над ними пирамиду. ---
Это то, чего они хотят. Надсмотрщики
вас и не заметят, занятые зрелищем,
которое я устрою.

Чужие рабы уже бежали через арену к
пирамиде. Некоторые из них встретились
с рабам Веналитора, стремясь в самом
начале боя перебить как можно больше
противников.

Аларик был уже готов бежать к
пирамиде, когда кто-то схватил его за
руку. Аларик опустил глаза на Хаггарда.

--- Я знаю, что вы пытаетесь
сделать, --- сказал Хаггард.

--- Значит, знаете и то, почему я
должен сделать это.

--- Оставайтесь с нами. Не надо
утирать из-за этого.

--- Если меня убьют, держитесь
Эрхара, --- сказал Аларик. --- Вы все знаете

план. Держитесь его и помогите вести их.

Аларик отстранил Хазгарда и побежал к пирамиде. Несколько проворных мутантов помчались ему наперерез, но палаш, выбранный им, был на удивление быстр, и Аларик разрубил одного из них пополам, тут же вонзил острие в горло другого и вырвал его, даже не заметив шага.

Все нижние ступени пирамиды были заняты головорезами. Здесь уже утирали и люди, и демоны. Аларик почувствовал, что кто-то бежит рядом с ним. Это был Турф, его размалеванное лицо ухмылялось. Он наслаждался всем этим. Здесь он был на своем месте.

— Я своего не упущу, везунчик! — прокричал он.

Аларик не ответил. Он запрыгнул на нижнюю ступень пирамиды. Она была в рост обычного человека, но Аларик взлетел на нее одним прыжком.

Толпа возликовала. Аларик покинутый должен утереть, и тогда будет выиграно множество пари. Аларик приготовился разочаровать их.

Келедрос проскользнул сквозь стену из клинков в главный коридор тюремного блока. Тюрма представляла собой очень сложный комплекс, пыточное приспособление, из которого ее сделали, было воистину дьявольским изобретением со множеством клинков. В несомненности его предназначения было нечто достойное восхищения. Оно было порождением любви к боли, творением какого-то древнего истязателя титанов, вложившего в эту вещь весь свой гений.

Келедрос рискнул наскоро оглядеться. Камеры, подвешенные к клинкам, торчащим из высоких стен, сплетение кранов и мостиков над головой — все это в целом казалось неким механизмом для переработки его обитателей, чем, в сущности, оно и было на самом деле.

Эльдар, крадучись, пересек стальной каньон блока камер, прячась в паутине теней, раскинутой повсюду. Тюремных охранников обнаружить было легко; на их обезображенных лицах горели глаза, поскольку сами они были лишь пустыми

оболочками из костей и плоти, в которых обитали повелевающие или демоны.

Келегрос не обращал на них внимания. Убивать их означало терять время, которого у него не было. Он прокрался прямо под ногами у одного из них, стоящего на страже на верхнем мостике. Ни демон, ни человек, запертый где-то здесь, и не подозревали о присутствии Келегроса. Казалось, эльдар мог просто исчезать из этой реальности и, словно призрак, оказываться вне восприятия всякого, кто не должен был его видеть.

За блоком катер находились пыточные залы. Самым худшим в них были запахи. Казалось, воздух сгустился от этой вони. Еще там были сами орудия, сложные механизмы, подвешенные на стенах, всевозможные ножи и фиксаторы. Тиски для пальцев и раскаленная кочерга были слишком грубыми инструментами для пыточных мастеров Кхорна. Лорды присылали жертв со всей Дракаази сюда, где точные машины узкой полоской поспирали сдирали с тех кожу, пока они не

утирала. Человека можно было почти полностью препарировать здесь, и при этом он оставался живым и в сознании. Некоторых из рабов арены, стутьянов и потенциальных беглецов, ожидала именно эта участь.

Посреди комнаты находилась большая плита, со всех сторон увешанная разными креплениями. Перед ней, спиной к вошедшему Келегросу, стоял Круулскан. Человек, в чье тело он вселился, был великаном, под стать массивной грудой в клетке были могучие бицепсы и шея, похожая на таран, состоящий из мышц. На его лысой голове виднелись следы ожогов от пламени, которое выплеснулось из глазниц, высветив силуэт его туши, при появлении Келегроса. Он занимался чисткой ножей, щипцов и других странных приспособлений, разложенных перед ним на плите.

--- Кто ты? --- проскрежетал Круулскан.

Келегрос застыл и совершенно слился с темнотой, мечтая, чтобы тени сгустились вокруг него.

— Ты ловкач, раз сумел пробраться так далеко, в самое сердце тюрьмы. Демон? Нет, у тебя не тот запах. Ассасин! Ха! Я прожил целую вечность в варне и сто лет во плоти. Ты не первый, кто пришел убить меня.

Крүүлскан повернулся к Келегросу. Огненные круги на его поросычем лице обшарили комнату, но не смогли сосредоточиться на Келегросе. Темнота помогла. Еще больше помогли волны боли и туп. У пыточной камеры была такая история страданий, что Келегрос мог завернуться в нее, будто в саван.

Крүүлскан взял боевой трезубец и немедленно вышел на середину комнаты.

— Я могу видеть то, чего не видят ни один человек, — прорычал он. — Ты от меня не скроешься. В этой голове сидит демон, голодный и жадный. И он хочет крови! Он не получал ее так долго, лишь подлизывал выжимки из рабов. Ты — другое дело. Ты вкусный. Чужаки всегда вкусные. Да, я чую пустоту в тебе. Ты очень далеко от дома, пучеглазик.

Келегрос беззвучно скользнул по

комнате, петляя среди теней и отсветов огня в глазах Крүүлскана.

— Я знаю, — сказал Крүүлскан, — ты сделан из меня.

Келегрос выскользнул из тьмы и вскочил на плиту за спиной у Крүүлскана. Великан мгновенно развернулся и вскинул презубец, готовый вонзить его в голову эльгара.

Келегрос метнул в Крүүлскана нож, обратительную кривую штырь в виде миниатюрного серпа. Нож вонзился великану в глаз, и оттуда плеснуло пламя, словно кровь из артерии. Крүүлскан с ревом отшатнулся.

Келегрос схватил стальной штырь и бросил вслеп за серпом, тот вошел вмятку плеча существа. Другой пронзил запястье одержимого и повредил нервы, управляющие этой рукой, заставив гиганта выронить презубец. Четвертый воткнулся ему в горло.

Здоровой рукой Крүүлскан выдернул из глаза серп. Половина того, что еще оставалось от его лица, исчезла, поглощенная пламенем, и внутри его

обуглившегося черепе Келегрос смог различить в огне нечестивые черты демона.

Пригнув голову, Крүүлскан ринулся в атаку, чтобы сбить Келегроса на пол и растоптать. Келегрос подпрыгнул, перескочив через голову великана с такой легкостью, словно умел летать. Крүүлскан врезался в плиту, разбрасывая пыточные инструменты, а Келегрос приземлился у него за спиной. Крүүлскан развернулся, набрал полную грудь воздуха и плюнул в Келегроса горячей желчью. Эльдар снова подпрыгнул, на этот раз заскочив на одну из пыточных машин, висящую на стене. Он осторожно балансировал между ножами и иглами, а жидкий огонь растекся по полу под ним.

Крүүлскан ухватился за плиту здоровой рукой и вырвал ее с корнем. Он крутнулся на месте, словно метатель молота, и швырнул плитой в Келегроса. Эльдар отпрыгнул вбок, и стальная плита врезалась в стену, круша пыточную машину. Пол все еще горел, Келегрос изогнулся в прыжке и коснулся рукой

ржавого металлического потолка, и его многосуставчатые пальцы тут же накрепко уцепились за него. Крүүлскан по инерции качнулся вперед и оказался прямо под висающим на потолке Келедросом.

Свободной рукой Келедрос выхватил из ножен черный кинжал. Он был рад, что Аларик дал ему эту штуку. Понятно, что старомодным куском стали не убьешь одержимого Крүүлскана, но при помощи ада — возможно. Келедрос упал с потолка прямо на спину Крүүлскану. Он вонзил кинжал великану между ребер и почувствовал, как клинок пронзает тугую мышцу сердца. Крүүлскан взревел и закрутился, пытаясь сбросить чужака. Келедрос прыгнул и развернулся в полете, приземлившись перед одержимым, и ударил великана ногой в огромное брюхо, одновременно всадив меч ему в грудь.

Сердце Крүүлскана было пробито с обеих сторон. Зеленое пламя стекало из его разорванного рта и было фонтаном из раны, нанесенной кинжалом. Келедрос хорошенько провернул клинок, и пламя забило еще сильнее. Эльдар отскочил, и

человеческое тело одержимого начало
распадаться на части. Кинжал оставался
в теле существа, вокруг него полыхал
огонь.

--- Я тебя найду! --- прошипел
Крүүлскан. Слова его были едва слышны за
гулом пламени. --- Я вернусь из варна, тень,
и найду тебя!

Келедрос выжигал, пока не смог
сорвать тяжелый медный ключ, висевший
у Крүүлскана на шее. Потом он
выскользнул из комнаты, как раз перед
тем, как земное тело одержимого
тюремщика взорвалось.

* * *

Регимайя Железное Сердце убил двух
женщин-близнецов, известных под общим
прозвищем Кровавая Серенада. Аэфалиан
Быстрый Молот, с глубиной в каждой из
трех своих рук, проломил череп внашему
в неилость Командиру Тхааллу, когда-то
солдату армии Скатхача, а ныне

проклятому и сосланному сражаться на аренах. Наложенное на него проклятие наконец исчезло, когда мозги его размазались по нижней ступени пирамиды.

Рядом с ним погиб Сократанфиус Грамотей, огнедышащий колдун-мүтант, убитый создавшими невероятный и очень кратковременный союз чемпионом Түргалла Маркреллосом Яговитым и похожим на скелет Костлявым Призраком. Ксиан'таль, в своих сложных сегментных доспехах, вооруженный двумя клинками, соединенными цепью, оказался в окружении крикливых мүтантов, пытающихся повалить его и зарезать. За считанные секунды он убил шестерых, но и сам был убит, предводитель мүтантов Крүкеллен проткнул его насквозь костяным шипом.

Гурф убил Фүранка Красного Пса, всадив в спину звероподобного мүтанта пару коротких мечей. Толпа не знала его имени, но им понравилось свирепое ликование на его лице.

Аларик убил тощего раба-человека, подбиравшегося к нему с кинжалом в руке. Аларик скинул его с первой ступени

пиратиды ударом ноги, настолько сильным, что раздробил тому череп, и человек был мертв еще до того, как тело его рухнуло на землю. Аларик затешился, глядя вниз, на тело, пока остальные чемпионы с жаром истребляли друг друга. Часть зрителей решила, что Аларик покинутomu концу, что дух его сломлен, но тут на него налетел Летлос, сын Кхоураса, и Аларик был этого полужверя головой о тратор до тех пор, пока тот не обмяк и три его глаза не закатились. Здесь брали начало десятки мелких теждоусобиц, и карьеры бойцов начинались и заканчивались в первые же несколько минут. Одни умирали красиво, другие же скверной смертью, из-за собственной ошибки или неожиданного удара. Кто-то убивал при помощи грубой физической силы, а кто-то — благодаря своей ловкости или просто везению.

Рабы более низкого уровня дрались вокруг пиратиды за право вслед за настоящими убийцами подняться на первую ее ступень. Рабов Веналитора окружили дикие полуголые воины с

шестипалым клеймом на груди. Люди
Эрхара и орки Одноухого образовали
странный союз. Они тянули время, и их бой
представлял собой любопытную
интермедию к основному зрелищу.

Толпа лишь теперь разогрелась как
следует и вовсю горланила с трибун
древние гимны. Уже было достаточно
историй, достаточно крови, чтобы
насытить алтари Кхорна. Побойце
удалось на славу.

--- Опять ты, --- сказал Дорваз.

Дверь со стуком отворилась, и они увидели слившегося с тенью Келегроса с ключом Крүүлскана в руке.

--- Конечно.

Тюрьма под ареной была мрачным и зловонным местом. В каждой ее камере сидели по два или три затранца, коридоры постоянно патрулировали одержимые тюремщики.

--- Ты убил свиное рыло?

--- Он мертв.

Дорваз стукнул кулаком о лагерь. Остальные затранцы за его спиной радостно зашептались. Крүүлскан мертв. Они часто мечтали услышать эти слова.

--- Давай побыстрее, --- поторопил Дорваз.

Келегрос пошел вдоль камер.

открывая их огню за грудой. Труп одержимого стражника еще дымился на постелике возле камеры, где Келедрос убил его. Дорваз и гатранцы тщательно обыскали тело, забрав все, что можно было использовать как оружие. Остальные освобожденные рабы собрались в проходе. К их ликованию примешивался страх, и люди жались в темноту, понимая, что их скоро обнаружат.

— Вы знаете план, — сказал Дорваз. — Идем к оружейным отсекам и потом в камеру клеймения. Если вас ранят, старайтесь держаться позади.

Снизу из блока камер донесся крик. Отсветы горящих глаз заблестели на клинках, из которых была выстроена тюрьма.

— Пора! — воскликнул Дорваз.

Узники бросились на приближающихся стражников. К моменту появления стражи их было уже пятьдесят.

Одержимые были воплощением ужаса, демоны внутри них — невыразимо жестоки, но теперь гатранцев вело нечто большее, чем страх, большее даже,

чем надежда обрести свободу.

Они наконец могли сразиться со своими врагами. Могли мстить, вместо того чтобы трусливо жаться по углам, надеясь, что их пощадят. Бронекавалерия Гатрана опять пошла в атаку.

Аларик затянул цепь на горле Влагатаски Гневной и выгавил из нее жизнь. Мясистые греды, украшающие ее голову, извивались, пока она пыталась вздохнуть. Аларик нагавил ногой на заднюю поверхность ее бедра, заставляя опуститься на колени, она выгнулась в судороге и умерла, поскольку цепь перекрыла доступ крови к ее мозгу.

«Интересно, — подумалось на долю секунды Аларик, — сколько народу ставили на нее и каковы были ставки». Будит Император, он ненавидел это место.

Аларик сбросил тело мутанта с пирамиды. Ее труп заскользил вниз по залитому кровью тротуру. Он только заметил рабов Веналитора, сражающихся спина к спине. Одноухий и его орки

воспользовались возможностью устроить собственную драку, они скакали и тыкали ножами в наседающих на них рабов. Турф был где-то внизу пиратиды и пробивал себе путь наверх. Аларик не знал, сумеет ли убийца это сделать. Он надеялся, что нет.

Заодно он оглядел трибуны. Публика скандировала имена своих любимых чемпионов. Аларик услышал собственное имя: Покинутый, Нагший Рыцарь, Непослушный Нес Императора. Другие были от досады, что Влагатаска мертва. Лорды распалились не меньше черни, поскольку это их рабы и их чемпионы погибали на арене. Балкон Эбондрака скрылся в клубках черного пламени, но Аларик был уверен, что разглядел красный доспех и сверкающие клинки герцога Веналитора.

При виде Веналитора его охватила ярость. Он никогда не думал, что может так ненавидеть какое-либо место, как ненавидел сейчас Дракаази. Ненависть была священна для Серого Рыцаря, и тем не менее до сих пор еще никто не смог породить в нем ненависть такой силы, как

эти вырожки, заполнившие трибуны. Он позволил ярости растечься по его венам и лишь втайне уповал, что она не превратит его в одного из них.

Аларик пробился к верхней ступени пирамиды. Там лежало существо с раздвоенными копытами вместо ног, зажатая распоротый живот. Аларик на ходу сломал ему шею. У существа было копье с зазубренным наконечником. Это было более практичное оружие, чем шипастая цепная булава, которую Аларик забрал у третьего из убитых им бойцов, краснокожего демона, пытавшегося изрыгнуть на него свою едкую кровь. Аларик поднял копье и ступил на вершину.

Половина толпы была счастлива видеть Аларика Покинутого на верхней императорной площадке. Аларик был совершенно измучен. Он пытался вспомнить, сколько чемпионов Темных Богов убил, но их лица и мутации плыли перед его мысленным взором, и он никак не мог сосредоточиться.

Он мог бы впустить в себя рев толпы и черпать силу из него, но тогда это был

бы уже не он. Он не гладиатор, дерущийся ради славы, но слуга Императора, сражающийся, во-первых, за выживание и, во-вторых, за справедливость. Толпа не поможет ему выстоять.

У него есть оружие в руке и враг перед глазами --- все, что нужно гражданину Империи, --- и еще ненависть.

Толпа взревела в предвкушении. Кровопролитие должно было лишь разогреть ее. Главное событие впереди. Коронация чемпиона.

Еще не видя, Аларик уже знал, что ползет к нему на вершину пирамиды крохотные блестящие красные глазки, ухмыляющийся рот с раздвоенным языком, мощный торс и четыре руки, стертоносные лясницкие ножи и непристойные извивы гигантского змеинового тела. Шорох чешуи по трамбору был подтверждением, в котором Аларик не нуждался.

--- Как я рад, что это ты, --- сказал Скархадгот, гладиатор-чемпион лорда Эбондрака, заползая на площадку. --- Ваше

племя пришлось мне по вкусу.

Вблизи Скархадгот был еще больше. На его покрытой чешуей груди появились новые отметки об убитых, а одна из изрубленных рук, висящих у него на шее, должно быть, принадлежала Холварну. Скархадгот отказался от щитов и в каждой из четырех рук держал по окровавленному скилитару.

— Я имею привычку застревать в глотке, — ответил Аларик.

Двое медленно кружили по площадке. Без сомнения, внешне Аларик сильно проигрывал своему противнику. Шаги его были тяжелыми, дыхание затрудненным, а великодушный доспех весь изрублен и измят. Скархадгот выглядел так, словно кровавая рубка на пирамиде была для него лишь легкой разминкой перед боем. Он весь лоснился от вонючего пота и злобно ухмылялся. Он ждал этого. Еще с того момента, как он убил Холварна, Скархадгот ждал, чтобы довершить дело.

— Два Серых Рыцаря, — сказал Аларик, привычно вставая в боевую стойку. — Это цифра. Что же ты

получишь за это? Свободу?

--- Кому нужна свобода? --- прошипел Скархадгот. --- Что она такое, эта выдумка, снедающая ваши человеческие уты? Что может быть в мире важнее вопиющего --- крови, и смерти, и металла, врывающегося в плоть? Это превыше всего, и мне дадут это. Еще больше крови!

--- Во время крестового похода, --- сказал Аларик. --- Эбондрак даст тебе все, что пожелаешь. Если ты убьешь меня.

--- Первая волна, --- оскалился Скархадгот. --- Первый в брешь. Первый на землю. Кровь на девственной земле. Варн услышит звон твоих клинков, Покинутый! Кхорн почует кровь. Я сделаю это!

Аларик улыбнулся. Странно было испытывать какую-то радость здесь, среди богохульства и смерти, но это так, потому что Аларик оставался человеком, а быть человеком означает лишаться преисподнюю надежды.

--- Крестового похода не будет, --- сказал Аларик. --- Я знаю, чего хочешь Эбондрак. Я знаю, чего хочешь ты. Вы этого не получите. Я хочу, чтобы ты знал

это, прежде чем...

--- Прежде чем что, Покинутый?

Пауза длилась долю секунды, но за это время столько всего протелькнуло в мозгу Аларика, что он не видел больше ничего, кроме Скархадгота. Арена, публика, сражающиеся, калейдоскоп лордов и демонов Дракаази --- все слилось в одно красное пятно. Углы атаки и защиты обанатомии Скархадгота, вес коня в руке и скользкий от крови латер под ногами --- все это разом пронеслось в его голове. У этого было достаточно. Больше не нужно было гадать.

Аларик сделал выпад. Его оружие доставало на большую дистанцию, его хватило, чтобы острое копьё пробилось в грудь Скархадгота и вышло у него из спины.

Монстр опешил. Впервые ухмылка исчезла с его лица. Он взглянул на копьё в своей груди, потом снова на Аларика.

--- У тебя слабая защита, --- сказал Аларик. Скархадгот повалился вперед, загоняя древко еще глубже себе в грудь, судорожно пытаясь вдохнуть. Его лицо

оказалось совсем близко от Аларика, и потому достаточно было просто прошептать: — Я заметил это, когда ты убивал моего друга. Такие вещи способствуют сосредоточенности.

Скархадгот рухнул на пол. На лице его застыло измученное выражение.

Публика на миг затихла. Аларик совершил то, чего не удавалось ни одному человеку на Дракаази. Он заставил их заткнуться.

Лорд Эбондрак свесился со своего балкона, устроенного в огромной маске, вделанной в стену арены. Глаза его были узкими полосками желтого огня, ноздри раздувались. За спиной у него развернулись крылья, и в какой-то миг Аларик был уверен, что старый ящер ринется вниз, чтобы проглотить его.

Относительная тишина была прервана взрывом, от которого в полу арены образовалась воронка. Аларика ударила взрывная волна, сверху посыпался кровавленный песок.

После взрыва на стену тишине пришел шум. Разъяренные зрители

полезли через барьеры к арене. Элеина
Стража ринулась в толпу, чтобы навести
порядок. Лорды начали разбираться, кто
из них постел испортить праздник Кхорна.

Потом из облака пыли и грязи
появилась фигура, высокая, гибкая,
вооруженная мечом, с нечеловечески
быстрыми движениями. Это был Келегрос.

За ним шли четыре тысячи
гвардейцев гатранского
Бронекавалерийского полка.

Все, что знал Аларик про арену
Вел'Скана, подсказывало ему, что
единственный способ выбраться отсюда —
через пол арены.

С арены рабы и гатранцы могли
перебраться на трибуны, и, как можно
было надеяться, потогла бы в этом
суматоха, вызванная победой Аларика и
самим побегом. У арены было много
выходов, но лишь один из них интересовал
Аларика, поскольку мог привести
бежавших рабов к их конечной цели.

Это был не самый продуманный план.
Братья-капитаны и великие магистры

Серых Рыцарей сделали бы ему выговор за неподобную неразбериху, но это был, вероятно, его единственный шанс заполучить «Молот Демонов». У него единственный шанс для рабов покинуть эту планету, но если быть честным, по-настоящему честным с самим собой, то Аларик должен был признать, что их побег для него не главное.

Многие из них погибнут. Аларик знал, что он жертвует или ради собственной цели, но так уж устроена галактика. Она жестока, и это означает, что порой он тоже должен быть жестоким.

* * *

--- Какие будут приказания, милорд? ---
спросил капитан Змеиной Стражи.

--- Проклятье, вы еще раздумываете? ---
прорычал лорд Эбондрак сквозь кольца черного огня. --- Убить их всех!

--- Да, милорд. --- Капитан поднял меч,

и Этеинные Стражники, как один, бряцая доспехами, покинули балкон, чтобы присоединиться к другим солдатам, сбегавшимся к зрителям внизу.

Эбондрак повернулся к Веналитору:

--- Какое богохульство, и ваш человек --- зачинщик всего этого, Веналитор. Вы ответите за это.

--- Я в этом не сомневаюсь, --- поспешно начал Веналитор, --- но, возможно, все не так ужасно, как кажется. Это дает возможность...

--- Меньше болтовни! --- пронзительно завопил Эбондрак. --- Больше смертей! Во имя медных врат ага, Веналитор, возьмите же свой красивенький меч и убейте хоть кого-нибудь там, внизу!

Вместо ответа Веналитор выхватил из-за спины двуручный меч и перепрыгнул через балконное ограждение, ловко приземлившись на сиденье внизу.

Публика была в смятении. И сама победа Аларика, и то, как она была достигнута, привели их в бешенство. Скархадгот был убит первым же ударом. Чемпион Эбондрака погиб, даже не начав

бой! Воистину никчемная смерть, а ничто не возбуждает ненависть лучше, чем жалкая смерть. Взрыв и поток рабов, хлынувший на арену, выбили остатки разума из их мозгов. Зрители кусались и лягались, обвиняя одиного другого в непомощности, испортившем праздник Кхорна.

Один из таких набежал на Веналитора, окровавленный культист в разорванном одеянии, с ритуальными медными когтями, вживленными в предплечья. Веналитор оживил кровь человека под ногами, оплел ему ноги и перерубил спинной хребет взмахом меча. Убийство столь ничтожного существа не стоило даже затраченных на это усилий.

— Мой герцог, — произнес невнятный голос сцефилида. Старший надсмотрщик Веналитора пробирался между ранеными и лежащими в беспомощности по верхним рядам трибуны. — Сцефилиды готовы и ждут ваших приказаний. Должны ли мы спуститься на арену?

Веналитор глянул вниз. Рабы Вел'Скана прорывались на северную часть

арены, они лезли на трибүны и убивали зрителей, пытавшихся задержать их. К побегу присоединилось множество рабов других лордов, а Аларик был уже наверху, на стене, и руководил боем.

— Нет, — сказал Веналитор, — они направляются к северным воротам. Пусть сцефулиды соберутся на севере от арены. Их преследует Этеиная Стража. Если мы сумеет задержать рабов, они окажутся между двух огней.

— А Серый Рыцарь?

Веналитор на мгновение задумался.

— Я все-таки надеялся сам убить его, но если вам представится такая возможность, не упускайте ее.

— Где вас найти, милорд?

— Я буду нужен лорду Эбондраку, — ответил Веналитор, — неважно, знает он об этом или нет.

— Очень хорошо. Каковы были его приказания?

— Убить их. Приступайте.

Старший надсмотрщик приподнял жвала, отдавая честь, и повернулся к сцефулидам, собиравшимся на верхнем

арүсе, что-то прочиривав ил на своем странном языке. Они побежали к северным воротам, не обращая внимания на разгорающийся вокруг бунт.

Аларик не дурак. Он должен прекрасно понимать, что побег с Вел'Скана даст ему, самое большое, день свободы -- и несколько лет мучений. У Серого Рыцаря явно была какая-то цель, нечто большее, чем просто спасение своей шкуры. Веналитор хотел знать какая. В Вел'Скане не было ничего, что могло бы помочь рабам, не было места настолько надежного, чтобы Змеиная Стража не смогла осадить его и взять приступом.

Конечно, была одна возможность, один шанс на грабительский поступок, который хоть и наверняка будет стоить всем бежавшим рабам жизни, тем не менее должен представляться верному слуге мертвого Императора достойным способом поставить последнюю точку. Разумеется, это было безумием, но то, что Аларик не глуп, не означает, что он также не безумен. В конце концов, Веналитор приложил немало усилий,

чтобы лишить его рассудка.

Вот там-то Веналитор и сможет перехватить Аларика и убить его. Опять-таки, хотя Эбондрак и винит его в том, что натворил Аларик, Веналитор был уверен: встань он на укреплениях, потрясая отрубленной головой Серого Рыцаря, лорды Дракаази проникнутся к нему уважением и трепетом.

Все это еще может обернуться к лучшему, решил Веналитор. Лениво убрав со своего пути нескольких взбунтовавшихся идиотов, понававшихся ему под ноги, он направился на север.

--- Понятно, --- сказал Арзутракс. --- Все началось здесь.

Медный чан демона волоком тащили по узким переходам тюрьмы на цепях самые крепкие рабы, поскольку многие потолки были настолько низкими, что нести демона было невозможно. Похожие на гончих ловчие демоны трусили впереди, огрызаясь друг на друга и пытаясь отыскать запах.

Рабы арены вырвались на волю.

Многие из них пали в схватке с надзирателями. Оружейные отсеки были разграблены, а помещение для клеймения взорвано, отчего в полу арены над ним образовалась дыра. Восстание вспыхнуло стремительно и яростно. Что-то вселило в пленников надежду на успех, и кто-то должен был помочь им извне, выпустив их из камер.

Перед Арзутраксом была разгромленная пыточная камера. Инструменты для пыток были сорваны со стен. По всему полу валялись ножи и шипы, и повсюду виднелись следы огня. Посреди комнаты лежало обуглившееся тело, полностью выгоревшее изнутри. Это было тело крупного человека, но гончие шарахнулись от него.

— Демон, — сказал псарь, один из немногих рабов, которых Арзутракс позволял говорить. Псарь был исключительно жестоким существом и, скорее всего, служил бы Арзутраксу, даже если бы не был рабом. — Оболочка одержимого.

— Да, они хорошо подготовились. Кто-

то знал, как к нему подступиться. Я хочу
знать кто.

С арены вниз долетали звуки битвы.
Остальные лорды сражались там, наверху,
кто-то друг с другом, остальные ---
подавляя бунт. Арзутраксу хотелось бы
присоединиться к ним, но у него было дело
поважнее.

--- Если мы сможем доказать, что
один из рабов Веналитора был тут, ---
сказал он, --- тогда его заподозрят в
измене. Я могу придумать несколько
причин, по которым он мог бы сделать
это: чтобы перессорить лордов и
завоевать при этом доверие Эбондрака,
отсрочить крестовый поход, потому что
он трус; самолучно завладеть бежавшими
рабами и использовать их против меня.
Это неважно. Если такая связь отыщется,
ему конец. --- Арзутракс осмотрел камеру.
Кроме пьянящего, острого запаха
страданий, в ней не было ничего
интересного. --- Дайте мне трун, --- сказал
он.

Царь ухватил тело за не
пострадавшую на вид ногу и подтащил его

к чану Арзутракса. Арзутракс высунул
руку и поднял труп. От него
отламывались куски обуглившегося мяса.
Тело было лишь оболочкой, вместо глаз и
рта зияли дыры, выжженные огнем.

--- Одержимый, --- презрительно
устехнулся Арзутракс, --- какое
расточительство прятать их красоте в
оболочке из плоти. Это существо,
наверное, и не уполнит уже, кем из
смертных успело побывать. --- Арзутракс
утолк, заметив в корке горелого мяса что-
то блестящее. Он засунул руку внутрь
распадающегося тела и извлек иссиня-
черный обломок, лоснящийся от нечистой
крови.

Это был кончик клинка, сломавшегося
в теле одержимого.

--- Стражник, --- прошипел
Арзутракс. --- Это сделал Этеиный
Стражник.

Рабы знали, когда Арзутракс
сердится. Они наблюдали это достаточно
часто и видели, как расплачивались за его
ярость их товарищи. Даже звероподобные
рабы, таскавшие чан, старались

держаться подальше от хозяина.

--- Эбондрак! --- прорычал Арзутракс. ---
Проклятия на твою чешуйчатую шкуру!
Подлый ящер! Чешуя, когти и ложь! Это
все для того, чтобы спасти свой
проклятый крестовый поход! --- Арзутракс
трясся от ярости, кровь в чане плескалась
через край. --- Предать нас! Предать меня,
Разорителя Колхагона, Погибеля
Циперий, Кровавого Правителя Скрентис
Минор!

Кровь хлынула из чана, прибывая из
недр варна по мосту, проложенному
яростью Арзутракса. Она струилась
потокот, закручиваясь водоворотом в
катере пыток.

--- Несите меня наверх! Несите меня к
лордам! Эбондрак заплатит за это!

Гирф, ухитрившийся каким-то
образом выжить, вонзил оба ножа в брюхо
набежавшего на него сцефилида.
Цисектоид задержался на двойных клинках
и упал. Ножи Гирфа остались внутри него,
но убийца подобрал копье сцефилида. В
конце концов, все равно что-то острое.

— Они пытаются перерезать нам путь! — крикнул Эрхар. Он со своими верующими находился на фланге армии рабов, на безопасном расстоянии от убийц Гирфа и зеленокожих, занимавших другой фланг. Аларик был примерно посередине, и позади него шли гатранцы.

Аларик понимал, что Эрхар прав. Рабы вырвались с арены, и многие уже погибли от рук разъяренных зрителей, пытавшихся остановить их. Теперь лежащая перед ними извилистая дорога из клинков, огороженных гигантскими щитами и сегментами пластинчатых доспехов, почернела от сотен бегущих по ней сцефулигов.

В отдалении стоял дворец лорда Эбондрака, к нему вела лестница из лезвий топоров, уложенных друг на друга. Его полуслепой череп скалился сверху на поле боя, словно предвкусывая побоище.

Это и была цель Аларика. Он намеревался захватить дворец. Даже если это будет стоить жизни всем рабам, он все равно возьмет его.

Аларик обернулся к бегущим за ним

гатранцам. Немногие из них действительно понимали, что происходит, они знали лишь, что вырвались с арены, и не представляли, что делать дальше.

— Император видит нас даже здесь! — выкрикнул Аларик. — За Его победу, сыны Гатрана! За ваших павших братьев и сестер, за тех, кто рядом с вами! За Императора!

— За Императора! — эхом подхватил капрал Дорваз, вскинув над головой топор, взятый у мертвого раба арены.

Гатранцы с криком кинулись в атаку. Аларик бежал с ними, поскольку фактически стал теперь их командиром, и если бы он дрогнул, они бы дрогнули тоже.

Сцефилиды не успели еще окончательно построиться, но это нискупалось их многочисленностью. Аларик не знал, что их так много на службе у Веналитора, но это не имело значения. Он с самого начала понимал, что без боя им не прорваться.

Две шеренги сошлись. Гирф с воплем

подпрыгнул и приземлился прямо на панцирь самого крупного сцефилида, какого смог найти. Зеленокожие последовали его примеру, Одноухий перевернул ближайшего инсектоида на спину и вырвал ему ноги. Другой фланг столкнулся с противником мгновением позже, верующие Эрхара старались держать строй, насколько могли. У них были мечи, а у сцефилидов — копья, и несколько человек погибли сразу же, поскольку противником было проще достать их, но с ними была вера и сила идущих сзади, и ксеносы были вынуждены отступить.

В центре царил совершеннейший хаос. Там было не до демонстрации мастерства. Огромная масса людей обрушилась на сцефилидов. Аларик оказался лицом к лицу с одним из существ, свирепо вращающим безумными асимметричными глазами. От копья в такой толчее не было прока, и Аларик бросил его и ударил кулаком по жвалам сцефилида, почувствовав, как хрустит хитин под пальцами. Он ухватился и

выдернул, и жвалы оторвались. Существо
взвилось на задние лапы и заскрежетало,
разбрызгивая вокруг себя омерзительную
кровь. Аларик ударил его локтем в голову,
взобрался на защищенное панцирем брюхо
и оторвал ногу, пытавшуюся достать его.
Он выхватил копье, которым старался
проткнуть его грудой чужак, и, стоя на
туловище поверженного сцефилида,
отбивался ногами и копьем среди моря
шевелиющихся тел.

Повсюду затранцы дрались со
сцефилидами. Аларик видел, как люди
погибали, разорванные на части или
затоптанные настерть, но они также и
побеждали. Они давили сцефилидов,
наваливаясь на них сверху, грудью били
мечами и ножами, разрубая панцири, и
темные внутренности волочились по
земле.

Аларик шел впереди. На него были
обращены взоры всех рабов. Без него они
были просто толпой конченных людей. С
ним они были боеспособной силой.

— Вперед! Вооружайтесь и бросайте
раненых! — Аларик выдернул уродливый

меч из ланы мертвого сцефилига и поднял
его над головой, чтобы видели гатранцы и
все остальные рабы. Он указал им на
дворец. — За вашего Императора! За
свободу!

Армия рабов встретилась вперед, и
сцефилиги были отброшены. Инсектоиды
были разбиты и теперь пытались
перезгруппироваться, выходя из-под удара.
Одноухий и его зеленокожие, а с ними
заодно и многие головорезы Гирфа
горланили боевые кличи и гнали разбитого
противника.

Не было времени, чтобы
остановиться и завершить дело. Аларик
бежал вперед, прямо в гущу сцефилигов,
рубя их или швыряя об землю. Он был весь
покрыт их липкой кровью и вынужден
стахивать ее с глаз, чтобы что-то
видеть.

— Оставьте их! Вперед! Все сюда!

Армия рабов стяла отряды
сцефилигов. Аларик побежал, небольшие
группки инсектоидов, оказывавшиеся у него
на пути, спешили убраться прочь. Отсюда
было рукой подать до дворца лорда

Эбондрака. Но обе стороны от него грозными очертаниями клинков тянулись к небу Вел'Скан — причудливые здания, выстроенные вокруг рукояти меча или налезвии топора. Сколько горожан занято сейчас охотой на Аларика и беглых рабов? По-видимому, большинство, при условии, что они направились за пределы города. Если рабы доберутся до двorca достаточно быстро, то есть шанс, что они и в самом деле смогут достичь своей цели.

Да, надежда была, но Аларик не мог позволить себе расслабиться. Многие из них еще погибнут, прежде чем они покинут Дракаази. Аларик прекрасно понимал, что может стать одним из них.

— За мной! Зададим им жару! За свободу! — Аларик взбежал по дворцовой лестнице, и армия бросилась за ним.

Для Тиресии Охотницы, еще в юности добывшей головы всех семи Адских Братьев, дороже всего на свете были лук в руке и хитрая добыча, на которую можно поохотиться. Рабы, сбежавшие с арены Вел'Скана, подходили для этого идеально.

Ее скакун, одно из принадлежащих ей летающих существ, родственное шипастому электрическому скату, по ее мысленному приказу опустилось пониже и принялось петлять между лезвиями течей и наконечниками копий, образуящими силуэт города Вел'Скан. Она заметила одного из рабов арены, который прятался среди обрывков знамен давно позабытого лорда, прижавшись к поперечине гигантского копья.

Тиресия выхватила из-за спины лук и выстрелила раба в шею стрелой с отравленным змеиным ядом наконечником. Она кружила в воздухе, пока раб, тощее бледнокожее существо, не более чем расходный материал для арены, казалось, плясал от радости, что его погострелили. Это яд заставлял его мышцы судорожно сокращаться, тот же яд заполнял его легкие пеной. Раб потерял равновесие и свалился с копья, разбившись о трапезную зубчатую стену крепости внизу.

Тиресия мысленно добавила еще одну голову в свой трофейный зал.

Вниз, по плато из брошенного щита, в сторону арены ползла процессия. Арзутракс, надутый демон, и свита из его изуродованных рабов. Это удивило Тиресию. Арзутракс не был охотником ее уровня, но все же обожал убийства ради спорта, как и любой демон. Весь Вел'Скангонялся сейчас за беглыми рабами, их выслеживали и рубили на части или передавали в руки жрецов как материал для последующих жертвоприношений. Это было совсем не похоже на жадного Арзутракса — пропустить такую потеху. Она круто спикировала вниз и натянула поводья своего скакуна, чтобы тот завис в воздухе прямо над демоном.

— Эй, лягушатник! — окликнула она. — Почему не на охоте? Или варн презирает спортивные убийства?

Арзутракс уставился на нее снизу вверх. Как и многие из лордов Дракаази, он был на редкость безобразен. Тиресия полагала, что остальные лорды, даже демоны, в той или иной степени завидуют ее очаровательной, почти человеческой внешности. Немногим удавалось быть

настолько порочным, как она, и все же оставаться сравнительно не затронутой варпом.

--- Тьфу! Прелестное дитя. Что ты знаешь о смерти? Что ты вообще знаешь? Для тебя это все -- игра!

--- Как и любая смерть, -- ответила Тиресия, -- поскольку Кровавый Бог играет в кости нашими душами. Блаженны те, кто играет с ним по одним правилам!

Арзутракс сплюнул на землю.

--- Игра? Какая тут игра? -- Он помахал обсидиановым обломком, зажатый у него в лане.

Тиресия направила своего скакуна вниз и спрыгнула с него на землю, забросив за плечо лук. Она подошла поближе к Арзутраксу, чтобы взглянуть на осколок.

--- Клинок Змеиной Стражи, -- презрительно устехнулся демон, -- которым убили главного надсмотрщика арены.

--- Змеиная Стража? Не может быть, это же ужасно.

--- Почему нет? Или ты настолько же глупа, насколько красива, охотница за

ничтожеством? Я уже несколько месяцев
воюю с Веналитором, этим лжецом и
трусом. Наверняка даже ты об этом
наслышана?

--- Конечно, --- подтвердила Тиресия.
Ее спутники увидели, что она спешила, и
тоже поворачивали своих скакунов к земле.
Они летели на тупорылых небесных
акулах, не столь впечатляющих, как ее
скат, но тем не менее выглядящих
эффектно. --- Вы не подчинились лорду
Эбондраку. Все только и ждали, когда же
он заставит вас обоих расплачиваться за
это.

--- И тут вот это! Подумай, девочка.
Эбондрак хочет, чтобы мы присоединились
к его крестовому походу, а какой лучший
способ объединить врагов под своей
властью?

--- Дать им общего врага, ---
предположила Тиресия.

--- Все-таки ты не зря носишь свой
титул. Ну конечно! Общий враг! Такой, с
которым даже герцоги и демоны будут
рады бороться вместе! Вот он! Этот
побег!

Охотники Тиресии собрались вокруг нее. Они не привыкли видеть свою госпожу удивленной чем бы то ни было, но слова Арзутракса явно поразили ее.

--- Неужели это правда? Скажи мне со всей искренностью, на какую способен, разве такое возможно?

--- Не только возможно, но жизненно необходимо. Какие тебе еще нужны доказательства? --- Арзутракс снова выставил перед собой обломок. --- Вот неопровержимое доказательство, охотница! Честнейшее на этой планете! Лорд Эбондрак мечтает о своем крестовом походе и даже оскверняет изры в честь этого самого похода, чтобы заставить нас выступить вместе! Его поступок --- просто святотатство! Подобная мерзость по отношению к Кхорну аукнется ему! Правосудие варна еще свершится!

--- Мы не можем бросаться такими обвинениями, --- возразила Тиресия. --- Как бы мы ни были уверены, нас всего двое из множества лордов.

--- Так найдем других! --- раздраженно

парировал Арзутракс. --- И они поддержат нас! Соберет их вместе, костогесантника-предателя, и тварь из глубин, и псаря, и всех прочих! Вместе мы сумеем заставить Эбондрака заплатить за все! Пополни мои слова, еще до захода солнца я пообедаю этим ящером!

Тиресия принялась выкрикивать короткие приказы своим спутникам. Охота была позабыта, и они взмыли в воздух. Рабы подняли чан с Арзутраксом на плечи, и процессия снова двинулась к крепостям и плацам Вел'Скана.

Эбондрак пытался манипулировать ими через единение, но если и было на свете что-то, действительно способное сплотить лоргов Вел'Скана, так это весть о предательстве.

Череп, из которого была сделана наземная часть дворца лорда Эбондрака, скалился, предвкусывая кровопролитие. Лезвия топоров, образующие наклонный пандус, ведущий ко входу в его горло, уже были в темно-коричневых пятнах крови после недавних жертвоприношений. Похоже, ничто в Вел'Скане не могло считаться священным или хотя бы сколько-нибудь стоящим, если регулярно не поливалось кровью. Кинжал в глазнице черепа отбрасывал тонкую изломанную тень на подъездной путь.

Было тихо. Уцелевшая глазница черепа оставалась темной. Балкон перед ней, откуда лорд Эбондрак, вероятно, взлетал, был пуст. У входа, высокой узкой арки, специально рассчитанной на крылья Эбондрака, тоже никого не было.

--- Похоже, стражи нет, --- сказал
капрал Дорваз.

--- Возможно, --- согласился Аларик. ---
Бунты на арене позволяют нам выиграть
время. Эбондрак не вернется, пока рабы не
будут пойманы или убиты.

--- Ты много знаешь об Эбондраке?

Аларик пожал плечами:

--- Однажды я пытался его убить.

--- Ты пытался убить это чудовище?
Трон всемогущий!

--- Это был эксперимент.

Рабы продвигались вперед,
настороженно приближаясь к огромным
медным гверям.

--- Как ты думаешь, кто это был? ---
спросил Дорваз, кивая на гигантский
черепок.

--- Возможно, демон-принц, --- ответил
Аларик. --- Или кто-то, о ком мы никогда
не слышали. Мне кажется, что у Дракаази
довольно запутанное прошлое.

--- Эбондрак очень заботится о своем
величии.

--- Верно, капрал, и смею сказать, что
мы ему порядком насолили. Это оказался

сильный хог — все эти взрывы на арене. Я не был уверен, что у нас все получится.

Дорваз распахнул форменную рубашку. На его груди был выжжен знак в виде змеи, указывавший на то, что он собственностью Эбондрака.

— Они клеймили нас чем-то едким и держали это в бочках под пыточным блоком. Оказалось, что оно хорошо горит.

Аларик улыбнулся:

— Восхищаюсь твоей находчивостью.

— Просто военная сноровка, юстикар.

— Дорваз снова взглянул на дворец. — А он здесь? «Молот Демонов»?

— Если он существует, капрал, то он здесь, а он существует.

Гатранцы хлопотали возле огромных медных дверей, прилаживая к ней бочонки с едкой грянью, позаимствованные ими на тюремном складе.

— Отойдите! — закричал один из них. — Прочь от дверей!

Рабы повискакивали из укрытий и вслед за Алариком бросились бежать от арки. Несколько мгновений спустя медные двери засветились, пошли пузырьки и

взорвались, осыпав все вокруг каплями расплавленного металла. В дверях зияла большая рваная дыра.

Гурф первым пролез в нее, что вовсе не удивило Аларика. Но даже Гурф остановился в нерешительности, увидев дворец изнутри.

Внутри было сумрачно и прохладно. Ветерок шевелил темно-красный шелк на стенах входной галереи. Сверху сквозь огромные зубы просеивались солнечные лучи, сводчатый потолок повторял форму черепа.

Ветерок доносился не с улицы. Это дышали враги лорда Эбондрака. Они были впавлены в стены и потолок или в каменные глыбы в центре зала, словно скульптуры в галерее. Они были еще живы. Аларик увидел жуткие очертания демонов-кровопускателей, выступающие из камня. Шелковые полотнища колыхались вокруг тучного тела человека-мутанта с козлиными ногами и вторым отвисшим ртом на животе, чья мертвенно-бледная плоть срослась с гранитом. Там был вероломный Эмеиный Стражник, без

илета, с лишенным кожи лицом и
разинутым ртом, из которого свисал на
грудь каменный язык; какое-то морское
существо в панцире, наполовину
окаменевшее, словно пыталось выплыть из
стены, в которую его заточили. Одна из
жертв в центре зала была почти похожа
на женщину, с безносым лицом и клешнями
вместо рук, тело ее, выступающее из
каменя, раскинулось в слагострастной позе.
Там были сотни тел, разные порождения
Хаоса -- враги, убитые Эбондраком с того
момента, как он взял Дракаази в свои
когти.

Хаггарг легонько толкнул локтем
Аларика. Хирүрг тяжело дышал, он был
уже немолод.

-- Святая плоть, вы только
посмотрите на это, -- сказал он.

-- Они живые, -- ответил Аларик.

-- Конечно. Будь они мертвыми, они
бы его не забавляли. -- Хаггарг сплюнул. --
Вот это Груүлталак Бронированный, --
заявил он, указывая на существо, похожее
на кентавра в доспехах, со скорпионьим
хвостом и большими фасеточными

глазами, как у лүхи, висящее на потолке у
входа. -- А я-то задал, что с ним
случилось.

Гурф стоял возле женщины-демона в
центре комнаты. Он водил ножом по
коже, пробуя, как лезвие входит в тело.

-- Гурф! -- позвал Аларик. -- Уги со
своими людьми вперед. Нам надо
двигаться дальше.

-- Ну тогда вперед, пошевеливайтесь! --
крикнул Гурф, и его люди пошли вслед за
ним по великоленной широкой лестнице в
дальнем конце зала.

-- Где он? -- спросил из-за спины
Аларика Эрхар. -- Где «Молот»?

-- Здесь. Наверху. Он в черепе.

-- Тогда где?.. -- Эрхар умолк. -- Ну
конечно. Все это время.

-- Скоро сюда набегут Этеина
Стража, -- сказал Аларик. -- Надо идти. У
нас мало времени.

Аларик повел рабов во дворец их
поработителя, и глаза побежденных врагов
Эбондрака смотрели им вслед.

-- Что это означает? --

интересовался лорд Эбондрак.

--- Как я уже сказал, пока что ничего толком не понятно, но они выступили против вас, --- ответил Скатхач.

С наблюдательного пункта лорда Эбондрака среди гнезд демонов на острие одного из копий Вел'Скана было хорошо видно собирающихся внизу врагов. Спускалась ночь, и бесчисленные огни факелов и горящие глаза одержимых сливались в одно сплошное зарево. Враги собирались вокруг комплекса из казарм и плацев, расположенного неподалеку. Отличная исходная позиция для дальнейшего броска.

--- Кто или руководит?

--- Не могу ответить с уверенностью, милорд, хотя некоторые кандидатуры покажутся более вероятными, --- сказал Скатхач. Его более разумная голова говорила, в то время как другая издавала воинственные вопли и несла что-то невразумительное. --- Арзутракс, разумеется. Я уверен, что Повелитель Гробниц тоже с ними.

--- Эта куча тряпья? Все доставшиеся

ему трюпы он получил от меня. Низкий предатель. А кто наверняка с нами?

--- Тургал, несомненно.

--- Ха! От него немого проку, разве что нам будет нужно поговорить с какой-нибудь рыбой. Кто еще?

--- Голгар, могу поспорить, и еще я могу привести Улграндоса Агское Копье. Если измена станет явной, мы наверняка сможем рассчитывать и на многих других. В конце концов, вы их повелитель.

--- Посмотрим, --- решил Эбондрак. --- А что Веналитор? Он должен бы быть на моей стороне. Он не упустит такую возможность заслужить мою благосклонность.

--- Я его не видел.

--- Может, это все-таки его работа, --- задумчиво сказал Эбондрак. --- Это его чемпион убил моего Скархадгота. Не исключено, это было сигналом к бунту, чтобы создать неразбериху и заставить лордов объединиться против меня. Герцог вполне способен устроить все это. Если он изменил мне, я просто обязан съесть его. Он слишком коварен, чтобы поручить его

стенам моего двorca.

--- Какие будут приказанія, милорд?

Эбондрак задумался. Демоны, гнездящиеся на конье, с наступлением ночи зашевелились. Это были ночные существа, и скоро они отправятся на охоту --- утаскивать с крыши неосторожных горожан.

--- Собери войско, --- сказал Эбондрак, --- и как можно больше лордов. Распусти слух. Изменники испортили игры и наплевали на мой крестовый поход. За это они будут разбиты и наказаны. Потерпись, потому что предатели не станут тянуть, они не могут долго удерживать свои войска в повиновении.

--- Да, милорд, --- ответил Скатхач и направился к небесной колеснице, стоящей меж ду гнездами. Это был реликт былых времен, продукт гравитехнологий, которые Улперит, разбухший и ослабевший, не мог больше воспроизвести.

Скатхач направил колесницу вниз, к беспорядочному нагромождению построек Вел'Скана. Он дал двигателю полный ход, поскольку ему не терпелось рассказать

Арзутраксу об услышанном.

«Молот Демонов» был стар. Его покрывал такой толстый слой ржавчины, что казалось невероятным, что под ней вообще скрывается корабль. Сейчас, когда Аларик знал правду, он мог различить сопла его двигателей, затупленную носовую часть, гребни антенных мачт и жерла торпедных аппаратов. Нужно было лишь немного воображения.

--- Это он? --- спросил капрал Дорваз.

--- Конечно, --- ответил ему Эрхар, --- разве ты не видишь?

Аларик привел рабов в верхнюю часть черепна. Огромный купол его был разделен на зал для приемов и обрядовые комнаты, плюс еще множество помещений, не поддающихся определению. То, в котором они сейчас находились, было именно таким. Аларик предполагал, что это что-то вроде камеры для допросов, с ремнями, свисающими с каждой поверхности, и выемками в полу, как раз позволяющими привязать между ними человека. Это, однако, не объясняло богатого убранства

пыточные принадлежностями, инкрустированные золотом, и прекрасные gobелены с изображением битв, испорченные засохшей кровью.

Кинжал, вонзившийся в глазницу черепа, пробил помещение насквозь, и теперь большую его часть занимал огромный ржавый стержень, с которого свисали остатки множества скелетов мутантов. Однако это был не кинжал.

— Лейтенант, прошу вас, — сказал Аларик.

Эрхар вышел вперед и достал судовой журнал «Молота Демонов». Он открыл книгу и начал читать.

— Неужели эта штука еще действует? — спросил Хаггард, стоя рядом с Алариком, поскольку там, видимо, было безопаснее всего.

— Это старый корабль, — ответил Аларик. — Старые корабли — всегда самые лучшие.

— «Братья мои и сестры, — читал Эрхар, — это не просто путешествие. Это творение не перенесет нас в Землю Обетованную само по себе. Это всего лишь

сталь и стекло. Правда вам труднее будет
услышать, но это слово нашего
Императора, донесенное до нас пророком
Его. Мы, как пилигримы, идем не дабы
прийти, а дабы претерпеть».

Верующие повторяли слова вместе с
ним — шелест голосов, словно молитва,
подчеркивающая слова Эрхара. Это была
речь, прочитанная капитаном
паломнического корабля перед тем, как
«Молот Демонов» отправился к Земле
Обетованной. Религия правоверных Эрхара
основывалась на этих словах, воспринимая
их не как утверждения капитана, но как
метафору всего, что им пришлось
пережить. Дракаази была кораблем, рабы —
— пилигримами, ужасные испытания в
рабстве у лордов планеты —
путешествием, но правда оказалась куда
более прозаической.

— Мало просто верить в
Императора, чтобы избежать всех
напастей, которыми грозит нам пустота.
За время нашего пути мы должны
измениться, мы должны стать единым
целым с правдой Императора. Мы должны

отринуть ложь, ослепляющую нас, изгнать пороки и сомнения, что правят нами, отбросить отчаяние этого безрадостного тысячелетия. Просто выжить еще недостаточно. «Молот Демонов» должен изменить нас, сделать чем-то большим, нежели мы есть. Лишь тогда удостоимся мы места в Земле Обетованной.

Внутри «кинжала» что-то заскрежетало. Корка ржавчины растрескалась, и куски ее посыпались с цилиндра, разбиваясь в рыжую пыль об пол камеры. Верующие понялись.

— Зуб Императора! — прошептал Хаггард.

— Он настоящий, — заметил Гирф.

В корпусе «кинжала» открылась дверь и медленно опустилась вниз. Изнутри брызнул свет. Дворец заполнилось монотонное жужжание систем жизнеобеспечения и плазменных каналов. «Молот Демонов» ожил.

Все уставились на дверь и на яркое сияние внутри, — все, кроме Аларика. Боковое зрение костогесантника было исключительно четким, и он заметил,

как едва заметно изменились тени, как неясная фигура отделилась от темноты в дальнем конце зала и метнулась в арку. Она направлялась в лицевую часть черепашьего зала. Аларик прекрасно знал, кто это. Удивляло лишь то, что он так долго не показывался.

--- Посторожи, --- сказал Аларик Гирфу. --- Не подпускай никого, пока люди Эрхара не сумеют подготовить эту штуку к старту.

--- А ты?

--- Я должен защищать это место.

--- Тогда я пошлю...

--- Я один.

--- Улей в виду, везунчик, если не вернешься к сроку, ты улетишь без тебя.

--- Если так случится, желаю удачи, --- ответил Аларик, выходя из зала.

Его уход заметили немногие. Некоторые застыли, загнинотизированные светом, льющимся из «Молота Демонов», другие карабкались по пандусу, откинувшись из ржавого корпуса. Кусочки ржавчины еще осыпались, являя взглядам древнюю поверхность, темно-синюю с остатками золотого узора.

Когда Аларик проходил под аркой, Эрхар все еще продолжал читать молитвы из своей книги.

Перед ним была треугольная комната, образованная носовой полостью черепа. Это было место для прорицаний или же для стратегического планирования, судя по модели звездной системы, стоящей у одной стены, и по столу, испещренному астрологическими знаками, у другой. По стенам были развешаны схемы расположения звезд над Дракаази.

Аларик затер и затаил дыхание. Гуд двигателей, прогревающихся у него за спиной, раскатывался по всему дворцу, но Аларик вслушивался, надеясь уловить нечто другое: шорох шагов или вздох.

Вдоль одной из стен скользнула тень, едва различимая на фоне карты звездной системы.

--- Келедрос, --- сказал Аларик, --- тебе больше не спрятаться.

Тень затерла, но теперь Аларик видел ее, чуть заметно искажившую свет, отраженный от серебристой паутины

звездной карты.

— Я знаю, кто ты такой, Келегрос. Знаю уже давно, и ты хорошо исполнял свою роль, но теперь игра окончена.

Фигура эльгара материализовалась из кокона теней.

— Аларик. Я рад, что нашел тебя. Там, на арене, нас разделили. Я знал, что твоя цель здесь, поэтому...

— Ты пришел, чтобы тайком проникнуть на корабль.

— Проникнуть на корабль, юстикар? Зачем мне нужно...

— Потому что я бы убил тебя до нашего отлета. Теперь с ложью покончено, чужак, если ты вообще способен говорить правду.

— У тебя есть доказательства моей измены, человек? Я хотел бы услышать их, прежде чем отвечать на твои угрозы. —
Голос Келегроса был исполнен обычного высокомерия.

«Неужели, — подумалось Аларику, — ни одному эльгару ни разу не пришло в голову поинтересоваться, есть ли у человеческих существ душа, способны ли

они страдать?» Скорее всего, любой из них обращал на человека внимания не больше, чем человек на какой-нибудь микроб под линзой.

--- Торганел Квинтус, --- сказал Аларик. Презрительная ужимка почти исчезла с лица Келедроса. --- Я никогда не был там. Там сражалась Имперская Гвардия, я читал об этом. И никому не говорил, будто я был там, кроме тебя.

На взгляд обычного человека, Келедрос не шелохнулся, но Аларик было ясно, что все мускулы чужака напряглись, готовые к действию. Манера боя Келедроса основывалась на том, чтобы первым нанести стремительный удар. Аларик не даст ему такой возможности.

--- Веналитор тоже думал, что я там был, --- продолжал Аларик. --- Единственный, кто слышал от меня эту ложь и мог ему пересказать, --- ты, Келедрос.

Келедрос облизнул губы.

--- Ты цепляешься за истину, словно она что-нибудь значит здесь, человек.

--- Последнее восстание рабов выдал

тоже ты? То, подавление которого они праздновали, когда погиб мой друг. И те игры стали возможны потому, что ты подарил Веналитору и Эбондраку эту победу?

--- Каждый делает то, что должен, --- сказал Келегрос, --- чтобы выжить.

--- Для человека, --- спокойно ответил Аларик, --- просто выжить недостаточно.

--- Да что твой народ понимает? --- прошипел Келегрос, обнажая цепной меч.

Между зубьями оружия засохли сгустки крови. Вся утонченность эльдара исчезла, он был похож на дикое беспощадное существо, рожденное, чтобы убивать. ---

Как ты думаешь, почему я не сказал Веналитору про «Молот Демонов»? ---

Потому что я верю, юстикар! Верю в то, что смогу убежать из этого проклятого

мира. Никто на всей планете не желает этого побега так, как я! Тебе никогда не

понять, что может случиться с беззащитной душой, умирающей в таком

месте, как это! Ты никогда не построишь в лицо Той, Что Жаждет!

--- Я все понимаю, чужак! --- сказал

Аларик. — Я знаю, кто ты такой. Ты никогда не шел этим вашим путем Скорпиона. Мне уже встречались такие, как ты. Вы порождения тьмы, с кожей, сотканной из теней, окутанные тишиной. Мандрагоры, как называют вас гвардейцы. Убийцы и шпионы. Как еще ты можешь уходить с «Гекатомбы» и возвращаться, когда тебе вздумается? Ты думал, что я поверю, будто это один из фокусов, которому учат на пути Скорпиона? Ты гораздо хуже, чем просто чужак, и я не позволю такому существу покинуть этот мир.

— Я улечу с Дракаази! — завизжал Келегрос. Лицо его совершенно исказилось, из черных глаз покатились слезы, густые и темные, как нефть. Он окончательно сбросил с себя личину. Но его тело скользили тени, он словно мерцал, то появляясь, то исчезая. — Объятия Котморры! Ей не взять меня! — Келегрос кружил по комнате, пытаясь подобраться поближе к арке, ведущей наверх, к уцелевшей глазнице черепа.

— Ты утреешь здесь, — сказал Аларик, —

- и она наверняка возьмет тебя.

У Аларика в руке было копье. Ему казалось, что это уже тысячное по счету оружие, с которым ему довелось иметь дело на Дракаази. Как бы ему хотелось, чтобы это была его алебарда Немезиды или что-то из изумительного оружия того кузнеца, но и копье тоже подойдет.

Келегрос был быстр, но все же недостаточно. Если и было что-нибудь, что Аларик умел делать лучше всех на Дракаази, так это совершать казни. Аларик отвел руку для удара.

Внезапно в арке за спиной Келегроса вспыхнула узкая полоска света. Она вылетела из тени и врезалась в эльдара, разрубив ему плечо и разрезав спину сверху донизу. Хорошая треть его туловища шлепнулась на пол, из огромной раны вывалились разрубленные органы.

Келегрос попытался отскочить от Аларика, но тело не послушалось, и глаза его расширились, когда он понял, что умирает. Он покачнулся и упал на спину. Кровь лишь теперь прихлынула к ране и толчками била из разрубленного тела.

--- Ты слишком преувеличивал свою значимость, чужак, --- произнес низкий голос, исполненный властности и высокомерия. --- Недостаток всей твоей расы. Ты думаешь, я собирался соблюдать наше соглашение? Свобода, безопасность --- и все это за несколько слов предательства? А теперь ты постел думать о побеге, чтобы рассказать о том, что тебе известно о нашем мире, всему вашему племени? Ты был не более чем домашним животным, и теперь тебя вышвырнули вон.

--- Она... --- выдохнул Келедрос, трепыхаясь на полу, будто выброшенная на берег рыба. --- Та... которая... жаждет... --- Глаза его потускнели, и он утер на глазах слезу Аларика. Аларик показалось, что он слышит вдали вопли Келедроса, оплакивающего свою погубленную душу, но звуки унес ветер, ворвавшийся сквозь отверстия в черепе.

--- Бедный шпион, --- сказал герцог Веналитор. --- Он действительно думал, что покупает себе некое подобие победы своей ложью.

Аларик не мог говорить. Веналитор нашел их. На этом все и окончится.

--- Кажется, я опередил тебя, --- сказал Веналитор, входя в комнату. Сегменты его темно-красного доспеха сверкали в лучах закатного солнца. Меч в руках герцога засиял, впитывая капли крови Келегроса, стекающие по клинку. --- Когда нужно казнить одного из моих рабов, палачом становлюсь я сам.

--- И что дальше? --- выдохнул Аларик.

--- Как ты думаешь, Серый Рыцарь?

--- Один из нас убьет другого.

--- Думаю, ты мог бы выразиться точнее, --- с ледяной улыбкой заметил Веналитор. --- Должен признать, что ты из той редкой разновидности врагов, которые чем ближе, тем опаснее.

Веналитор кружил вокруг Аларика, и тот пытался оценить все возможные приемы Веналитора в нападении: режущий удар снизу по ногам, рубящий сверху в голову или в горло, любой из миллиона ударов и выпадов, способных разом оборвать жизнь Аларика.

--- Было бы забавно оставить тебя в

живых и использовать для дальнейшего
служения Кхорну, --- сухо произнес
Веналитор, --- но мне надоели забавы.

Веналитор сделал выпад. Аларик был
готов. Он вскинул копье, закрываясь от
удара, и клинок перерубил древко. При
этом он отклонился в сторону и не
зацепил Аларика, но копье стало
бесполезным. Аларик отбросил обрубок
древка прочь и выставил перед собой
наконечник, приготовившись защищаться
или атаковать.

--- Я многому научился здесь, --- сказал
Аларик, заставляя свой голос звучать
спокойно. --- Я уже не тот человек,
которого ты победил на Сартис Майорис.

--- Да, юстикар, ты нечто гораздо
меньшее.

Аларик мог бы колоть, и
закрываться, и нападать, пока не утратит,
но таким образом невозможно было
выиграть этот бой. Серый Рыцарь,
возможно, этого бы не понял. Но Аларик не
был больше Серым Рыцарем.

Он отбросил копье и ринулся вперед.

--- Я знал, --- проревел лорд Эбондрак, ---
что этим все кончится!

Голос его разнесся над Допоной
Долиной. Ее склоны были выложены
лезвиями каменных топоров и грубо
отесанных древков копий, самого древнего
и примитивного оружия в Вел'Скане.
Долина представляла собой расщелину,
проходящую через самый центр города,
сильно углубившуюся за тысячелетия
войны. Вражеская армия, состоящая из
многих войска нескольких лордов Дракаази,
заняла ее от края до края. Рабы
Арзутракса были привязаны к забитым в
землю кольям и разрисованы рунными
заклинаний. Тиресия призвала целые
племена. Войско Скатхача было самым
большим: впечатляющие шеренги воинов ---
от одетых в форму людей с

огнестрельным оружием до
бронекавалерии. Все эти силы были
собраны в спешке, лорды хотели
уничтожить Эбондрака, прежде чем он
успеет отреагировать.

Но Эбондрак постоянно жил в полной
боевой готовности.

— Быть может, через миллион лет, —
пророкотал он, сопровождая свои слова
клубами черного огня, — быть может,
через считанные мгновения, но вы
выступили бы против меня. Так было
всегда. Я стар, как эти горы, как звезды
над вашими головами, и я видел это
столько раз, что почти лишь бесконечную
цепь предательств. Все, что вы сделали,
не более чем неизбежная рутина, и я
предвидел каждый ваш шаг.

Огромная масса черных, похожих на
жучков существ хлынула из трещин между
оружием Дюпонтной долины. Тысячи
сцефилигов торопливо строились перед
лордом Эбондраком под знаменами своих
племен. Старый генерал с потускневшим
за долгие века панцирем неуклюже
выбрался вперед.

--- Ты господин нашего господина, ---
невнятно прогудел генерал сквозь жвала.

--- Значит, вы слуги моего слуги, ---
ответил Эбондрак.

Генерал махнул передней лапой,
подавая сигнал сцефулидам. Все они разом
обнажили оружие. Они все еще продолжали
строиться вплоть до самого горла долины,
их, вероятно, были сотни тысяч.

--- С нами Кхорн! --- завопил в ответ
Арзутракс. --- Ты устроил этот бунт в
самом сердце нашего города, в разгар
праздника Кхорна, и все это лишь для
того, чтобы заставить нас объединиться
под твоей властью! Теперь это уже не
борьба за власть, черный ящер! Это
отлучение от веры! Кхорн презирает тебя,
и его гнев падет на твою голову! Мы,
истинные лорды Дракаази, --- оружие этого
гнева!

--- Ты обвиняешь меня в
предательстве? --- Эбондрак поднялся во
весь рост и от злости выдохнул облачко
черных искр. --- Богохульство на арене было
лишь ширмой, способом отвлечь мое
внимание от вашей измены! Какая

глупость, какая наивность полагать, что подобный пустяк может вырвать у меня победу!

Через стену долины перевалился Түргал, древнее существо из стүденистой плоти и щүпалец, обитатель глубин Дракаази. С ним были его сородичи, поменьше размером и не столь зловонные, но тем не менее смертельно опасные, щелкающие крючковатыми клювами, торчащими из их моллюскоподобных тел. Из-под земли начали выползать трүны, и Повелитель Гробниц, вопреки всемоужиданиям решивший поставить на Эбондрака, тащился среди них, позволяя им слизывать трүнную жидкость с его савана.

Армия Эбондрака была огромной, неменьшей, чем у заговорщиков, хоть к тем и присоединились псы Голгара Хозяина Стаи. Арзүтракс подал знак, и рабы, припиленные кольями к земле, начали корчиться, из их глаз и ртов ударили лучи красного света, ибо союзники из варна послали своих рядовых, чтобы сделать рабов одержимыми.

--- Довольно слов! --- воскликнула
Тиресия, накладывая пылающую стрелу на
метиву лука.

--- О, это единственное, в чем мы
можем сойтись, --- ответил Эбондрак.
Выдохнув мощный столб огня, он дал
сигнал к атаке.

Аларик испытал жестокое
удовлетворение, когда лоб его с хрустом
врезался в нос Веналитора.

Веналитор отлетел к столу, свалив
на пол модель звездной системы. Хрупкая
конструкция разбилась, рассыпав повсюду
крохотные бронзовые планеты и орбиты.

Веналитор попытался развернуть
меч, но Аларик уже сидел на нем верхом.
Аларик не помнил тех времен, когда он
лишился рассудка, но мышцы его помнили.
Самым естественным делом на свете
было схватить Веналитора за горло и
снова и снова бить его об стол. Веналитор
рычал и пытался вырваться. Стол
раскололся надвое, и Веналитор полетел
на пол вместе с Алариком, стремящимся
выдавить ему глаза и вырвать горло.

Веналитор ударил Аларика коленом
в грудь и перебросил Серого Рыцаря через
голову. Аларик проскочил через
полуразгромленную комнату гля
прорицаний и вылетел в арку,
оскальзываясь на крови Келедроса.

Он очутился в трофейном зале лорда
Эбондрака.

Здесь было огромное количество
оружия и тел, выставленных в совершенно
непотребном виде. На золотом блюде
лежал выпотрошенный труп с рубинами,
вложенными в раны. Это был человек в
форме, возможно гвардейский
военачальник или же кто-то из знати,
уложенный на черную трапезную плиту,
словно надгробная скульптура. Аларик
отметил нежные черты лица,
искаженного тухлой, и ему показалось, что
это была женщина.

Клешни и клинки, оторванные у
чужаков, были развешаны на стене сбоку
от Аларика. Из черепов и ребер,
принадлежавших, как он определил,
тиранидам, была устроена целая
выставка. Посреди зала вырисовывались

чертания трофейной осадной машины из
черного металла с коваными украшениями
в виде кричащих лиц.

Зал занимал добрую треть
дворцового черема и был доверху забит
оружием и частями тел побежденных
врагов: огромные тотемные столбы с
черепами каких-то гигантских существ;
канделябры из отрубленных рук;
оплавленные мечи, завернутые в кожу,
сохраненную с татуированных тел; тела,
разложенные на бронзовых подносах или
вмороженные в глыбы льда, не тающего
благодаря негромко гудящим
криоустановкам; сотни копий и мечей,
образующих ужасные стены из лезвий; века
и века битв и гуделей, отлщенных измен и
разоблаченных потенциальных убийц, ---
жуткая иллюстрация того, чем на самом
деле был лорд Эбондрак.

Аларик втиснулся в тень между
парой мутифицированных тренов, так и
оставленных наколотыми на пики,
убившие их.

Он оценил ситуацию в какие-то доли
секунды, как способен это делать лишь

мог костюмодесантника. Теперь он уже не был безоружен. Он мог выбирать любой из тысячи смертоносных предметов, выставленных в трофейном зале, но Веналитор по-прежнему оставался самым сильным фехтовальщиком, какого Аларикү довелось видеть.

Слишком сильным.

--- Выходи, костюмодесантник! --- крикнул Веналитор, осторожно входя в трофейный зал. --- Воистину твой Император слабак, если даже лучшие из его людей такие трусы, как ты.

--- Ты слишком много рисуешься во время поединков, --- ответил Аларик. --- Я заметил это, еще когда ты победил меня на Сартис Майорис. Такие вещи обостряют восприятие. --- Аларик беззвучно снял с груди ближайшей туши меч --- бронзовый скилитар, весь покрытый рунатами. --- Если я чему и научился здесь, так это тому, что кровопролитие --- это гнусное и низкое дело.

--- Кровопролитие --- это искусство! --- прорычал Веналитор. --- А ты --- мой холст!

Веналитор обогнул витрину с
мүтиями, и юбка его доспеха взметнулась
за ним, словно крылья. Аларик отразил
рубящий удар сверху своим скинитаром, и
бронзовое оружие оказалось рассеченным
нагвое. Аларик крутнулся, выдернул пик
из черепа второй мүтии и отбил
очередную атаку. Меч Веналитора
прошел в сантиметре от живота
Аларика, и пика расщепилась нагвое по
всей глине.

Аларик нырнул вперед и ударил
Веналитора коленом в пах. Веналитор
отпрянул, согнулся пополам, и Аларик
ударил его снизу в грудь кулаком с такой
силой, что его противник отлетел назад и
врезался в мүтии. Но полу рассыпались
иссохшие конечности и куски
затвердевших за долгие годы погребальных
телен.

--- Слишком много рисовки, --- сказал
Аларик, отряхивая руки.

Веналитор вскочил. Он зарычал, и на
мгновение из-под личины утонченного
фехтовальщика проглянула его истинная
сущность. Из широко разинутой клыкастой

насти раздалось шипение, черные глаза
сужились и превратились в змеиные щелки.

Однако видеть это было некому.
Веналитор приготовился к новой атаке,
но она не последовала. Он огляделся по
сторонам, но юстикар Аларик исчез.

Совершенно не в духе
костогесантников, но это было неважно.
Аларик наконец-то стал таким же, как
любая другая добыча, стал загадкой,
которую нужно разгадать, жизнью,
которую нужно прервать. Веналитор
наскоро вознес короткую молитву Кхорну,
прося силы своему мечу, и начал охоту.

--- Навигация в порядке, --- едва слышно
выдохнул Эрхар. --- Слава Императору!
Слава святым! --- Он развернулся к пульту
управления и начал читать надписи на
потумневшем от времени
информационном табло. --- Все работает.
Плазма в каналах! Реакторы
разогреваются!

Стоило пройти через все это хотя бы
ради улыбок на лицах верующих. Они
словно вознеслись вдруг на небо, словно сам

Император воспарил над мостиком «Молота Демонов», ниспосылая им свою благодать.

Корабль действовал. Земля Обетованная стала реальностью.

--- Векторы взлета загружены, ---
положил один из верующих из-за
навигаторского пульты, окруженного
похожими на пластины модулями памяти
на тем-кристаллах. --- Все в норме. Как
только двигатели малой тяги выйдут в
оперативный режим, а основные двигатели
будут запрограммированы, мы можем стартовать.

--- Постой, --- сказал Эрхар. ---
Последователи Разазеля
запрограммировали корабль на то, чтобы
лететь в варп-разлом. В навигаторе
должны быть именно эти координаты.
Воспользуйся ими на время взлета, а
потом возьми управление на себя, иначе
мы улетим прямо в варп.

--- Значит... это он? И он может
лететь? --- спросил брат Хойгенс. У него
был совершенно потрясенный вид, словно
все случившееся не укладывалось у него в
голове. --- Казалось, лишь мгновения назад

рабы готовились утирать на изгнанных
Вел'Скана. Теперь у них был костический
корабль.

--- Это он, --- ответил Эрхар. --- Это
чудо, истинное чудо. Те, кто отрицал, что
свет Императора может когда-либо
пролиться на этот мир, смотрите --- вот
он, «Молот Демонов»!

«Молот» и впрямь был достоин
считаться даром Императора. Под
воздействием стихий Дракаази он
покрылся коростой ржавчины, но внутри
корабль был великолепен. Приверженцы
Разазеля не жалели средств. Коридоры и
отсеки сияли густой синевой и золотом,
над каждой дверью и иллюминатором
висели портреты святого. Повсюду были
святилища Императора, от простых ниш
с ритуальными свечами и текстами до
огромного трехстороннего алтаря в
районе главной кают-компании, с
написанным золотом триптихом,
изображавшим Императора как
избавителя, хранителя и мстителя. В
капитанской рубке находился реликварий
со святыми мощами и флаконами святой

крови, парящими в поле миниатюрных
гравитаторов, он кольцом охватывал
панели управления и главный командный
пульт и купался в лучах яркого света.
Эрхар в жизни не видел ничего столь
прекрасного, в том числе и в те дни, когда
еще не был работ. «Накс Деинотатос» был
уродлив — ржавое железное корыто с
подтекающими трубами. «Молот» был
могущественным летающим алтарем во
славу Империи.

— Тогда нам... надо бы помолиться, —
неуверенно предложил Хойгенс.

— Молиться мы сможем, когда
взлетим, — ответил Эрхар. Он щелкнул
переключателем, активизируя судовую
вокс-сеть. — Машинное?

— Есть, лейтенант, — слышался
ответ. Это был Гирф.

Эрхар поторщился при мысли, что
Гирф тоже находится на их святом
корабле, но когда они прибьдут к Земле
Обетованной, его ждет тот же суд, что и
их всех.

— Состояние реакторов?

— Похоже, работают. Двадцать пять

процентов, если это что-то значит.

--- Значит, --- сказал Эрхар. ---

Докладывайте мне об изменениях.

--- Да, лейтенант.

--- Лейтенант, --- сказал верующий за навигационным пультом, --- вы должны на это взглянуть.

Эрхар поспешил к нему. Поверх плеча верующего он увидел экран с картографическими данными.

--- Это Дракаази, --- сказал верующий, указывая на отметку на экране, --- а это курс, все еще заложенный в навигационные координаторы. Похоже, корабль шел именно там, когда разбился здесь.

Эрхар проследил кривую, отражавшую курс корабля. Место назначения находилось совсем неподалеку от Дракаази. Хороший, быстрый корабль, каким, несомненно, являлся «Молот», мог бы долететь меньше чем за час.

--- Они были совсем близко, --- сказал Эрхар. --- Должно быть, воля Императора привела «Молот» на Дракаази, не позволив достигнуть цели. Что бы ни случилось с этими пилигримами здесь, это уж точно

было не хуже того, что находится за разломом.

--- Взлететь-то мы взлетим, --- сказал верующий, --- но что потом?

--- Мы избавимся от Дракаази и от Ока, если стожем, --- ответил Эрхар. Глаза его сияли. --- И обретем Землю Обетованную.

Все обитатели Вел'Скана решали, чью сторону им принять.

Распря волной растекалась по улицам города, словно кипящая ненависть. Кузнецы обращали свои молоты друг против друга. Демоны на плацу командовали одной шеренге атаковать другую. Прохожие на улицах разбирались, кто за кого, и в переулках сверкали ножи. Половина клялась в верности Эбонграку и установленному порядку монархии. Другая половина стремилась к его свержению, к беспорядку, разрушению и хаосу.

Две армии сражались по всему городу, не только в Дюпотонной долине, но в самом Вел'Скане, в каждом храме и кузнице, в любых местах, где один человек мог убить

друзьго.

В долине лорд Эбондрак лично возглавил наступление. Развернув огромные крылья, он взмыл в воздух и спикировал на Тиресию Охотницу. Он вытащил из-под себя ее расплющенное тело, подбросил его в воздух и щелкнул челюстями, проглотив ее одним махом. Тысячи стрел и копий градом сыпались на него, но он дыхнул на людей из племени Тиресии черным огнем, и сотни их погибли, обращенные в обугленные скелеты силой гнева Эбондрака.

Тысячи людей Скатхача сошлись с торем сцефилигов. Сам Скатхач извлек из-за пояса древний болтер — реликвию, оставшуюся от его службы в предательском Легионе, и посылал болты в самую гущу сцефилигов, в то время как шеренги его воинов пытались выстоять против этой живой волны.

Тела рабов, привязанные к кольям, взорвались, залив все вокруг кровью, и демоны варна лишились одержимых или тел. Без кожи, блестя оголенными мускулами, тонконогие, плюющиеся

горячей кровью, они налетели на
обратительное воинство Тургала.
Мертвая орда Повелителя Гробниц
карабкалась по растущим горам трупов,
утаскивая утерших солдат, чтобы
пожрать их.

Сражение выплеснулось из долины.
Демоническое отродье и щупальценосный
ужас из глубин сражались на галереях
храмов и на священной земле, снося статуи
и реликвии Кхорна. Уцелевшие охотники
Тиресии перенесли сражение в воздух,
завязав на своих летающих чудовищах
отчаянный воздушный бой с крылатыми
демонами из гнездовий Вел'Скана.

Считанные минуты спустя никто уже
не помнил, почему он дерется. У обеих
сторон осталось ощущение, что их
предали, но все подробности утонули в
крови. Арзутракс, размахивавший
огромной глубиной из своего чана, который
волокли вперед через груды трупов, не
помнил даже того, зачем он послал свое
потрепанное войско в самую гущу
сцефилигов. Повелитель Гробниц
предоставил событиям, приведшим к

битве, превратиться в таленькую
воспаленную точку у себя в мозгу и
сосредоточился вместо этого на святом
деле: он превращал погибших в бою в
наполовину живых и посылал их против
тех, с кем они только что сражались бок о
бок.

Помнил один лишь Эбондрак. Часть
его сохраняла спокойствие во время
кровавого побоища, напоминая ему: если он
проиграет, то потеряет Дракаази. Он
предпочитал погибнуть королем, чем
жить чьим-то рабом. Как подобает слуге
Кровавого Бога, лорд Эбондрак жаждал
смерти так же страстно, как и победы, и
в смертях на заваленных трупами улицах
Вел'Скана недостатка не было.

Эхо битвы разошлось по Дракаази,
будто волны землетрясения по земной
коре. Каждый из крупных городов планеты
ощутил его, и они тоже вдруг оказались
разделенными. Безумцы на «Бегствии»
прекратили разглазольствовать,
забросили свои прорицания и принялись
лупить друг друга всем, что попадется под

рыку, либо сбрасывать один другого в море. Хохлатый демон-рыба поднялся из глубин, чтобы понежиться в кровавой пене под превратившимися в бойни храмами «Бегствия».

Пение Аэлазагни сделалось трачным и нестройным, и вместо голосов в нем звучало бульканье крови в перерезанном горле. Боевые порядки Горгафа вдруг перестроились по-новому, огни встали под знамя дракона, в то время как другие, погибая, проповедовали революцию. Тхаал забурлил от убийств, его сточные каналы переполнились кровью, а ночи — шелестом ножей, вонзающихся в плоть. Карникаль начал медленно пожирать сам себя.

Дракаази содрогалась. День сделался кроваво-красным, в то время как на другой стороне планеты звезды превратились в пылающие рубины, словно глаза, пресытившиеся созерцанием побоища. Ветры были над равнинами, ввергая всех живых существ в безумие, обращая тайные кружки культистов друг против друга или вызывая в джунглях по всем континентам вспышки каннибализма, когда и хищники,

и добыча набрасывались друг на друга. Даже в морских глубинах причудливые существа, неведомые на поверхности, рвали друг друга в клочья острыми как иглы зубами.

К ветру примешивался звук, разносившийся дальше, нежели лязганье клинков и вопли утирающих.

Это был стех.

Кхорн наслаждался редкостным зрелищем.

Герцог Веналитор крадучись обходил трофейный зал, и за ним на полу оставались кровавые следы. Это была кровь Келедроса.

Веналитор никогда не был здесь. Здесь вообще очень мало кто бывал, за исключением Эбондрака. Он не знал, что и где здесь находится, и не ожидал, что зал настолько огромен и что в нем столько мест, где может спрятаться Аларик.

В океане развращенного разума Веналитора забрезжил берег неудачи.

— Люди, которых ты убил во время своего безумия, — сказал Веналитор, — это были те, которых я привез из городов Сартис Майорис, ну и еще кое-кто из ваших гвардейцев. Ты не узнал их, когда убивал?

Темнота не ответила. Спустилась

ночь, и единственным источником света были сверкающие шары, рассыпанные среди трофеев, очевидно, для того, чтобы сделать глинные тени еще глинные.

— А как насчет Скархадгота? Я видел, ты убил его. Ты теперь чемпион Дракаази. Каково это — когда тебя объявляют самым преданным слугой Кхорна?

Уши Веналитора уловили звук шагов. Он замер, опустив меч, готовый перерубить ноги приближающемуся Серому Рыцарю.

Веналитор развернулся и полоснул мечом неясную тень, возникшую перед ним. Его клинок вошел в тело, в раскачивающийся труп, подвешенный на аркане к потолку. Казненная жертва Эбондрака, оставленная гнить в трофейном зале.

Он сражался с пустотой.

Аларик нанес удар из-за подставки для мечей и щитов, и древнее оружие со звоном разлетелось в стороны. Клинок обрушился вниз и столкнулся с мечом Веналитора, перерубив прочнейший

металл, и половина клинка, вращаясь, улетела куда-то в тень.

Веналитор отпрянул. Он едва повернулся от удара Аларика, грозившего втянуть его в пол.

Аларик приземлился тяжело, но на ноги, и плитки пола раскрошились под ним. В руке он держал алебарду Немезиды, оружие Серого Рыцаря.

На другой его руке была перчатка со встроенным штурм-болтером.

--- Надеюсь, Эбондраку понравился твой скролный подарок, --- сказал Аларик, заметив потрясение, скользнувшее на миг по лицу Веналитора при виде его оружия. --- Он обойдется тебе дороже, чем ты думаешь.

Веналитор быстро перевел взгляд с дуревка в одной своей руке на обломок меча в другой.

--- Это был мой любимый меч! --- прорычал он.

Он окончательно перестал прикидываться человеком, и лицо его растаяло, нос и рот удлинились и слились в глинное зубастое рыло, глаза

превратились в яркие щелки. Привычным движением Веналитор выхватил из-за спины пару коротких мечей.

--- Теперь, --- сказал Аларик, --- мы почти равны.

--- Почти, --- прошипело существо, называвшее себя герцогом Веналитором.

Оружие сталкивалось так быстро, что его звон сливался в сплошной звук, --- казалось, будто трофейный зал наполнился вдруг шумом ливня. Веналитор наносил удары с такой скоростью, что невозможно было уследить глазом, но его клинки отскакивали от алебарды Аларика. Аларик отбивал его удары со страшной силой, большая глина его оружия позволяла Серому Рыцарю делать широкий захват, слишком явный, чтобы ранить, но вполне достаточный, чтобы заставить Веналитора отступить, пятиться шаг за шагом.

Аларик выстрелил из штурмового болтера. Веналитор отмахнулся от болтерных зарядов, как от мух. Он сделал низкий выпад и рубанул Аларика по ногам. Аларик отразил один удар древком

алебарды, перевернул ее лезвием вниз, чтобы отбить второй, и, выбросив ее вперед, рассек Веналитору подбородок. На безобразном лице Веналитора появилась глубокая рана, и из нее потянулись кровавые плети, обвиваясь вокруг рук и ног Аларика, пытаясь оплести их, лишит ли Серого Рыцаря возможности защищаться.

Аларик сгреб плети рукой с болтером и подтянул их к своему лицу. Он впился в них зубами и начал рвать, как рвал зубами сырое мясо приносимых в жертву гатранцев во время своего безумия. Плети обмякли, и Аларик сплюнул кровь.

Он многому научился. Если нужно, он мог драться как зверь. Мог отказаться от всего, чему его научили в тренировочных залах Титана, и возвратиться к первозданной жестокости, той, что у него в крови. Мог превзойти своего врага в безжалостности и жажде крови. Этому научила его Дракаази.

Аларик перерубил один из мечей Веналитора, отбил в сторону другой и схватил своего врага за руку. Он оторвал Веналитора от земли и бросил на

гигантскую осадную машину в центре зала. Машина распалась на части и обрушилась, повсюду разлетелись черные от засохшей крови щепки и железные осколки.

Веналитор перекатился на грудь и погнулся на колени. Аларик не дал ему возможности встать на ноги. Он схватил обломок дерева и ударил им Веналитора по голове с такой силой, что тот снова отлетел назад и врезался в стойку с богато отделанным доспехом.

Рука Веналитора ухватилась за пустоту. Он чуть было не упал.

Он остановился на самом краю отверстия, образованного глазницей черепа. Сбоку, из другой глазницы, торчал заржавленный корпус «Молота Демонов». Корпус согнулся от мощи запущенных двигателей, и с него осыпались хлопья ржавчины.

Внизу лежал Бел'Скан.

При виде охваченного битвой города Веналитор потерял дар речи. На улицах сражались войска. Знамена дюжины лордов реяли над их дерущимися сторонниками.

Потоки черного огня свидетельствовали о том, что Эбондрак лично участвует в войне. Предместья Вел'Скана уже горели, расцвечивая ночь Дракаази тускло-оранжевыми красками.

Посреди побоища скакали демоны. Воины боролись за право умереть первыми.

--- Просто выжить, --- сказал Аларик, --- всегда было недостаточно.

--- Так это... это был ты, --- прошипел Веналитор. Ярость на его ужасном, окровавленном лице стенилась изумлением. --- Арзутракс и я, Раззазель, Горгаф, твое безумие --- это все ты. Это все --- твой план.

--- Конечно. Я Серый Рыцарь. Вряд ли я мог попасть в такой мир, как Дракаази, и оставить его в неприкосновенности.

--- Ты сравил нас друг с другом. Ненависть была нашей силой и нашей слабостью. Наша гордость, наш гнев, наша вера --- все это было лишь орудиями для тебя. --- Веналитор улыбнулся. --- Темные Боги гордились бы тобой, юстикар.

Аларик никогда не слышал более ненавистных слов, потому что он знал,

что это правда.

Он выстрелил в упор из штурм-болтера Веналитору в грудь. Доспех Веналитора выдержал, но силы взрыва болтерного заряда было достаточно, чтобы сбить герцога с ног.

Позади него не оказалось пола, на который можно было бы упасть. Он выронил меч, хватаясь за пустоту.

Веналитор вынул из глазницы заткалорда Эбондрака. Кровавые плети взметнулись, пытаясь уцепиться за что-нибудь, но не нашли ничего. Падая, он встретился глазами с Алариком, и во взгляде его было нечто похожее на ужас.

Аларик смотрел, как Веналитор падает, провожая его взглядом в темноту Вел'Скана.

Холварн был отлучен. Аларик искал какую-то радость в этом, но она ускользала от него так же, как правда Раэзазеля. В этом порочном мире не было места радости.

Аларик отвернулся от глазницы, от охваченного войной Вел'Скана, и направился к «Молоту Демонов».

«Молот» сотрясаясь, его плазменные реакторы заполнялись прогретым топливом. Большая часть ржавчины осыпалась, обнажив темную синеву корпуса с золотом узора. Должно быть, в свое время это был поистине великолепный корабль. Он и теперь был хорош, и он был готов взлететь.

Аларик взбежал по лестнице к пыточной камере, волоча за собой свой доспех. Он увидел, что посадочный трап «Молота» по-прежнему опущен, но, судя по реву двигателей, это ненадолго. Пришло время покинуть Дракаази.

Он услышал за спиной шаги. Обернувшись, он увидел Одноухого и его уцелевших орков, измазанных кровью сцелфилигов.

Одноухий посмотрел на Аларика, потом на «Молот Демонов» и, видимо, своим нечеловеческим разумом понял, что для него и его зеленокожих спутников это был единственный шанс покинуть Дракаази.

Одноухий сплюнул, зарычал на

Аларика и повел своих орков обратно, вниз по лестнице, к истерзанной войной улицам Вел'Скана.

--- Юстикар! --- прокричал капрал Дорваз с трапа. --- Мы на автомилоте! Если придется, мы бросим вас тут!

Аларик поспешил по уже начавшему подниматься трапу. Гул двигателей нарастал. Плазма курсировала по трубопроводам от реакторов к двигателям. Внутри корабля затранцы искали, за что ухватиться, поскольку корабль затрясся еще сильнее, и все, что не было закреплено, понагало со своих мест. Катились по наклонному полу свечи, священные тексты слетали со стен.

--- Я вижу, ты нашел свое снаряжение, --- сказал Дорваз, глядя на силовой доспех, который Аларик волочил за собой. --- Если ты вытащишь нас с этой планеты, считай, что ты снова заслужил его.

--- Куда мы летим? --- спросил Аларик.

--- Об этом будем беспокоиться, когда вырвемся с Дракаази, --- ответил Дорваз.

Двигатели «Молота» взревели, и все

звук и утонули в этом реве, когда генераторы плазмы вышли в рабочий режим.

Корабль накренился, и хруст ломающейся кости говорил о том, что корабль, столетия проведший во дворце Вел'Скана, взлетел.

Дворец лорда Эбондрака развалился нагвое. Костяные осколки посыпались вниз, протыкая насквозь культистов, дерущихся на ближних подступах к дворцу. Двигатели взревели, и раскаленная струя сгула заднюю часть черепа, испепелив множество народа, когда из выпускных дюз ударил плазменный огонь. Череп рассыпался, погребая катеру пыток и трофейный зал под горой костяных осколков. «Молот Демонов» был наконец свободен. Остатки ржавчины слетели с него, корабль, освещенный пожаром пылающего города, включил маневровые реактивные двигатели, устремляясь в небо над Вел'Сканом.

Мало кто увидел это. Большинство были слишком заняты, они убивали, или

убивали их. Немногие увидели и решили, что это оружие, пущенное в ход лордом Эбондраком или заговорщиками. То ли враги Эбондрака прислали эту штуку, чтобы уничтожить дворец, то ли Эбондрак решил все-таки воспользоваться ею, пожертвовав своим дворцом, чтобы обрушить некий древний гнев на Арзутракса и прочих изменников.

И уж совсем мало кому, даже из видевших, было до этого хоть какое-то дело. Это только отвлекало их от убийства.

Аларик пытался удержаться на ногах, протискиваясь в дверь, рассчитанную на человека на метр ниже его. «Молот» снова согнулся, и Аларик чуть не упал. Нужно было торопиться. К тому времени, когда «Молот» покинет атмосферу Дракаази, может быть слишком поздно.

Полетная палуба «Молота Демонов» была так же щедро украшена, как и весь корабль. Синие стены были инкрустированы глиняными золотыми лентами с вытисненными на них сценами

из жития пророка Раэзазеля.

Судовой челночный катер ничуть не пострадал за прошедшие годы, укрытый на полетной палубе от стихий Дракаази. Темно-синий с золотом, как и сам корабль, он был украшен стилизованными изображениями множества ртов, которые, как с отвращением понял Аларик, были символом Раэзазеля. Когда демон настехался над Алариком, из его плоти говорили разом десятки ртов. Аларик открыл входной люк и забросил свой доспех внутрь. Он сможет снова носить его, когда очистится.

--- Хорошая мысль, --- сказал Гирф. Аларик обернулся и увидел киллера, по-прежнему в крови и боевой раскраске. --- На той штурковине полно психов. Они считают, что мы полетим пряником Императору в задницу. Если они ошиблись, мы можем оказаться где угодно. А если правы... знаешь, мы с Императором расходимся во взглядах с самого моего рождения.

--- Зачем ты здесь? --- спросил Аларик.

--- Затем же, что и ты, --- хмыкнул

Гирф. -- Убраться с этой штуки и
попытать счастья самому. Ты крутой,
Аларик, но ты не знаком с гном
Империиума так, как я. Сражения -- это все
здорово, но что до меня, так я могу
выбраться из Ока и на попутке. Такой, как
я, мог бы тебе пригодиться.

-- Ты сказал однажды, -- напомнил
Аларик, -- что не знаешь, почему совершал
преступления, почему убил тех женщин.

Гирф оглянулся, словно боясь, что
кто-то услышит их.

-- Допустим. Ну и что?

-- И не узнаешь.

Аларик выстрелил Гирфу в живот.
Болтерный заряд взорвался у киллера в
брюхе и вырвал из спины кусок
позвоночника. Гирф плюхнулся на пол.

-- Кровавый... -- выдохнул он. --
Кровавый Бог... обещал...

Аларик начал забираться в катер.

-- Ты хочешь... бросить их... --
пробормотал Гирф. Его страдальческий
шепот был едва слышен за ревом
двигателей. -- Хочешь... бросить всех...
старней из Гвардии, всех... подыхать здесь...

Не обращая внимания на утирающего человека, Аларик закрыл за собой крышку люка.

Юстикар едва поместился в тесной кабине. Он нажал кнопку на панели управления, и шлюз полетной палубы открылся. Воздух с шумом вырвался в разреженную атмосферу, унося с собой тело Гирфа, жалкий трүн, оставляющий за собой кровавый след, растворился в ночном небе Дракаази. Аларик запустил двигатели челнока на полную мощь и взлетел, чувствуя, как волны сверхгорячего воздуха из дюз «Молота» швыряют катер, словно падающий листок.

Он с трудом восстановил контроль над челноком, выбрался из кильватера «Молота» и направил катер в другую сторону.

Теперь и впрямь пора было убираться с этой планеты.

--- Полетная палуба только что открылась, --- сказал с трудом пробравшийся на мостик Хаггард, цепляясь за ограждение вокруг парящего в воздухе реликвария. --- Кто-то вывел оттуда катер.

--- Значит, они отказались от своей пожизненной награды, --- спокойно ответил Эрхар.

По корпусу били воздушные потоки верхних слоев атмосферы, все незакрепленные предметы разлетелись по кораблю, но Эрхар был спокоен, словно плыл по морю в полный штиль. Впереди, заливая мостик багровым светом, сияла костическая щель --- дыра, готовая поглотить «Молот Демонов».

--- Что это? --- спросил Хаггард.

--- Это разлом, --- ответил Эрхар. --- Отключите автопилот. Мы поведем его от Дракаази вручную.

--- Есть, лейтенант, --- ответил верующий за навигаторским пультом.

--- Император укажет нам путь, --- вытолкнул Эрхар, когда корабль отвернул от разлома к клубящейся туманности Ока

Ужаса. -- Нам нужно только слушать.
Наши молитвы, наши мечты -- это и есть
путь к Земле Обетованной.

Тело герцога Веналитора было нанизано на один из множества клинков, сплетенных в стальную паутину, в которую были встроены тысячи лачуг беднейших обитателей Вел'Скана. Острие вошло ему в спину и вышло из груди, чуть пониже вмятины на доспехе, оставленной зарядом из болтера Аларика.

В момент удара Веналитор был еще жив. Ему перебило позвоночник, и он не мог даже корчиться от боли, просто лежал неподвижно, пока боль терзала его, а тело медленно скользило вниз по затупившемуся от времени клинку.

Никто не видел, как он умирает. Под ним кипело сражение, в котором не было линий фронта, лишь всеобщая свалка, в которой все понятия о порядке и строе были отброшены и каждый сражался за

себя. Это было восстание, резня, которая
шла по всему Вел'Скану, более того, она
заразила всю Дракаази.

Голова Веналитора свесилась набок.
Он увидел, как на кровавой реке, змеей
выскальзывающей из предместий
Вел'Скана, что-то горит. Это был
корабль, его корабль, «Гекатомба»,
покинувшая якорную стоянку у подземного
причала. Она пылала от носа до кормы.

Камеры, должно быть, были
взломаны. Узники, сидевшие в них,
разбежались. Веналитор понимал теперь,
что надо было убить их, пока у него была
такая возможность.

Веналитор давно, очень давно
перестал быть человеком, но его последняя
эмоция оказалась совершенно человеческой.

Он испытал отчаяние.

Аларик видел армию, отступающую
через город, черную волну сцефилигов,
растекающуюся по улицам.

Он видел, как толпа демонов несла по
воздуху Аргутракса, огнем пробивая себе
дорогу к дворцу Эбондрака. Аргутракс,

вероятно, возьмет дворец, но, оказавшись там, он обнаружит, что самый ценный приз уже исчез.

Он видел лорда Эбондрака на шпиле большого собора, обороняющего медный купол от толпы жителей Вел'Скана, объединившихся в стихийную армию, чтобы достать его оттуда. Он испепелял их десятками, но их было слишком много, и они подожгли собор и теперь разбивали его колонны кувалдами и молотами. Вскоре собор рухнет, и даже лорду Эбондраку придет конец.

Похожие сцены разыгрывались по всему городу. Улицы были словно реки огня, дома — как жертвенные свечи, сражение — будто болезнь, постепенно поражающая всех.

Аларик отвернулся. Усугубить этот кошмар он уже не мог. Юстикар направил катер вверх, разгоняя его до орбитальной скорости. Он глянул на указатель уровня горючего. Немалая часть топлива испарилась за те годы, что катер простоял без дела, но все же осталось достаточно, чтобы покинуть атмосферу и

унести Аларика с орбиты и, возможно, доставить куда-нибудь, где Инквизиция сумеет найти его. Именно поэтому он покинул «Молот Демонов». Даже если Земля Обетованная, обещанная Эрхаром, существует, в ней нет места для Аларика. Пока еще нет.

Атмосферные вихри Дракаази стенила болезненная пустота Ока Ужаса. Не лучшее место, чтобы болтаться здесь одному, но все же менее опасное, чем Дракаази. Аларик мог, если понадобится, годами пребывать в полусне, мозг его отключался на это время, поддерживались лишь самые основные жизненные функции. После Дракаази вполне можно потратить хоть несколько лет на то, чтобы хорошенько все обдумать.

Едва Аларик включил главные двигатели на полный ход, небо над Вел'Сканом лизнул огромный язык рыжего пламени. Это был дворец Эбондрака, наконец-то обрушившийся в шквале огня. Эбондрак, вероятно, погиб.

Аларик не почувствовал от этого никакого удовлетворения.

Шум планетарной атмосферы стих,
и Аларик навсегда покинул Дракаази.

Раэзазель Лукавый слизнул кровь с
лица Дорваза. Вокруг него на палубе
«Молота Демонов» лежали сотни
растерзанных окровавленных трупов
гатранцев. Он налетел на них, будто
стерч, в их крохотных, ограниченных
путишках остался один лишь страх, а
потом Раэзазель коснулся их, и наступила
тишина.

Он скользил по коридорам и палубам
корабля. Они были привычными, как одно
из его собственных обличий, как удобное
облачение из плоти: святилища и надписи,
сделанные пилигриматами, не понимавшими,
что служат делу Хаоса; само строение
корабля, в котором уже было ловко
заложено обращение к Богу Лжи; его
запахи и ощущения.

«Гекатомба» сгорела, чары,
наложенные на его тюрьму, разрушились, и
Раэзазель оказался на свободе. Он был
жестоко наказан Веналитором, но все же
Раэзазель оставался демоном, дечищем

варна, и он все еще был опасен. Он проплыл наг улицами Вел'Скана, наслаждаясь войной, поразившей город, и отыскал «Молот Демонов» там же, где и оставил его, в полуслепшем черепе. Пробраться на борт было просто. Перебить затранцев оказалось сложнее, поскольку Раэзазель давно не практиковался, но было так приятно снова быть свободным, так приятно убивать. Скоро он опять набьет на этом руку.

Раэзазель скользил по палубам и капитанскому мостику. По дороге затранцы пытались сражаться с ним, но ужас ослеплял людей, когда он бил их в живот своими щупальцами или извлекал кривые золотые ножи, чтобы разрезать их на части. Большинство из них он высасывал досуха, оставляя лишь пустую оболочку, похожую на сброшенную кожу ящеров. Некоторых впалял в священные стены «Молота» или выворачивал наизнанку.

Он был теперь сильным. Свободным от своих уз. Одно обличье пришло в негодность, но зато появилась сотня новых.

Он был великоленен. Он был воплощением самой Лжи.

Мостик был перед ним. Раэзазель расплавил взрывоустойчивую дверь, превратив ее в лужу жидкого золота.

Внутри находилась великоленнейшая коллекция разумов, какой Раэзазель не видывал уже много столетий.

Они верили.

Он попробовал их веру на вкус. Они верили в религию, основанную на остатках культа самого Раэзазеля: обрывки священных писаний, несвязные воспоминания о паломничестве. Из ничего вдруг появились новые души, поверившие в ложь.

Раэзазель растеялся. Просто поразительно. Сами того не желая, обманутые им овечки положили начало целой новой породе обманутых верующих.

Раэзазель принял облик ночного кошмара и ворвался на мостик.

Эрхар схватил автоматический пистолет, лежавший в кобуре под командным пультом. Он стрелял не

целясь, поскольку демон, обрушившийся на
лестник, был настолько велик, что
промахнуться было невозможно.

Он выпустил половину магазина
сразу, слыша лишь вопли и звук льющейся
крови. Хойгенс исчез в сине-золотой
клубящейся массе демона.

Они были уже так близки. Они
покинули Дракаази со всеми ее ужасами, и
вот теперь такое.

Но крайней мере, они почувствовали
вкус свободы. Эрхар говорил себе это, когда
окровавленные щупальца обернулись вокруг
его тела и вспороли ему живот.

Его выдернули из-за пульты. Его
пистолет упал, а вместе с ним и кисть,
отсеченная по запястье золотым серпом.
Он взглянул в десятки глаз и ртов,
нависших над ним, и инстинктивно понял,
что он в когтях у Раэзазеля Лукавого.

Эрхар протестующе завопил, и сотня
ртов поглотила его.

Раэзазель дотянулся и вырвал душу у
верующего, сидящего за навигаторским
пультом, отделив нематериальную

субстанцию души от тела из плоти и крови. Остальные пилигримы пытались спастись бегством или драться. Те, кто дрался, изрядно позабавили Раэзазеля, тыча в него всем, что попадется под руку. У двоих было оружие из судебного арсенала. Раэзазель растопил пол под ними, и они по бедра погрузились в расплавленное золото и корчились в муках, сгорая.

«Молот Демонов» — славный корабль. Очистив мостик, Раэзазель сможет развернуть «Молот» и улететь на нем к новому миру. Там он начнет все сначала. Он найдет себе планету, невежественную и отчаявшуюся, и даст ей пророка. Тзинч получит наконец свое.

Раэзазель поглощал человека по имени Хойгенс, жадно всасывая его воспоминания, отрывочные картины жизни, полной смятения и ужаса, и восхитительное отречение от своей веры в конце.

Он так наслаждался, пожирая невежественный разум Хойгенса, что не сразу заметил, как последний остававшийся в живых поднял с пола

автоматический пистолет.

Хаггард отпихнул ногой отрубленную кисть Эрхара и поднял пистолет. На ватных ногах он двинулся к навигаторскому пульту, когда Раэзазель наконец весь перетек на мостик. Последние верующие исчезали в его массе. Хаггард знал, что все остальные на корабле мертвы. Свободы от Дракаази не будет. В живых не останется никто.

Хаггард со всей ясностью осознал, что просто выжить бывает недостаточно.

Сотни глаз обратились на него. Хаггард не знал, сможет ли пошевелиться. Он никогда не видел ничего более ужасного, оно сияло синей плотью и золотыми клинками, подернутыми серебром.

--- Где... --- запинаясь, выдал он, --- где мои грузы? Они мертвы?

--- Конечно, --- ответила ему сотня голосов сразу.

--- Хорошо, --- сказал Хаггард и ударил рукояткой пистолета по навигаторскому

пульту.

Командная клавиша отменила последние координаты, введенные в навигатор. «Молот Демонов» вновь лег на свой прежний курс — путь к Земле Обетованной.

Хаггард выпустил в навигаторский пульт остатки обоймы. Тот взорвался в искрах и вспышках синего пламени. Хаггард упал на палубу, скользкую от крови верящих.

Разазель Лукавый взглянул на обзорный экран. «Молот Демонов» разворачивался, звезды скользили мимо, пока картинка не остановилась на сверкающей красной щели посреди космоса. Это был варп-разлом, врата в варп, через которые Разазель обещал доставить души к Тзинчу.

Глаза демона округлились от чего-то похожего на ужас.

Разазель отшвырнул Хаггарда прочь, но пульт был уничтожен. Царством Разазеля был человеческий разум. Машины были всего лишь инструментами, просто кусками

металла. Он не мог переписать судовые
когитаторы, как переписывал память
своих жертв.

В глубинах варп-разлома открылся
огромный золотой глаз.

Главные двигатели «Молота
Демонов» дали полный ход, увлекая корабль
навстречу разлому. Он становился на
экране все больше и больше, этот
немигающий глаз, взглядом пригвоздивший
Раэзазеля к месту.

--- РАЭЗАЗЕЛЬ! --- произнес голос,
донесшийся из варпа. --- ТЫ ОБЕЩАЛ
МНЕ ДУШИ. ТЫ ОБЕЩАЛ МНЕ
ВЕРУЮЩИХ. ТЫ ПОДВЕЛ МЕНЯ.

В эти последние мгновения
Раэзазель завопил, а Хаггард растаял.

Аларик из рубки челнока видел, как
«Молот Демонов», взревев двигателями,
внезапно изменил курс. Корабль
устретился к красной щели, которая, как
предполагал Аларик, была варп-разломом,
местом назначения паствы Раэзазеля.

Не было сомнений, что все
находившиеся на корабле обречены: Дорваз

и храбрецы и из гатранского
Бронекавалерийского, которых Аларик
погвел еще раз; Эрхар, которому вера
сохранила разум, когда подобные Гирфу
теряли свои души; и Хаггард,
единственный настоящий друг Аларика на
Дракаази.

Он пытался скорбеть по ним.
Пытался почувствовать свою
ответственность за их смерть, но он
устал и не способен был чувствовать
ничего.

Аларик откинулся в гравикресле
катера. Созвездия Ока Ужаса вращались
вокруг него, сплетаясь в бесконечный узор,
непобедимый и вечный.

Аларик очень хотелось спать. Он
вверил свой разум мембране бесчувствия,
покрывавшей его мозг, и звезды погасли.

* * *

Аларик оставался в состоянии
бесчувствия семь месяцев.

Каталептическая пелена в его мозге отключила все, кроме дыхания и сердцебиения. Каждые несколько недель он просыпался, чтобы опустошить скудные запасы еды и питья, имеющиеся на катере, и не дать атрофироваться мышцам. Он с радостью погружался обратно в бесчувствие, потому что во время глубокого, абсолютного сна ему ничего не снилось.

Спасательная команда, двизавшаяся вслед за Имперским флотом, обнаружила позывные аварийного радиомаяка с челнока Аларика. Думая, что это отделяемый спасательный отсек крупного корабля и что они смогут получить с Имперского флота плату за спасенный экипаж, они радостно высадились на катер. Перед ними уже маячили видения, как они удаляются от дел с полными карманами кредиток, которые, несомненно, отвалит Им флот за спасение запертых внутри офицеров. К тому времени как им удалось взломать корпус, они были уже уверены, что там именно офицеры, причём те быстро повышались в чине, так что пог

конец спасатели ожидали найти там контр-адмирала или комиссара Флота, рыдающих от радости при виде их.

Вместо этого они впервые в жизни увидели настоящего живого костогесантника.

Поскольку они понятия не имели, насколько могут стоить костогесантники, зато прекрасно знали, насколько они могут быть опасными, спасательная команда принялась спорить, не лучше ли избавиться от него и предоставить катеру и дальше болтаться в космосе. Огромные размеры костогесантника предполагали, что он будет есть слишком много и на спасательном корабле запасы продовольствия закончатся раньше, чем он вернется в порт. Другие члены экипажа были за то, чтобы убить его, поскольку это, без сомнения, праведный монах-воитель, готовый вылезти из кожи вон, чтобы истребить грешников, а у всех членов команды биография была отнюдь не безупречной. Аларик положил конец спорам, открыв ударом ноги переходной шлюз и сообщив им, что если они не

отвезут его туда, куда он пожелает, он их убьет. Команда ему поверила.

Он пожелал, чтобы его отвезли в крепость Унквизиции на Белситаре.

Генерал тяжело вскарабкался на гребень. За последние месяцы он лишился нескольких конечностей, но их еще осталось достаточно, чтобы таскать его инсектоидную тушу. Его брюхо было покрыто шрамами, жвала затупились от успехов и кости врагов, но он был жив, чего нельзя было сказать о большинстве лордов Дракаази. Они горели ярко, бросаясь в атаку впереди своего войска и сражаясь друг с другом в бесконечных войнах, но зато и сгорали тоже первыми.

Старый сцефулиг оглядел открывшуюся перед ним картину. Вдалеке виднелся Аэлазадни, чьи хрустальные башни разбились и почернели, словно обломки гнилых зубов. В долинах, там, где равнина понижалась, он видел сражающиеся группы людей, полубезумных, вооруженных лишь зубами да странными каменными копьями.

Из всего этого рождаются, вероятно, новые чемпионы, новые герои Темных Богов. Они увидят груды древнего оружия в Вел'Скане и горы трупов в Горгафе и будут следовать примеру своих предков, породивших их. Генерал и народ сцефилигов уже видели, как такое случалось прежде.

Пока же не было ничего: ни порядка, ни структуры, ни власти, за исключением той, которую человек мог вырвать у трупов своих врагов.

На гребень взобрались другие сцефилиды. У многих из них тоже были боевые ранения, и все они стали ветеранами. Прошло много лет с тех пор, как сцефилиды участвовали в войне, и скоро, когда опять начнут возникать хищные военные банды, они уйдут под землю и снова станут ждать.

Среди сцефилигов были новички — чужаки. Зеленокожие и огромные, в большинстве своем просто свирепые животные, едва способные правильно держать топор, но некоторые из них были достаточно хитрыми, чтобы возглавить

своих товарищей, а у одного, седеющего
зеленокожего с одним ухом, в глазах горел
огонек понимания.

Сцефулиды и зеленокожие собрались
вокруг генерала, в знак почтения опустили
оружие. Генерал махнул передней
конечностью в сторону разрушенного
города и равнины, на которой шла
безнадежная, бесконечная война.

--- Теперь вы видите? --- спросил он, и в
голосе его на миг промелькнули необычные
для сцефулида рыкающие нотки. --- Хаос.

--- Это место, --- сказал инквизитор
Никсос, --- раньше было очень приятным
ландшафтом.

Никсос привалился своим старым
телом к ограждению балкона. Он глядел на
густой лес с коричневыми и серыми
пятнами мертвых деревьев. В их кронах
целые колонии хищных птиц дрались из-за
объедков. Все небо было в пятнах, а в
реках, берущих начало в дальних горах,
текла вода цвета грязи.

--- Улея много лет службы за плечами
и несколько медалей, можно было

получить тут местечко. Господам
генералам, адмиралам и им подобным.
Славная охота, полно привозных мальчиков
и девочек, готовых на все. Наркотики на
любой вкус. Вполне стоит того, чтобы
тысячу веков просидеть в окнах. — Никсос с
улыбкой отвернулся от грустной
картины. — Я думаю, планете это не
понравилось.

Аларик не ответил на его улыбку. На
Белситаре не было ничего особенно
забавного.

Величественное строение,
наполовину заросшее лесом, явно было
когда-то крепостью Унквизиции. Все
оборудование было снято, когда планета
решила ополчиться против своих
обитателей, но под нарядным фасадом
сооружения по-прежнему скрывались во
множестве тюремные камеры и
хранилища. Аларик у казалось, что теперь,
с разбитыми мозаиками, разрушенное и
поглощаемое лесом, это вычурное здание
выглядит лучше, чем когда-либо.
Белситар, несомненно, стоил того, чтобы
за ним приглядывать, из-за соблазнов.

предлагаемых культами удовольствий, и опасной природы знаний, носителями которых были собравшиеся здесь люди.

--- Знаешь, ты выбрал замечательное место для своего неожиданного появления, --- сказал Никсос.

--- Это единственное место в Оке, не находящееся в осаде, которое пришло мне на ум, --- ответил Аларик. --- Удивляюсь, как я вообще вспомнил, что здесь что-то есть. --- Аларик слышал, что на Белситаре есть резиденция Инквизиции, от инквизитора, к которому его направили, прежде чем присвоить звание юстикара. Тот инквизитор, должно быть, сейчас где-то в Оке, пытается остановить поток Хаоса, изливающийся оттуда.

--- И я удивляюсь, что ты остался жив.

--- Холварн мертв.

--- И Тейн тоже. Дворн и Визикаль выбрались.

--- Они живы? --- впервые за очень долгое время Аларик испытал что-то вроде ликования. Он думал, что остался совсем один.

— Они добрались до топливного завода и улетели с последним контейнером. Дворн назначен братом-капитаном в эскорте терминаторов Стерна. Визикаль с инквизитором Десканелет в районе Азриппы. Боюсь, что не знаю, как у них дела сейчас. Вокруг Ока все так запутанно.

— Не настолько запутанно, чтобы вы не смогли найти меня.

— Ах, юстикар, для чего же тогда грузья? — Никсос присел на каменную скамью рядом с Алариком. В помещении был когда-то танцевальный зал с огромными окнами, выходящими на балкон. Теперь лишь куски обвалившейся лепнины и полная сухих листьев оркестровая яма напоянали о его великолении. — Я прочел твой предварительный рапорт.

— Полный бюджет на много глинее.

— Бюджет, бюджет. — Никсос оглянулся на звук шагов по лестнице. — А, Хокеспур.

Когда Аларик видел дознавателя Хокеспур в последний раз, он не взялся бы сказать, утирает она или нет. Очевидно,

все шло к тому. Нижняя часть ее лица была обезображена оспинами и химическими ожогами от той гадости, которой она надышалась на Хаэронее, и горло спереди обхватывал объемистый дыхательный аппарат. Как и прежде, на ней была флотская форма без знаков различия. Она несла какое-то тяжелое приспособление, судя по виду, предназначенное для пробивания отверстий в металле.

— Все готово, сэр, — объявила она жестким металлическим голосом.

— А получится? — спросил Никсос.

— На пленниках с Сүбуако получены хорошие результаты, — ответила Хокеспур.

— Тогда приступайте, дознаватель.

Хокеспур встала позади Аларика. Хотя он и сидел, ей пришлось поднять устройство на уровень глаз, чтобы достать до его шеи. Зажимы защелкнулись на Ошейнике Кхорна. Волна жара ударила в заднюю часть шеи, и зажимы загрозили. Аларик почувствовал боль, шею очень сильно сжавило. Металл

заскрежетал, потом громко хрустнул, разрезанный на части.

Две половинки Ошейника Кхорна звякнули об пол.

Аларик задохнулся. Он увидел призрак Белсимара, видение прекрасной планеты, просвечивающее сквозь печальный ландшафт. Потом оно исчезло, на стену ему пришла гипервосприимчивость. Аларик мог слышать эхо печали Белсимара и боль войны на звездах над головой.

--- Получилось? --- спросил Никсос.

--- Да, --- ответил Аларик с легкой угрожей в голосе. --- Я снова целый.

--- Через несколько дней все будет в порядке, --- заверил Никсос. ---

Дезориентация --- это нормально. --- Он тронул остатки ошейника носком ботинка. --- Уберите это, --- сказал он.

Хокеспур подчинилась, она подцепила половинки ошейника священными щипцами и унесла прочь.

--- Я рад, что она жива, --- сказал Аларик, когда она ушла. Он потрогал тополь на шее, там, где ошейник терся об

его кожу.

--- Она сказала бы про тебя то же самое, --- ответил Никсос, --- если бы считала, что подобные вещи уместны. Мне очень жаль говорить это, Аларик, но ты уже списали тебя со счетов. Когда мы узнали, кто захватил Сарнис Майорис, мы испугались самого худшего. Да простит меня Император, я надеялся, что ты погиб на поле боя.

--- Возможно... --- Аларик запнулся, он все еще не привык к вернувшейся психической чувствительности, --- Возможно, это было бы не так уж и плохо.

--- Что заставляет тебя говорить так? --- спросил Никсос. Похоже, он не удивился, услышав это. --- В галактике не так много Серых Рыцарей. Что же хорошего в том, что их станет на одного меньше?

--- Чтобы выжить, --- сказал Аларик, --- я делал ужасные вещи. Я направил лордов Дракаази друг на друга, в точности как культист, подстрекающий к бунту. Я общался с еретиками и ксеносами. Я бросил очень многих людей погибать.

чтобы самому бежать и отомстить.
Серый Рыцарь не стал бы делать этого.
Много раз я спрашивал себя: быть может,
правильнее будет просто умереть, но я...
не мог. Я должен был выжить. Я должен
был пройти через все это, и даже просто
выжить было недостаточно.

--- Ты боишься скверны, --- сказал
Никсос.

--- Боюсь. Больше, чем чего бы то ни
было. Теперь я знаю, что такое страх.

Никсос снова улыбнулся. Он был очень
стар, наверное, ему было несколько
столетий, и даже по меркам Инквизиции
ему очень долго удавалось избегать
смерти. Он видел, вероятно, все странные
и ужасные формы, какие только могла
принимать скверна, но паший Серый
Рыцарь --- это превосходило все.

--- Аларик, у тебя есть возможность
очиститься. Это не просто и довольно
болезненно, но это можно сделать. У нас
есть способы.

--- Я смогу снова сражаться как Серый
Рыцарь?

--- А вот это интересный вопрос. У

Серого Рыцаря есть немало способов служения, а у тебя — тем более. У тебя, Аларик, есть воображение. Верность очень ценна, да, но и изобретательность тоже. Многие ли из Серых Рыцарей смогли бы выжить на Дракаази? Не говоря о том, правильно это или нет, многие ли из них смогли бы придумать все это?

— Немногие, — признал Аларик.

— Значит, этим нужно гордиться. Это еще один клинок в руке у Императора. Остелюсь сказать, что мое слово могло бы вернуть тебя обратно в тренировочные залы Титана, если бы это было лучшей службой для тебя, но дела в Оке обстоят очень скверно, и нам нужны не просто солдаты, пусть даже это Серые Рыцари. —

Никсос хлопнул ладонями по своему глиняному черному облачению и встал. —

Наш челнок отправляется через два часа. Почитай молитвы и прости себя на какое-то время. Подумай о том, что ты сможешь сделать для Императора, вместо того чтобы вспоминать, какие грехи совершил в прошлом. Насчет тебя у меня особые планы, юстикар Аларик. Ты еще

сам увидишь, чего человек с твоими талантами может достичь. Хотя на Дракаази ни у кого не было бы на этот счет никаких сомнений. -- Никсос вслед за Хокеснур направился к лестнице, ведущей на нижние этажи особняка и к ангару для шаттла.

Аларик опустил голову, чувствуя, как психический глаз внутри него щурится от внезапного света. Он был рад, что на Дракаази этот глаз был закрыт. Он мог бы не выдержать всепоглощающего уродства этого места.

Он думал о Холварне и Эрхаре и о гатранцах на «Молоте Демонов». Думал про Разазеля, Эбондрака и Аргутракса. Он видел лицо падающего Веналитора, выражение ужаса, когда тот понял, что проиграл. Думая об этом, снова воскрешая все в памяти, все равно ничего не изменишь.

Он сложил руки перед собой и начал молиться.

-- Я Молот, -- шептал он. -- Я наконецник Его коня, перчатка на Его руке...